

Silver

Виктория Роа

Annotation

Из всех существующих на свете животных я предпочитаю собакам кошек, а могучим львам ехидных гиен. Одни нравятся мне своим родством со мной, ибо кто, как не танцовщица в вульгарном баре знает, что такое кошачья грация и пластика дикой кошки, но по своей натуре, я так же сравниваю себя с хитрой, но очень властной гиеной.

Глава 1

Из всех существующих на свете животных я предпочитаю собакам кошек, а могучим львам ехидных гиен. Одни нравятся мне своим родством со мной, ибо кто, как не танцовщица в вульгарном баре знает, что такое кошачья грация и пластика дикой кошки, но по своей натуре, я так же сравниваю себя с хитрой, но очень властной гиеной. В последнее время, я все чаще ловлю себя на мысли, что каждый человек олицетворяет собой какое-то животное. Во всяком случае, на этой мысли я поймала себя, когда, застав ситуацию с одной знакомой парой, услышала фразу по отношению к мужчине конечно же: «Ты ведешь себя, как животное.» А почему именно так? Да потому что его хищный интерес к своей женщине делал его возбужденным. Нет...не похотливой обезьяной, а именно массивным, заинтересованным хищником. Как по мне, такую крепкую хватку могут иметь только аллигаторы. В конце концов, это ведь тоже своего рода признание, когда твой мужчина готов рвать тебя в клочья, и такую привилегию ты сама расставляешь в своей иерархии интимных отношений. Ведь в любой паре возникает вопрос «а кто будет сегодня сверху?», и никто не виноват, что раздвигать ноги в нижней позиции у тебя просто получается лучше, чем повелевать на жезле власти в какой-то степени принадлежащим тебе.

За свою недолгую жизнь, а именно за двадцать три года (пять из которых работаю в стриптиз-баре), я успела насмотреться на разных персонажей, и собственно разных зверей. Если бы не моя привычка сомневаться, то я могла бы давно поставить галочку в списке достижений, что все эти люди приходят поглазеть на меня, на мое тело, а не выпить втридорога стопку коньяка, чтобы после в знак какой-то (может быть) солидарности, засунуть мне за лямку трусиков пару сотен. Самые ярые поклонники всегда садятся возле сцены, чтобы лучше вкусить своими похотливыми взглядами всю меня, а по уходу они оказываются самыми щедрыми и номинал с двух сотен возрастает до пяти, а то и больше, но их главное отличие от зевак — по уходу они достаточно хищно клацают зубами. Этот звук невозможно спутать и в какой-то мере, но он согревает уже унывающую самооценку. В такие моменты я думаю, что будь я чуть более простоватой, то могла бы подрабатывать и зарабатывать больше. Ведь если бы хотя бы раз в жизни, я остановила одного из этих парней, что суют мне купюры не за лямку трусиков, а прикасаясь к лобку, и просто предложила бы сопроводить меня до гримерной, то не получила бы отказа. И эту наглую морду не остановили бы не семья, не дети, впрочем, его не остановило бы даже наличие четырех любовниц. Просто натура такая. Ведь беспородному кабелю все равно сколько случаев у него произошло за день.

И ведь я уверена, что даже в виденье зверей люди очень сильно ошибаются, и именно из-за этого портится всякое восприятие другого человека. Для меня он сын обычной бродячей суки, а для какой-нибудь робкой канарейки окажется крокодилом с острыми зубами. Впрочем, для кого-то и я могу оказаться жалкой сукой, а не ласковой кошечкой, и вот это тоже меня роднит с кошачьими. Разве кошки оборачиваются, услышав не свое имя, а какую-то липкую гадость?

Бар в котором я работаю полон своих липких легенд, но за все время своего существования он не потерял былой славы, а скорее наоборот, расширяет границы разума зевак и приманивает своей старой, неоновой вывеской. «Silver» переливается своим серебряным светом до нежно-голубого и мерцает блеском самого приманивающего цвета.

Популярность этого бара удивительна, ведь располагаясь вдалеке от большого города, но остается на равне с местными барами, куда вход строго 18+, и никак не раньше. Исключение составляет только одна ситуация: в нашем баре такую ситуацию называют «Клубничное шампанское». Это тот самый момент, когда на пороге бара появляется великовозрастный извращенец с сигареткой во рту, пронимающий взбалмошную девчонку лет шестнадцати, что ловит открытым ртом клубки выпускаемого дыма. Такие парочки строго ассоциируются в моей голове, как хитрый лис и самодовольная змейка. Такая скользкая, самоуверенная, и как вкусно наблюдать моменты, когда эта змея кусает саму себя по собственной глупости.

Посетители сменяли один другого, и самые мною обожаемые уже занимали свои места у сцены. Эти хитрые лица я уже хорошо знала. Вот взять, например, Диму. Что заставляет этого славного мужчину с весьма симпатичной внешностью и чутким характером изменять любимой жене с которой прожил уже более десяти лет? Какой бы ранний брак не был, но это ведь не повод строить из себя человека из рода собачьего? Хотя нужно дать ему должное, ибо, не смотря на все заигрывания со мной, он не позволял себе лишнего. Никогда. Черты его лица схожи с чертами скуластого добермана, как и его поджарое тело могло свести с ума любительниц сторожевых псов. Он бегло осматривал зал постепенно наполнявшийся людьми и пытался увидеть меня, но все было бесполезно. Подтянув ткань брюк с колен, он по свойственной ему манере заказал себе коктейль, и принялся ждать. Покорно ждать ту, что подарит ему три минуты распутного счастья.

— Эля... — шептал голос Макса крепко сжимающего в своих крепких руках мою талию. — ты сводишь меня с ума. — прикусив зубами нежную шейку, он грубо прижал меня грудью к холодной стене коридора, что редко освещается светом.

Грубые проникновения разрывали меня изнутри, и поскуливая в его ладонь, я просто терпела акт нашей с ним несправедливой любви. Почему несправедливой? Да потому что в сексе друг другу мы не подходили. Он хотел страсти, грубости и моего унижения, а я была плохой актрисой, знающей себе цену. Пока Макс представлял меня жертвой изнасилования, я мысленно раздвигала ноги перед лицом этого женатого поклонника, что припадает своими тонкими губами к набухшим от возбуждения моим. Толчок, и еще толчок, мое тело покорно в руках Макса, и тем обиднее чувствует себя душа, что не чувствует влечение к этому мужчине, что готов рвать пасти любому псу, что только смеет капать слюнями в мою сторону. И хотя встречаемся мы уже несколько месяцев, да и работаем пять (он здешний вышибала, забыла сказать), я, к своему стыду, никогда не хотела его, как мужчину. Он хороший, добрый по отношению ко мне, и такой внимательный, но только секс с ним... мне стыдно, но ничего поделать не могу. Я даю ему удовольствием взамен на его понимание. Чем тогда я не проститутка? Торгую телом за понимание.

— Эля... — шепчет дрожащий голос.

Запуская ладонь в мои волосы, он грубо наматывает их на руку и прижимает меня спинкой к своему крепкому торсу. Движения быстрые, выбивающие из меня все соки, заставляющие ноги подкашиваться, а грудь быстро колыхаться. Его вторая ладонь придерживает меня за живот, и блуждает от груди до лобка, и возвращается назад. Его член пульсирует внутри моего лоно, и еще несколько секунду до долгожданного рычания, впивания пальцев в кожу и грубого шлепка. Он шепчет мое имя все секунды своего оргазма, а после позволяет снять наполненный семенем презерватив. Бык. В моих глазах, он предсказуемый бык. Обычно принято сравнивать вышибал с медведями, гориллами, но для меня он бык. Простой, упертый и иногда бесцеремонный.

Максим старожил этого бара по меркам времени своей работы. Я говорила, что работаем мы вместе с самого начала? Так это имелось в виду с самого начала моей работы, а сколько он здесь работает? А черт его знает. Ему тридцать пять лет. Крепкий мужчина крепок во всем, но ко всей своей натуре он терпеть не может разные драки, да и в целом-то всегда сохраняет спокойствие, но стоит какому-нибудь парню неправильно начать дышать возле меня, как он начинает беситься. Как говорит моя мама, он просто ревнует и скорее всего не уверен в себе, если позволяет эмоциям брать вверх. «Ты же и так с ним. Что ему еще не хватает?»-спрашивает мама каждый раз, когда я делюсь с ней своими мыслями по поводу Максима. Все знают, что в порыве гнева он страшен, и именно поэтому персонал знает, что доводить его до кипения — мысль плохая.

Конечно, секреты были и у меня. Под сценическим образом «Эльвира» скрывалась я. «Эля», как любит называть меня Макс не имеет со мной ничего общего, ибо мама при рождении дала имя Веста. Веста. Так была названа римская богиня — покровительница семейного очага и хранительница жертвенного огня. В ее честь существовал целый культ в Италии, поддерживаемый жрицами храма весталками. Но все течет, все изменяется. Время прошло, культ развенчали. И теперь Вестой зовут стриптизершу в баре «Silver». Вот тебе и семейный очаг, вот тебе и хранительница жертвенного огня.

— Эля, — произнес Максим застегивая ширинку брюк. — ты неотразима, как всегда, девочка моя.

— Спасибо. — скромно улыбнувшись, я подняла с пола кружевные трусики. — ты тоже был класс.

— Можно просьбу? — он улыбнулся, нежно обвив ладонью мой локоть. — не заставляй меня ревновать.

— Я танцую стриптиз. Ты не забыл? — засмеявшись, я поправила бюстгальтер, а затем высокие ажурные чулки. — я не пай девочка с детского утренника, что танцует в розовом платье танец маленьких утят. Я оголяюсь за деньги и дарю удовольствие. Пора бы тебе уже привыкнуть.

— Ты оголяешься перед этими парнями у сцены. — голос его захрипел. — ты делаешь это так, словно тебе самой это нравится.

— Так, парень, — вытянув руку вперед, я уперлась кистью о крепкий живот. — хватит.

— Может быть, я что-то не знаю? Может быть, ты вообще трахаешься с одним из них и поэтому так задорно несешься на сцену? — прошипел Макс грубо сжимаю мое запястье.

— Ты делаешь мне больно. — ответила уверенно я.

Свист с зала подзывал меня на сцену. Я дернулась в сторону сцены, но Максим не отпускал меня. Недовольство клиентов становилось громче, и я видела, как вены на шею Макса пульсировали от злости и того самого ревнивого скотства, что пронизывали тонкими иглками недоверия его душу. «Пусти меня»-прошептала я, чувствуя, как сжатие становится только сильнее. Макс не сводил с меня своего почерневшего взгляда. Не отступала и я. Его откровенно бесила моя уверенность, смелость и он сдался, высвободив мою руку. «Не смей ко мне приближаться»-прошептала потирая запястье я.

Нежные нотки света загорелись разными прожекторами от кона сцены, и доходили до яркого света к основанию шесту, где можно было увидеть мой силуэт. Свист сидящих у сцены мужчин становился громче, и Дима бросил к моим ногам цветы алых роз. Я склонилась и подняла один из цветков. Колючие шипы касались кожи шеи, груди и живота, и вдыхая их сладкий запах, я подмигнула их хозяину. Разноцветные огни света замелькали

быстрыми, короткими сияниями и зал наполнился музыкой саксофона, играющего современный свинг. Своим кошачьим шагом я подошла к краю сцены, где расположился еще один шест. Мое чувственное тело скрыто за полупрозрачным костюмом. Черный топ плотно облегал мою грудь позволяя при особо ярком свете разглядеть отвердевшие соски, соединялся золотой цепочкой по пупку к обтягивающим, черным трусикам, что в свою очередь не скрывали бугорка Венеры и позволяли увидеть вьющиеся волосы по лобку.

Ступая по своему подиуму, как по Бродвею, я чувствовала ту переполняющую меня самоуверенность, и в некоторой степени надменность. Обхватив ладонями шест, я прижалась к нему спиной, ягодицами. Медленно спускаясь на корточки, и двигая плечиками, я заставляла медленно колыхаться грудь нежно ударяясь друг о дружку в этом тесном топе. Голос...чарующий, чуть с хрипотцой эротичный женский голос заполнил стены зала. Изящная лань заведения «Silver»...Шантель...она же Шэйла...она же Маша. Ей двадцать один год, и поет она совсем недавно. Появилась в стенах Сильвера где-то с год, но за этот год мы сдружили так сильно, что сейчас я плохо представляю, как вообще жила без нее. Ее роскошные, пепельно-русые волосы собраны в высокий хвост, что своим кончиками щекочет ее поясицу. Изящно сложена, с этим великолепным изгибом талии, что делает ее схожей с Джессикой из фильма «Кто подставил кролика Роджера?». Полная грудь подпрыгивает при быстрой ходьбе, что делает ее идеальным персонажем порнографического нуара.

«Как вышло так? Ты со мною стал жесток: уходишь прочь, и горький мне даешь урок. Гляжу тебе во след, больно на душе. Туше, финал, прощальный сей жест...

Не остановлю, ведь больше не наивна.» — пропела своим сладким голосом Шантель, и мужчины, что сидели возле сцены чуть ринулись вперед. Все...кроме Димы. Ему нравилось прожигать меня своим взглядом заставляя чувствовать стыд. Обхватив ладонями шест, я медленно начала двигать бедрами в такт урчащего голоса напарницы. Резкий переход, и вот я обнимаю ножкой холодную опору. Взрывной припев срывается сладкой негой куплета, и вот я уже скольжу до самого основания вниз.

В этом номере я не раздеваюсь, но завораживаю не меньше. Прозрачная сеточка на лакомом кусочке трусиков, что мечтают сорвать многие мужчины так и заставляло их дыхание становится частым, тяжелым, словно они прикасаются ко мне руками. Я знала, что Дмитрию нравится такая игра света и тени, порока и невинности. Почему я думаю о нем, когда танцую? Просто это единственное, что заставляет меня быть сейчас лучше. Доставить моральное удовольствие зрительного возбуждения, но не дать ни кусочка своего тела. Это вверх извращенного искусства нашего современного мира, какое я только смогла познать на пике фривольного танца.

«Ну же, честным будь с самим собой! И движений море ты открой! Давай играть мелодию конца, «Танцевать» любовь, что мы искали так давно!»-пропела Шейла, и вот я ступаю на самый первый от стены столик. Игривые движения бедрами, резкие приседания, ритмичные в такт саксофона шевеления ягодицами, и вот я одарена настоящим восторгом. Шаг еще шаг. Оказываюсь на столике. Не Димы...нет. Я не позволила бы себе такой жестокости по отношению к нему. Дразнить голодную собаку лакомой костью — вверх жестокости, а я добрая, хоть и своенравная, кошка. Нежно, плавно, я протянула ступню к сильным, крепким плечам Кирилла. «Обещание твоё одна игра: докажи любовь!» — прошептала в микрофон Шейла, и я плавно, двигая бедрами спустилась на его пах заставляя сердце бешено биться.

Кирилл...он заместитель хозяйки, но только забывает об этом каждый вечер, и считает, что полномочий у него больше, чем есть на самом деле. Он взял на себя слишком много ответственности, когда женился на женщине с дочерью-подростком, которая переживает разрыв отношений родителей сильнее чем что-либо. Кто по натуре он? Я склоняюсь к хищным птицам. Если вцепиться когтями, то живым от него уйти просто не получится. Его отношение я всегда чувствовала, или же он никогда его не скрывал. Хотя жену свою считает королевой, да только почему же ты, король ее сердца, позволяешь себе прикасаться к моему телу так, словно оно принадлежит тебе? Песня подходила к концу, и я вернулась на столик, чтобы шагая по столешницам дойти до сцены.

«Красивых слов ты мне много говорил, тем самым был ко мне несправедлив. Ты пообещал, я тебе доверилась, в объятиях так было тепло. Называл меня личной своей судьбою. Если любишь, будь со мною — не смей больше убежать!». Далее следует только страстный саксофон, под который меня трогают за щиколотки грубые мужские ладони. Пора. Словно стремящийся за жертвой хищник, я скрываюсь за кулисы под звуки чистейшего восторга. Аплодисменты.

Глава 2

— Откроем же шампанское. — воскликнула Вероника достав из ведерка со льдом заранее охлажденную бутылку. — за еще одну удачную смену, дорогие мои.

— Сегодня все прошло на редкость тихо. — улыбнулась Марго. — представляете, — девчонка подставила высокий фужер барменше и вздохнула. — я заметила интересную деталь. Сегодняшний вечер был тихий, потому что не было малолетних дебоширов.

— Малолетних? Девочка моя, — барменша наполнила до середины фужер игристой, золотистой жидкостью, что от рук профессионала не дала пену. — здесь вход строго с восемнадцати, как по мне, здесь быть не может твоих малолетних дебоширов.

— Ника, милая, а для меня все кто младше двадцати восьми считаются малолетками. Ты никогда не замечала, что чем младше мужчина тем более он наглый? — Марго отпила глоток шампанского и облизнулась. — чем старше мужчина тем более он уверенный в себе, и лучше знает, как доставить удовольствие женщине. При чём, чем он старше, тем более младше себя выбирает, а это на руку мне. Мне нравится, когда взрослый мужчина нежно целует в щеку и говорит: «Девочка моя».

— Что-то пахнет это по педофильски. — Вероника улыбнулась. — Шейла, Веста, куда вы пропали?

— Сейчас, подожди, пожалуйста, мы переоденемся только. — выкрикнула из гримерной я.

Вероника...для меня она тоже берет корни из рода кошачьих, но только более взрослых. И хотя наша небольшая разница в возрасте должна быть просто незаметна, я же воспринимаю Нику, как старшую сестру. Такую спокойною, рассудительную и мудрую. Ей двадцать пять лет, она замужем и самое интересное, что большинство людей только это и знаю о ней, но от моего зоркого глаза невозможно скрыть нюансов ее характера, что она так старательно скрывает. Короткостриженная блондинка с самыми чистыми, голубыми глазами, какие я только видела у женщин. В них возможно утонуть если влюбиться, ими невозможно вдоволь насладиться от чего хочется смотреть ей прямо в душу, которую она скрывает корсетом-ребер и не позволяет никому прикоснуться глубже кожи. Она по-своему необыкновенная, и, хотя я считаю, что ей не хватает общительности, по-своему я ее понимаю. К чему лишние свидетели жизни, когда ты предпочитаешь уединение? Когда я пришла работать в «Silver», то Ника уже работала за стойкой горячительных напитков.

После закрытия смены, мы с Машей удалились в гримерную, чтобы снять макияж, и переодеться в повседневную одежду. Забавно осознавать, но я совершенно другая за пределами сцены. Я далеко не королева вечеринок, да и шум в общем-то не люблю, но почему-то судьба имеет свое чувство юмора, и возможно, мой некий рок работать стриптизёршей. Почему я собственно работаю ей? Честно говоря, я не знаю, но мама всегда считала, что человек должен заниматься тем, что у него лучше всего получается, и так уж получилось, что оголяться под музыку, и танцевать у меня получается куда лучше, чем отвечать на телефонные звонки и пробивать товары на кассе.

На улице снова пошел дождь, и я грустно вздохнула. Опять забыла дома зонт, а без зонтика по такому ливню будет сложно идти. Осень само по себе тоскливое время года, и, хотя я родилась седьмого октября, но все равно считаю, что есть куда более хорошие времена года. Например, весна или же лето, когда тепло и хочется напиться солнечным светом до

следующего года. Снимая с себя все эти сценические побрякушки, я посмотрела в зеркало и склонив голову на бок, грустно улыбнулась. Если бы не эта милovidная мордашка, то чего бы ты смогла достигнуть? Глупая зайка. «Sorry, I'm a Lady»-начала напевать Шейла надевая теплую мастерку. Сняты все бусинки, сияющие серьги, и стертые блески. Обтягивающие темно-синие джинсы с высокой талией, заправленная облегающая черная футболка и, как ее называет мама, телогреечка сверху. Вот и вся Веста, а не это красивое белье, и вызывающие сетки. Очки из футляра с толстой, черной оправой и никакого макияжа. Что только во мне можно найти? Таких обычно «серой мышью» называют. Какая из тебя кошка, Веста? Только слова...

— Ты идешь? — спросила Шейла перекинув рюкзак на спину. — если не выдвинемся сейчас, то придется с ними пить и слушать весь этот бред Марго. Веста? Веста? — позвала снова меня Шейла. — ты меня вообще слушаешь? — вздох. — Веста!!!

— М? — я обернулась. — прости, опять я тут в своих мыслях. Прости, пожалуйста, Шейлочка. — сев на высокий барный стул, что давно уже умыкнула с бара, я перекинула ногу на ногу и достала телефон. — ты иди, я, может быть, потом тебя догоню.

— Потом? Веста, там дождь. Я поспешу домой. — Шейла нежно поцеловала меня в макушку. — позвони, как вернешься домой.

— Обязательно, береги себя. — прошептала я.

Маша закрыла за собой дверь, и раздался за окном разъярённый гром за которым последовал настоящий град из крупных гроздьев дождевой воды. На часах 05:12, и я не знаю почему, но хочу позвонить. Сделать этот ранний звонок, который может разбудить ее, но только она не станет ругать свою блудную дочь. Гудок, и еще один, и вот ее бодрый голос говорит...

— Котенок, почему так рано? Что-то случилось, Веста? — пролепетала в свойственной своей манере мама.

— Да нет, мам, просто захотелось послушать твой голос. — улыбнулась я откинувшись спиной о невысокую спинку барного стула. — ты почему не спишь? Так рано ведь.

— Котенок, я же на смене. Представляешь, но люди заказывают такси даже в такое время. — вздох. — у тебя смена уже закончилась?

— Угу. Двенадцать минут назад. Спокойно прошла. Знаешь, даже на редкость спокойно. Много заказов? — спросила я доставая тонкую сигарету из кармана телогрейки. — откуда едут? — чирканье зажигалки заставили маму тяжело выдохнуть. — мама?

— Это то о чем я думаю? Ты снова куришь? Веста, девочка моя, это Макс тебя доводит? Ты только скажи мне, и я мигом вправлю мозги этому кретину. — уверенно произнесла мама.

— Ты чего? Нет, это не из-за Макса. Он, конечно, урод еще тот, но это просто усталость. Мам, ты не волнуйся так. Все же хорошо. — начала было убеждать ее я, но от каждого вдоха становилось ясно, что убеждать пытаюсь я не ее; а себя. — прости, я снова сорвалась.

— Почему тогда ты не бросишь эту работу? Возвращайся домой. Да, будет тяжело, но вдвоем-то мы быстро встанем на ноги. К тому же, если захочешь, то я договорюсь и будем работать вместе, а там посмотрим. Глядишь и здесь найдешь такой вот достойный бар. Вест, что ты думаешь?

— Ты все еще переживаешь из-за разрыва с папой? — спросила неожиданно для себя я.

— Веста, котенок, только не говори, что ты из-за этого волнуешься? Отец сделал свой

выбор, но это не потому что ты или я плохие. Просто он решил, что с другой семьей ему будет лучше, а то, что есть Божий суд он не думает об этом. — мама кашлянула. — ты не должна из-за него себя накручивать, как и цепляться за парней вроде Макса. Девочка моя, ну неужели вокруг не нашлось достойного, хорошенького мужчины для тебя? М? Котен?

И тут я задумалась. Нашлось бы на меня множество мужчин, но только...если не Макс, то получается, что буду рушить чьи-то семьи и только потому что мое либидо не может успокоиться? Разве это не жестоко? Где-то в глубине души я восторгаюсь, как мужчиной Кириллом, но это восторг, не выходящий за рамки приличного, да и не хочу я подрывать и без того подорванное сомнение его женщины, а что если Дима? То это тоже тупиковый вариант. Как человек презирающий своего отца за предательство, я никогда не позволю себе стать той, кто подстрекает людей на совершение такого греха, как прелюбодеяние. Тем более-то без любви. Отвратительный поступок трусливого страуса.

— Мам, но я люблю Макса. — затычка, и я выпускаю вверх кольцами ментоловый дым.

— Ну, конечно. — усмехнулась мама. — ты ври, но не завирайся.

— Что ты в самом деле? — улыбка. — как там твои дела с Андреем? Он уже сделал тебе предложение?

— Предложение? — мама громко рассмеялась. — он боится, что его тридцатилетний сынок не так поймет. Поэтому, — она сделала глоток. Скорее всего кофе. — я не думаю, что мы вообще будем вместе. Прости за подробности, но... — еще глоток. — хороший секс еще не гарантирует идеальной семейной жизни. Поэтому, милая, не покупайся на мужское качество в плане любовника, помимо того, как управлять своим кожаным молотком, он обязан уметь обращаться и с обычным. Знаешь ли, в чем толк иметь хорошего любовника, если ему на голову упадет полка, и он не сможет ее прибить?

— В твоём идеальном мире, он должен сделать это не отрываясь от акта любви. — грустно улыбнулась, затушив сигарету в пепельнице. — мам, а ты не хочешь приехать ко мне?

— Котенок, пока не могу ничего обещать, но может быть, к новому году? Когда мы в последний раз праздновали вместе новый год?

— Хм, когда я подарила тебе брошку, которую забрал отец. Мудак плешивый. — пробурчала я. — он никогда не делал тебе таких подарков. Как он мог принять ее за свой подарок?

— Веста, не переживай ты. — вздохнула мама. — ради Бога, не переживай.

Наверное, все матери такие, или же мне достался ангел, но мама всегда волнуется за меня, только вот при этом она всегда была моим другом. Кстати, серьезно. Сколько себя помню, то отношения с людьми у меня складывались достаточно плохо, и может быть, именно поэтому в детстве у меня не было друзей, подруг, но недостатка я никогда не чувствовала, ибо мама поддерживала с самых ранних пор. Мы делали все вместе: первый мой сожжённый вишневый пирог, первая сплетенная спицами красивая накидка, которую она (я уверена) носит до сих пор. Мои первые слезы неразделенной любви у нее на плече, и первые попытки суицида...тоже на ее глазах. Стыдно-то как. По стихающему шуму, и прощальным словам я поняла, что наши постепенно расходятся. «Веста, я оставила ключ на столе. Закрой, когда будешь уходить.»-прокричала мне Вероника.

Бар пустовал. Такое бывало крайне редко, ведь даже в самые громкие праздники здесь был аншлаг посетителей. Это меня всегда удивляло, что заставляет приличных мужей покидать свои семьи в семейные праздники и отшиваться здесь? Убедившись, что никого в

помещении больше не осталось, я присоединилась по программке к ноутбуку, которым обычно тоже управляет Вероника, ставя в ряд подходящую музыку, запланированную по программе на вечер, как и некоторые минусовки для песен Шейлы. «Non, regrette rien» — запела Мирей Матье своим превосходным, сильным голосом, и я вышла на сцену.

Тусклый свет затух, и подцветка, что включалась каждая раз, стоит только ступить на сцену медленно озарила мои босоногие ноги. Вальяжно, не спеша я подошла к шесту. Робко, словно боясь обжечься, я схватилась ладонью за шест и обошла его, не отпуская руки, прокрутилась на одном месте. В такие романтические моменты, я прекрасно могу понять, что, то изящество, грация и черт возьми, но гибкость — опьяняет восторженного зрителя, заставляя мужчин не глазеть на меня, а рассматривать, как произведение искусства, сотворенного руками самой природой. Одним плавным, хотя и резким движением, я идеально ровно приложила свою правую ногу в ровный шпагат по шесту. Музыка становилась громче, голос певицы резче, и медленно скользя вниз, я зацепилась за опору ступней, придерживая ладонью шест, и крутанулась с такой грацией, что ветер, нет настоящий сквозняк с легкостью коснулся бы щек любителей сидеть у сцены. Я чувствовала себя в воздухе, как парящая, яркая бабочка. Пятки столкнулись друг с дружкой, когда я обняла ногами шест, и медленно, но так сладко-приятно скользнула ими вниз. Словно плавная мельница я двигаю кошачьими лапками в такт этой соблазнительной французской песне. Разводя бедра чуть в стороны друг от друга, я провела ладонями по внутренним сторонам, и резко сжала их вновь вместе. Приподнявшись, и держась кистями за шест, я резко перевернулась, оказавшись головой вниз и обнимая опору ногами я всей душой ощущала, как земля уходит у меня из-под ног. Музыка подходила к концу, и я хотела было закончить танец так эффектно, как если бы танцевала на концерте превосходной французской певицы, но посмотрев в зал, я сорвалась от страха с шеста ушибив левое бедро. Уверенность впервые подвела меня. Стеснение подставило подножку.

— И давно ты за мной подглядываешь? — спросила дрожащим от нервов голосом я. — Кирилл, ты до смерти меня напугал.

— Сколько тебя знаю, Весточка, но ведь ты никогда не была легкого поведения, но с какой страстью, с каким удовольствием ты показываешь себя зрителю. — он выдохнул в сторону дым от сигареты запивая горькое послевкусие не менее горьким виски. — в чем соль, милая?

— Кирилл, это моя работа. — ответила я чувствуя от его взгляда настоящее моральное давление. — раз ты здесь, то я пойду домой. Закроешь бар, ладно?

— На улице дождь. — прорычал Кирилл играя стаканом разбалтывая напиток оставшийся несколькими каплями на доньшке. — а ты, кажется, без зонта.

— Я дойду. Мне недалеко. — мой голос становился от волнения тише. Тише настолько, что мог напоминать мышинный писк.

— И за что мне все это? — прошептал Кирилл облизывая пересохшие от нескольких затяжек губы. — я люблю тебя, как придурок. Спрашивается, что мне в жизни не хватает?

— Не впутывай меня в свои душевные проблемы. Не я их создательница, и не мне их решать. — я спустилась со сцены, и обула кеды. — пожалуйста, прекрати рвать душу своей жене. Она и так боится любого вздоха чужой женщины возле тебя, а ты, пьяный дурак, позволяешь себе говорить мне такие липкие вещи.

— Да, — он резко сжал мое запястье. — пьяный дурак, но только мне тошно смотреть, как все эти мерзкие животные позволяют себе клацать зубами от вида твоего обнаженного

тела. Так чем они заслужили твою добродетель?

— Кирилл, что ты хочешь от меня? — нахмурилась я. — если я так рву душу тебе, то может быть, мне стоит задуматься об уходе на другое место?

— Да что ты все о таких пустяках. Если мне все это так осточертеет, то я сам уйду. Думаешь, что держаться за такое дерьмо — привилегия высшего назначения? — он резко допил виски и зажмурился. — да я прихожу в этот гребаный бар только из-за тебя. — сжимая сильнее мое запястье прорычал Кирилл.

— Ты меня совершенно не знаешь, Кирилл. — прошептала резко вырвавшись я. — и вообще, ты женат и ты не можешь...

— Трахать тебя? — усмехнулся он. — могу. Это уже вопрос института брака, который не позволяет мне этого делать опираясь на совесть и клятвы верности. — его тонкие губы исказила хищная улыбка. — если я по-настоящему захочу вкусить тебя, как женщину, то ничего мне не помешает зажать тебя и раздеть.

— Дождь уже кончился. — я скривилась от ужаса. — закрой за собой бар.

Я поспешила уйти. Забрала телефон и ключи от дома. Солгала. Дождь лил, как из ведра, но это не страшно. Быстрее домой и отмыться от всей сказанной грязи. Я шла, нет бежала по лужам только бы скорее отойти на максимально безопасное расстояние от бара; где опрокидывает очередной стакан Кирилл. Дома я не застала Макса, что еще сильнее ударило ниже моего самолюбия. Я думала, что он одумается и вернется, но обнаружив в телогрейке вторую пару ключей, поняла, что сегодня мне предстоит спать одной. Горячая ванная расслабила тело, и я погрузилась в состояние легкого транса от сладкого запаха малиной пены, включенное на телефоне музыки «Pardonne moi». После потраченных двух часов на водные процедуры, и сушку волос, я получила смс сообщение от мамы «Я дома, люблю тебя». Видео вызов. Сейчас мне это нужно.

После нескольких звонков в экране наконец-то появляется ее личико. Растрепанные светло-русые волосы, зеленые глаза и эта мягкая, светлая улыбка. Помахав мне рукой несколько раз, она жестом показала мне «подожди минутку», и достала наушники.

— Ну привет, котенок. — улыбка мамы стала еще шире. — ты почему еще не в постели?

— Мам, ну какая постель? Семь утра. Время идти на пробежку. — я засмеялась. — твоя смена закончилась?

— Закончилась, и Слава Богу. Знаешь, я всегда удивлялась, откуда с утра берется столько пьяных людей. Представляешь, все куда-то едут, и только мы с тобой, как...

— Как проститутки с ночной смены вернулись домой. — вздох.

— Ну, котена, это слишком печально звучит. У вас дождь? Я слышу, как капли бьются о стекло. — мама повернулась на спину и ее волосы рассыпались по подушке, словно красивый цветок.

— Угу. Промокла до нитки.

— Смотри мне так не простудись. Ты выпила чаю? — она прикрыла ладонью зевоту.

Мы проговорили еще два часа, но самое важное я так и не рассказала. Не рассказала того, что раздирает до сердца душу, ломает ребра и заставляет курить. Не рассказала, что страшно, но только, как может дочь заставлять так волноваться мать? Я этого не понимаю. Маска на глаза и спать. Ночью снова начнется мой старый кошмар... Надеюсь, что Кирилл вернулся домой...

*Кирилл.

И кружа в воздухе со стаканом в руке, где еще оставались нотки прелестных духов и тела Весты, хмельной мужчина представлял, как это обладать такой женщиной, как она. Танцовщица...девчонка...мелкая распутница без распутства, но с такой чувственностью, что не свойственна девушкам вроде нее. Кирилл жил каждым часом, проведенным с ней, проведенным на расстоянии вытянутой руки, но стоит протянуть кисть к раскрытым крыльям бабочки, как она тут же упорхнет на другой...более красивый цветок. Он медленно сходил с ума от раздирающей всю его душу любви. Зачем только сказал всю эту грязь? Придурок...

Веста...Веста...повторяли пересохшие губы переполняя сердце бешеным ритмом. Повторяли его губы в надежде, что она чувствует его дрожащий шепот. Повторял влюбленный мужчины сдерживая скупую слезу. Он никогда не думал, что любить тяжело, но если это горькое чувство, что сдерживает его словно клетка опасного хищника и есть любовь, то почему все вокруг убеждены в сладости этого эйфорического чувства. Она девочка звезда...небрежная, растрепанная, такая очарованная собой, и в ее чувствах нет места такому, как Кирилл. Он поклялся забрать это чувство надежды с собой. Оставить ее в покое. Не позволять себе больше никогда в жизни такой грязи, какую он вылил на нее в своем пьяном бреду. Смирись. Загадка этой женщины разгадана, но не тобой. Сдерживайся. Не отпугивай красивую бабочку своей бесцеремонностью...сделай это...

Кирилл посмотрел на свои наручные часы, прежде как открыть дверь. Без четверти седьмого. Бесшумно открыв входную дверь, он остановился, посмотрел в зеркало и покачал головой. Ему нужно поспать. Незачем его женщинам (жене и падчерице) видеть такого мерзкого типа. Он никогда не скрывал, что находит свою внешность так сказать не самой симпатичной, да и оценивать мужскую красоту ему было не с руки. Ведь мужчины на то и есть мужчины, чтобы быть ценителями женской роскоши, а не вот этого вот. Кирилл снял куртку, и повесил ее на вешалку, разулся, и прикрывая зевоту прошел по узкому коридору в спальню, но что-то было не так. За приоткрытой дверью зала виднелась фигура Саши.

Саша...Александра...она сидела неподвижно в кресле с лицом глубокого разочарования, и обиды, что скреблись черными кошками в ее душе. На столике рядом часы, высокая кружка с недопитым кофе, и ночник. Ночник со своим томящим светом, который практически не было видно в свете первых солнечных лучей, что пробивались сквозь серые тучи дождевой пелены. Саша сидела в кресле, обмотавшись в теплый плед, и увидев Кирилла, скривилась в недовольстве, можно сказать практически в призрании. Кирилл протянул ладонь, чтобы убрать спавшую прядку мягких, каштановых волос, но женщина увернулась от мужского прикосновения.

И вот сейчас Кирилл начинал трезветь. Они такие разные. Саша и Веста. Черное и белое. Веста со своими вьющимися, белокурыми локонами до плеч казалась ангелом с чистыми, зелеными, словно летняя трава глазами. Со своими хрупким, но таким чувственным телом. Он видел в ней настоящего ангела с роскошными, упругими, полными бедрами, что она разводит в стороны скрывая робость за вызывающим танцем. «Ей бы крылышки за спиной приделать, и получится нимфа»-воскликнул Кирилл увидев впервые Весту. И глядя сейчас на Сашу, он понимал, что между ними...между его любимыми

женщинами нет ничего общего. Саша...высокая, спортивная женщина с карими глазами, каштановыми волосами по поясницу, и с укоризной во взгляде. Надменность и робость. Нежность и превосходство. Одну из них Кирилл вкусил, как сочный плод, но желание прикоснуться к миловидной танцовщице заставляло его срываться. Он так часто ловил себя на мысли, что сейчас простонет на пике своего бешеного удовольствия его имя, что ему становилось страшно от самого себя. Он боялся желаний. Он боялся собственной страсти. Он боялся ее...ее...девчонку с волосами цвета пшеницы...с щеками нимфеточного румянца.

— Я удивлена, Кирилл. — произнесла Саша допивая свой холодный кофе от которого у женщины начинался приступ тошноты.

— Чему именно? — спросил Кирилл снимая свою белую рубашку и вешая ее на вешалку. — что тебя до сих пор удивляет, радость моя?

— Странно, что ты вообще пришел домой. — женщина хмыкнула. — знаешь, как это здорово... — она сделала еще один глоток, но он оказался пустым. — ждешь. — Саша аккуратно поставила кружку на столешницу и вздохнула. — я жду тебя. Жду всю ночь, и знаешь, как это все же паршиво. Я ведь знаю, что твоя смена заканчивается в пять утра, и никогда ничего не говорила по этому поводу, но только...

— Что только? — Кирилл обернулся. — в конце концов, я работаю и это не моя вина, что часы работы бара такие. Саш, ты ведь это прекрасно знаешь. Если бы я мог, то давно бы ушел с этой гребаной работы.

— Так уйди. — спокойно ответила женщина. — можно подумать, что ты не сможешь найти себе работу в каком-нибудь другом баре. Или в этом тебя что-то держит?

— Можно ли нам обойтись без твоих замечаний? — мужчина сел в кресло напротив.

— Можно, но как? И вообще, давно ли твоей работой стало наблюдать, как это вертихвостка дергает задом? — Саша улыбнулась.

— Она не вертихвостка, и у нее есть имя, и да, она работает в этом баре, как и я, следовательно, моя работа наблюдать за порядком в этом заведении. Что в этом такого удивительного? — мужчина устало вздохнул.

— Следит за порядком у вас Макс, а ты должен быть чуть лучше, чем канцелярская крыса. Что-то я никогда не слышала, что в списке твоих обязанностей был хотя бы намек на бумаги или переговоры.

— Знаешь почему? Наша владелица жива, и такими мелочами занимается она. — Кирилл скрестил кисти рук в замок у губ.

— Не понимаю я... — Саша встала с кресла и обойдя его, обхватила ладонями мягкую обивку. — почему у всех мужья, как мужья? Почему они успевают и поработать, и провести время с семьей, и... — ее ладонь робко коснулась локтя. — и исполнить супружеский долг? Кирилл, когда мы в последний раз оставались с тобой наедине?

— Саш, — Кирилл подошел к жене, приобняв ладонью ее талию. — все наладится. Просто сейчас тяжелый месяц.

Александра вздохнула. Прижавшись к мужу всем своим телом, она хотела снова почувствовать единство, какое охватывало ее в моменты самых крепких объятий. Что-то было не так. Что-то было абсолютно не так. Он отстраненный, какой-то чужой, совершенно. Его объятие холодное, словно он обнимает кого угодно, но только не ее. Пытаясь надышаться его запахом, Саша вздрогнула. Нежные нотки ванили, игристого ириса, чарующего цветка яблока. Сладко-нежный парфюм женщины. Женщины, что рушит ее семейную жизнь. Коснувшись ладонь мужского торса, Саша истерично засмеялась.

— А может мне стоит прийти? Да, — женщина сделала шаг назад сдерживая накатившие слезы. — прийти и просто посмотреть в глаза этой дряни...

— Ты совсем с катушек съехала? — Кирилл скривился в ужасе. — что ты опять начинаешь???

— Неудивительно, что все женщины бросают вас. Знаешь, Кирилл, а я тоже человек. Я тоже женщина, и я хочу любви, ласки и понимания. Я устала постоянно быть для тебя идеальной, когда тебе это нахер не нужно. — Саша глубоко задышала, чтобы не заплакать. — если тебе трудно дать мне должное внимание, то я найду того кому буду не безразлична. — Саша вышла из зала, но спустя несколько минут вернулась вновь. — в конце концов, чем я заслуживаю меньше уважения, чем твоя трясогузка?

Кирилл молчал пытаясь переварить все сказанное его женщиной. Саша вернулась в кресло, и скрестив ноги, всем своим видом провоцировала мужа на скандал. Он это понимал. В такие моменты, глаза Александры сужались и становились практически черными от надменности, от той злости, что вырывалась наружу из души вон. Он сжали руку так, что суставы его пальцев захрустели. Кирилл встал, обошел диван и облокотился ладонями о мягкую спинку кресла. Саша сидела настолько неподвижно, что от холодка по спинке не дрогнул ни один мускул на ее тонком личике. Она готовилась к словесной битве с супругом. Она готовилась к предстоящему скандалу. Она не умела уступать.

— Не было бы тебя, — он облокотился задом о кресло, и засунул руки в карманы брюк. — была бы другая, которая не трахала бы мне мозги. Знаешь почему? Потому что у нее хватило бы своих мозгов, чтобы понять где я работаю, с кем и почему. Была бы другая, которая уже давно заткнулась бы и предложила мне простой пойти спать. Хорошо... — он цокнул языком. — хочешь уважения, то веди себя достойно, прекрати обращать внимание на бл*дей, что окружают каждого из нас ежедневно. Хочешь любви, так давай и это устроим. Я тебя каждый свой выходной зову сходить куда-нибудь. Взять Свету и бл*ть, просто сходить в парк, в кино, да в цирк вне дома. Я зову тебя пообедать, выпить кофе... — он выдохнул. — так ты задрала меня своими диетами и правильным питанием. То тебе нельзя, а альтернативы ты даже не ищешь. Тебе просто нравится надо мной издеваться!!! А если ты хочешь ласки... — он обернулся, коснулся двумя холодными пальцами ее горячей шее и скользнул ими по спине вниз. — сделай хоть что-нибудь, что пробудило бы эту страсть между нами. Но нет... — его пальцы нежно сомкнулись вокруг тонкой, нежной шейки. — тебе больше нравится ломать меня. Нравится, когда я оправдываюсь и прошу прощение за ущемление, которого нет.

— Мне не хватает тебя, Кирилл. — прошептала Саша не сдерживая крупные гроздья слез, что ударялись в мелкую россыпь о мужские руки. — только тебе хорошо и без меня.

Кирилл разжал пальцы рук, и вздрогнул. В голове всплыли воспоминания, как однажды отец со всей силы ударил его мать за подобные слова, замечания. За подобное отношения. Разница Кирилла с отцом была не велика: отец всю жизнь работал охранником разных частных заведений, а сын его стал заместителем начальницы стриптиз-бара. Он вспомнил, как после того случая, мать забрала сестру и хотела забрать и Кирилла, но только он отказался, посчитав это предательством отцовской любви. Он любил Сашу, свою падчерицу Светку, которая взаимной любовью отвечала ему не часто, но если и отвечала, то те слова, которые она говорила отчиму были более честным, чем признания в любви ее матери. Девочка, что росла без отца и что хотела быть нужной...девочка, что никогда не знала, как это, когда тобой гордится папа была очень привязана к Кириллу, как к родному,

ведь кроме него был еще и биологический отец, что спился и был убит в пьяной потасовке, и кроме слез и боли ничего не оставил после себя для родной дочери. Света прониклась к Кириллу только последние полгода, ибо все это время даже не подозревала, как это вести себя с чужим мужчиной, что однажды просто захотел услышать «папа». Кирилл любил девочку, как родную дочь, которой у него никогда не было в силу мужского бесплодия.

Александра скинула плед, встала и направилась в спальню. Кирилл со всей силы бил по мягкой диванной обивке не в силах совладать с собственной слабостью, болью. Осадок виски все еще провоцировал его на безумие, и в какой-то момент он просто сорвался. Сорвался, как умалишенный, как помешанный, как влюбленный. Резко словив тонкое, женское запястье, он почувствовал, как быстро бьется сердце Саши. Женщина тяжело вздохнула, и сжавшись от страха...прошептала выводящую из себя фразу...

— Если ты мне изменишь, если предашь, то я уйду...Кирилл, заберу Свету и уйду. Ты это понимаешь? — слезы стекали по ее впалым щекам.

— На каком это основании ты забереешь у меня Свету? — он крепче сжал хрупкую женскую ладонь. — ты что о себе возомнила, сука? — все его нутро клокотало от бешенства.

— Кирилл... — прошептала Саша. —пусти меня, мне больно.

— Ты какого черта мне угрожаешь? — его глаза чернели от кома злости, что переполняла его сердце. — если ты решила свалить, то будь добра, — он грубо толкнул девушку и она ударилась о дверной косяк. — собирай свои шмотки сейчас и проваливай!

— Подонок! — сорвалась Саша. Ее голос захрипел. — ставишь мне условия? Что, — она потерла левый бок. — уже трахнул эту дрянь? Быть может это тебе нужно выметаться отсюда?

— Мне? — Кирилл сжал руку в кулак. — повтори это еще раз. — прошипел мужчина чувствуя, как все его суставы хрустят.

— Тебе... — уверенно произнесла Саша, но увидев, как вены на шее мужа вздулись от нервов, она сделала шаг назад. Кирилл уверенно сделал шаг вперед, и приподняв правую руку сжатую в кулак заставил Сашу сжаться от страха. — Кирилл, прекрати. Успокойся.

Со всей силы ударив в стену, он снова цокнул языком. Саша резко присела на корточки закрывая лицо и голову руками. Она тяжело дышала. Страх сковывал все ее тело. Страх заставлял слезы литься ручьями, и скулить. Она знала, как это, когда тебя бьет мужчина. Она помнила эта по первому браку, когда отец Светы приняв на душу поднимал на беременную девушку руку, и не стеснялся в брани называл ее последними словами, но тогда страх был другим. Тогда страх опозориться был сильнее ее. Кто она такая? Девчонка без прошлого, без будущего. Сирота, сбежавшая из детдома и встретившая его, как тогда казалось, самого нужного, самого единственного, ласкового, но только ласковым он был редко, а именно в моменты трезвости. Сейчас она тоже боялась, но только страх этот был иным. Совершенным. Нездоровым.

Резко схватив жену за волосы, Кирилл поволок ее к двери. Саша кричала, пыталась вырваться из его крепких рук, но мужчина был сильнее ее. Зажав левой кистью ее рот, он грубо прижал дрожащее тело к своему. «Заткнись, пока я не сломал тебе шею.»-прошептал он, и Саша послушно кивнула не прекращая реветь. Кирилл выпихнул за дверь супругу бросив ей в лицо пальто и оставив стоять в подъезде в ночной сорочке и этом роскошном, новом пальто, что он купил ей за несколько дней до этого. меховая опушка, дорогой мех и переливчатые пуговицы...как же нелепо сейчас это выглядело. Словно побитая проститутка она стояла у двери собственного дома не в силах войти в него. Саша кричала, колотила

кулаками в дверь разбивая их в кровь.

— За вещами приползешь завтра. — грубо выкрикнул Кирилл запирая двери.

— Кирилл, — истерично закричала Саша. — пожалуйста, пусти меня...

*Кирилл

Сегодня мы собрались в этот замечательный день для того, чтобы связать узами брака двух любящих друг друга людей. Прошу ответить Вас, жених, согласны ли Вы взять в жены Александру и является ли Ваше решение... Он не слышал слов, а видел лишь ее... такую смущенную, такую родную... такую хрупкую, как фарфоровая балерина в этом белом, пышном платье за фатой которого скрывались темно-карие глаза, что при солнечном свете блестели сиянием драгоценным камней. Усталый скиталец нашедшей жизнь у ног этой женщины боготворил ее, как боготворит ребенок свою мать. Обрученный, окольцованный, но счастливый. Нашедший приют между волшебных женских ног, что однажды открыли ему тайну сексуального спасения во вкусе медовых губ. Ее лотоса цветок, что лишил его покоя, что напоил нектаром досыта. Он отдал за этот любви поток все, что у него было. Он поклялся разделить с ней любовь, боль, смерть и что сейчас? Ненависть, переполняющая чашу страсти, что заставляла его метаться.

Будильник сигнализировал о восьми часах утра, и громкое зевание Светы протрезвило отчима. Кирилл решил, что сейчас нужно играть по правилам честного рассудка, да и стыд пробирал до костей за собственное, неадекватное поведение. Мозгами понимает все, но только беспокойное сердце не может смириться со всем происходящим. Пожелав доброе утро падчерице, он открыл входную дверь. Саша сидела на ступенях, ведущих на пятый этаж закрыв лицо руками, и тихо всхлипывала. Плакать не получилась, ибо слез будто бы больше не осталось. Он ничего не сказал супруге. Просто оставил дверь, открытую так, словно она бродячая кошка, что зайдет погреться и полакать теплого молока, оставленного специально для нее.

Чайник сорвал свисток своим свистом, и Кирилл уже готовил падчерице завтрак. Яичница на оливковом масле, черный хлеб с плавленым сыром и ее любимый черный чай с лимоном, но без сахара. Сахарный диабет исключал из ее рациона привычные для подростка продукты, но она от этого не страдала, а наоборот, гордилась тем, что ЗОЖница без ЗОЖ. Света... тринадцатилетний подросток со своими, совершенно иным тараканами, что не свойственны девочкам в ее возрасте. Не страдала никогда по мальчикам, хотя ее сверстницы уже пытаются быть взрослыми путем вешанья не только на шею к мальчишкам постарше. Попасть в ситуацию, когда малышка Света приведет в дом своего мужчину была для Кирилла табу. Он и слышать ничего не хотел о таких перспективах, и открыто говорил «мужчины не достойный таких хорошеньких девушек, как ты, Светик». Понимала ли девчонка — это по-своему или нет он не знал, но то, что мальчишки ее не интересуют знали все и в первую очередь — мальчишки.

Короткостриженная, натуральная шатенка со своими по сути, но детскими щеками пробудила в Кирилле настоящие отцовские чувства. Внешне напоминала ему мать в детстве, и может быть, именно поэтому старался опекать маленькую девочку, как родную. Темно-карие, широко распахнутые глаза с невероятными ресничками придавали ей некой зрелости во взгляде, как и аккуратный, острый носик. При одном взгляде на нее, Кирилл знал, что в будущем она станет страстной, чувственной женщиной. Об этом говорила форма ее губ. Небольшие, чуть припухлые, нежно-розового цвета. Телосложением она была явно не в свою мать. Пышная девчонка, что в свои тринадцать имела второй размер груди и пробуждала

сонных волков в зеваках старшего возраста. Светка вышла из ванной комнаты, надела свою школьную форму и пришла на кухню за долгожданным завтраком. Отпив глоток чая, она принялась за хлеб с сыром. Обедала она чуть больше двадцати минут, ибо торопиться не ее клише. После сытного завтрака, она направилась в прихожую, чтобы собраться. Кирилл помог девчонке перекинуть сумку, завязал на ботинках красивые бантики, и игриво (понарошку) дал щелбан по аккуратному носику девчонки..

— Сколько сегодня уроков? — спросил Кирилл облокотившись ладонью о дверной косяк. — ты все взяла? Ничего не забыла? Проверь! Ключи, телефон, домашка, сменка?

— Все на месте. — улыбнулась Света застегивая пуговицы пальто. — спасибо большое.

— Давай аккуратно. — Кирилл похлопал по плечу девчонку, и она резко обняла его.

— Я люблю тебя. — прошептала Света. — до вечера.

Он стоял у двери в спальню и долго топтался на месте, словно мальчишка, только что нахамивший матери, что теперь боится смотреть в глаза той, кто принимает и любит его таким, какой он есть. Три робких стука, но ответа так и не последовало. Кирилл аккуратно толкнул незапертую дверь и прошел в комнату, где нависла атмосфера настоящего разгрома, который он сам и сотворил. Сам. Своими руками. Стыд пробирал до дрожи и липкого пота, выступающего на лбу. Он сел в глубокое кресло, и закрыв лицо руками вздохнул.

Александра неподвижно лежала на супружеском ложе, и молчала. Горло пересохло. Слезы снова скатывались с ее глаз оставляя мокрую дорожку предательских слез на личике. Редкие всхлипывания, громкое сглатывание заставляли Кирилла тяжело вздыхать. Он ненавидел себя в такие моменты. Ненавидел себя так же, как в детстве отца. Он прекрасно помнил, как рыдала мама, и видя сейчас слезы супруги...тошнота подкатывала к горлу от собственного омерзения. Все его нутро протестовало гордости и лишнему фарсу. Любил ли он Сашу? Да. Любил. Любил больше жизни, но сейчас...сейчас жалость брала вверх, и он просто не знал, как начать с ней разговаривать. С ней...с такой нежной, с такой ласковой, с такой, черт возьми, родной. Ее слезы — его вина. Ее пугливая дрожь — его заслуга.

На столике у кресла лежала книга, что так любит читать Саша, и Кирилл открыл на закладке страницу. Поклонница Шекспира, романтическая особа, что так любит любовь, живет ею, пронизанная ниточками страсть и желанием быть любимой. Заметив телодвижение супруга, Саша села на постель, перекинула ногу на ногу и совершенно не замечая за собой, но начала нервно болтать ею. Он не любил Шекспира, и только сейчас впервые с настоящей грустью читал заветные строки влюбленного мужчины, коим сам себя и считал...

«Моя Джульетта. Солнышко, взойди,
Чтоб смерть пришла завистливой луне.
Она от злости вся позеленела —
Ты белизной затмить ее сумела,
Хотя сама из лунной ночи родом,
Но девственный наряд луны холодной
Сними — одни глупцы лишь ходят в нем.
Да, это ты, любимая моя!
Ах, знала бы она о том, как я
Влюблен. Она о чем-то говорит,
Но звука нет... Заговорю в ответ.
Как я самонадеян — не со мной

Беседует она во тьме ночной...»

Александра вырвала из рук мужа книгу, и резко швырнув ее на пол вся встрепенулась. Он молча смотрел в эти карие глаза, пока она не дернулась назад. Страх снова сжал сердце заставляя зрачки становится шире. Кирилл сохранял хладнокровие. Понимая сердцем, что должен сейчас же встать на колени и молить ее о прощении, никак не мог справиться с нависшей, гнетущей ситуацией.

— Ты не можешь постоянно так себя вести. — прошептала Саша облизывая пересохшие губы.

— В каком смысле? — Кирилл удивленно приподнял левую бровь.

— Я...я понимаю, что ты ничего не обещал мне, и возможно, даже в верности не клялся, но...

— Клялся. В любви и верности. Клялся. — прорычал приподымаясь Кирилл. — именно в этом. Клялся, что буду с тобой. И в болезни, и в здравии. Я свои обещания сдерживаю. Я никогда тебе не изменял.

— Ты продолжаешь мне врать. — Александра провела ладонью по своим волосам вверх. — даже сейчас, ты стоишь, и Кирилл, врешь мне в глаза. От тебя несет женскими духами и знаешь, если ты думаешь, что я...

— Женскими духами? — нервно засмеялся Кирилл. — ты хочешь сказать, что все это из-за женских духов?

— Не понимаю причины твоего веселья. — женщина вздохнула. — я не дура!

— Бл*ть. — смех вырвался истеричной ноткой с его губ. — бл*ть. — снова повторил Кирилл. — и все это дерьмо из-за каких духов. Саша, — он резко сжал ее холодные, как лед ладони. — Сашенька, я работаю в стриптиз баре!!! Да, там об меня обтираются женщины. Официантка, что постоянно порхает от столика к столику, танцовщица, что танцует раскованные танцы выбирает меня в качестве клиента, чтобы не попасть в цепкие лапы какого-то озабоченного болвана. Если такое происходит, то это не значит, что я с ними сплю. Ну скажи мне, только честно, я хоть раз давал повод тебе усомниться? За все эти одиннадцать лет. Ты хотя бы раз видела мое наплевательское отношение?

Она замолчала. От стыда краснели ее щеки, как и дрожало все тело в преддверии страха. Подкашивались ноги, в глазах темнело. Все нутро было в предобморочном состоянии, которое случилось с ней в моменты острого волнения. Вдруг она вспомнила, как впервые привела этого мужчину в дом, когда ее дочери было всего ничего каких-то два года. Остро переживающая прошлые отношения влюбленная женщина позволила ему прикоснуться к сердцу, что было спрятано в терновых зарослях. Вспомнила, как впервые ее малышка Света улыбнулась этому незнакомцу, что вручил в маленькие ладони плюшевого медведя. Первую мягкую игрушку, с которой она до сих пор сдувает пылинки. Старый, потрепанный медведь и по сей день оставался ее самой любимой игрушкой. Саша вспомнила, как Кирилл плакал, провожая в первый класс Свету, и как радовался ее первым школьным успехам, как он посещал каждое мероприятие девочки, и никогда не говорил «нет». Если для ее дочери он может быть «героем», то почему она не дает ему шанса быть этим самым героем для нее?

— Если хочешь, то пойдем сегодня со мной. Пойдем, я покажу тебе что и где работаю, чтобы ты поняла, что мне нечего от тебя скрывать. — Кирилл крепче сжимал дрожащие, хрупкие кисти жены и покрывая их поцелуями, прижимал к своим горячим щекам.

— Ты серьезно? — Саша попыталась улыбнуться. — если только из-за интереса.

*Веста

*«Cet air qui m'obsede jour et nuit»-запел волнительный голос Эдит Пиаф, и я погрузилась в эту музыку французского, пленительного аккордеона, что перемешиваясь с соблазнительным, рычащим голосом певицы заставлял меня испытывать настоящий экстаз. «Однажды этот мотив сведет меня с ума»...От плавного волнения, к сладкому соблазнению. Меня разделяет от возбуждения один шаг. Этот музыкальный экстаз...мурашками по коже, волнением в сердце заставляет тело поддаться сладкому плену и пуститься с первых же минут искать выход сексуальной ломки путем танца. Обнимая ладонями свою стезю, я резко покружилась вокруг шеста, прижалась спиной к холодной, металлической основе и скользила вниз, приседая на корточки, и разводя бедра в стороны не смогла сдержать желания погладить собственное тело. Выгибаясь в такт соблазнительной мелодии, как истинная любительница надменности, я млела в страсти, в этом эйфорическом нагревании тела.

*Тот мотив, что преследует меня день и ночь (Radam. Эдит Пиаф)

«Этот напев указывает на меня пальцем, и я тяну его за собой, как странную ошибку, этот мотив, который знаю наизусть.» Снятые мною и прозрачное, блестящее платье, и высокие каблуки. Я нагая предаюсь страсти с самой собой, забываясь в музыке, в женском, чарующем голосе, и любви к делу, что пленит меня удовольствием. И только сейчас понимаю, что никогда не жалела, что танцую в баре. Это моя работа, удовольствие, моя жизнь. Я чувствую, что смогла бы отдавать себя в этот плен бесплатно. Только бы была возможно чувствовать...этот отрыв от земли. Завершая танец резким прыжком на шест, я скольжу по нему своими бедами и блаженно улыбаюсь. Аплодисменты заставили меня посмотреть в пустой, как мне казалось, зал.

— Да, малышка, — улыбнулся Макс. — будь ты дьяволом, то я продал бы тебе душу.

— Ой. — я прикрыла грудь и нежные переходы поднятым им платьем. — прости, не знала, что что здесь.

— Давно ты смущаешься меня? — мужчина сел у сцены обнимая ладонями спинку стула. — я думал, что видел тебя в каждом твоём обличии. Будь то дьявольская стриптизёрша, до домашней кошечки в мягком халате. Как дела, Эль? Почему ты здесь так рано?

— Хм. — я подошла к краю сцены и аккуратно села на него свесив ножки так, что спокойно упираюсь в ближайшую столешницу пальчиками. — с учетом того, что ты вчера не вернулся домой, то весьма неплохо. Знаешь, я долго думала о нас, и...

— И что же ты решила? — Макс достал зубочистку из кармана и прикусил ее острыми зубами. — мне казалось, что у нас все хорошо, а эти временные проблемы... — резкое сжатие заставило зубочистку треснуть пополам. — они бывают у всех. Разве это не нормально?

— Макс, я хочу расстаться. — уверенно произнесла я. — прости.

— Я ценю тебя за то, что ты такая, и думаю, что ты права. — спокойно ответил Макс. — конечно, я мусор не достойный взгляда госпожи. Правда?

— Что за чушь? — опешила я. — что ты такое несешь?

— Почему чушь? — он спокойно встал и задвинул стул, но только не за тот столик. —

тебе нечего стыдиться, ибо ты королева этого бара, и ты это знаешь. Вижу, что ты можешь заполучить любого. Только, знаешь... — его взгляд прищурился. — ты сведешь меня в могилу.

Максим ухмыльнулся, и на секунду, мне стало не по себе. Что он задумал? Резко опрокинув стол, он подошел ко мне, и запустив ладонь в волосы, заставил выгнуть спину. Запах сигарет, крепкого алкоголя пробуждало в нем дикое влечение, неутомимое желание обладать мною, но только я была против. Я начала бить его раскрытыми ладонями по торсу, брыкаться, пока Макс не размахнулся и грубо ударил меня по лицу тяжелой рукой. Чувство падения...медленное...трепетное...предательски ужасное. В голове загудело, и я, словно отключилась на несколько секунд. Макс проник ладонями под мое платье, и задирая атласную ткань выше и выше оголял мое тело. То влечение, что мог пробудить в каждой женщине доминантный самец было мне не знакомо, и от того, что сейчас он надругается над моим телом мне становилось тошно. Сливаясь в пламенном поцелуе со мной, Макс просто не мог остановиться. Страсть и порок разливались по его венам, как льется вино и изобилии в золотые, богатые чаши. Он не тратил драгоценных минут, и овладеть мною на столе была его самой голубой мечтой, которую он добыл, схватил, застал врасплох. Когтями я разодрала его спину в попытках освободиться, и судорога, что сжала мои бедра не позволяла их отпустить, прижать друг к другу. Я кричала от боли. Душевной боли, что позволила себе быть слабой.

— Эля... — рычал он каждый раз, когда чувствовал, как сжимается мое лоно.

— Максим, — застонала я хриплым от срыва голосом. — пожалуйста, прекрати. — слезы стекали тонкими струйкам с глаз. — прекрати...

Я чувствовала себя сломленной хищницей, что позволила охотнику слиться во едино с жертвой его охоты. Хозяин, что подчинил кошку в ожидании сладкой, неизбежной победы. Макс скривился, и со звериным рычание завершил акт своей жесткой любви. Липкое, горячее семя окропило мой живот, и я брезгливо коснулась пальцами густых выделений. Он поднял стол, стул и сел, продолжая жадно глотать воздух. Боль разливалась по всему моему телу. Запах сигарет, тяжелый воздух. Приступ удушья. Его странный смех.

— Скажи, как ты любишь меня. — Макс самодовольно улыбнулся, откинулся на спинку стула и затянулся горьким дымом. — давай, расскажи мне, как ты умеешь.

— Да пошел ты, ублюдок. — прохрипела приподымаясь я.

— А я вот боготворю тебя, малышка. — он выдохнул колечком дым. — жаль, но не умею сердечком. — резко дернув меня за руку, он приобнял мою талию и провел языком вдоль шеи, заставив издать тихий, усталый стон. Вдруг, он протянул к моей щеке раскрытую ладонь. — давай, как кошка.

— Отвали от меня. — прошептала я попытавшись отойти, но была снова грубо прижата к его торсу. Макс крепко сжал мое запястье.

— Все хотел спросить, — он выдохнул дым мне в лицо. — я ведь лучше нашего босса?

— Что за бред ты несешь? — застонала устало я. — ты больной, тебе лечится нужно, чертов параноик.

— Или ты лучше расскажешь мне скольких уже ласкала... — его ладонь грубо сжала мои скулы, и большой палец коснулся нижней губы. — этими губами, что целовал не осознавая твоей лжи. Твой дерзкий язык никогда не был полезным. Кроме, как болтать и говорит ересь, выдвигая свою глупую гордыню, ты больше ничего не способна.

— Закрой свой рот, маразматик несчастный! — прошипела я.

— Докажи, что твой гадкий рот на что-то способен..

И держа меня за волосы он грубо гладил ладонью мое лицо. Проникая двумя пальцами в рот, он двинул ими вперед на всю длину заставляя приступ тошноты застыть в горле, и медленно вынул их совершенно мокрыми от слюны. Самодовольно улыбнувшись, он снова шлепнул меня по лицу так, что я взвизгнула, но громче прежнего.

— Давай, скажи, как ненавидишь меня. — прошептал он целуя мои губы, кусая их.

— Макс... — прошептала сквозь слезы я. — пожалуйста,пусти меня.

— Я хочу услышать, как ты все такая же строптивая, дрянная девчонка смеешь врать мне в лицо. Будь послушной, — он сжал кулак, но выпрямил кисть в моменте замаха к моему лицу. — будь послушной девочкой.

— Макс. — закричала я за что получила звонкую пощечину.

— Нет..-спокойно произнес он. — ты все еще слишком смела и глупа.

— Неужели ты так хочешь моего унижения? — шептала в страхе я. — за что? Зачем, Макс?

— Элечка, моя маленькая невежа, ты ведь и так унижена. Просто докажи мне это...

«Никогда не связывайся с ревнивцами, если не хочешь, чтобы твое изувеченное тело нашли за лесополосой»-говорила мне мама, после личного неудачного опыта с патологическим ревнивцем. Я не знала, что это может быть так опасно. В глазах, что смотрят на тебя с этой пылкой любовью отражала свою улыбку стоявшая за спиной смерть. Море волнуется раз...как в детской игре, но только сейчас на раз Макс грубо сжимает мою шею. Море волнуется два...резкий швырок на пол. Толи алкоголь, толи затронутое больным рассудком самолюбие заставило его слететь с катушек. Отвесив мне резкую пощечину, он больно хватает меня за скулы, и хищный взгляд заставляет меня снова кричать.

— Отвечай мне, сука, пока я тебя не убил. — Макс достал острый нож из заднего кармана брюк, и приставил лезвие к щеке. Острый кончик коснулся кожи щеки и я зажмурилась.

— Какого хера ты делаешь? — услышала я голос Кирилла, что со всей силы заломил руки вышибале вырвав нож с рук. — ты совсем уже поехал?

Я плохо понимаю, что происходит. Все вокруг завертелось в круговороте непонятных событий. С момента моего изнасилования, до момента этой мужской драки за мою честь прошло чуть больше часа, но только сейчас, глядя на то, как бесстрашно Кирилл вступился за меня, я понимаю, что его вчерашний пьяный угар совершенно ничего не значил. Я, то приходила в себя, то уходила вновь. Ощущение потери равновесия, и только нежные, ласковые руки аккуратно похлопывали мои щеки не позволяя терять связь с реальностью. Открыв глаза, я увидела девушку. Высокую, стройную девушку с невероятными темно-кариыми глазами, что говорила мне успокаивающие слова, и нежно гладила по волосам.

— Успокойся, девочка, полиция скоро приедет. — произнесла она. — ты в безопасности. Все будет хорошо. — ее пальцы перебирали мои волосы.

— Полиция? — опешила я. — зачем? Не надо полицию.

— Нужно. Этот урод, — прошипела девушка. — должен ответить за то, что сделал с тобой.

— Кто Вы? — спросила я.

— Странное знакомство получается, — она улыбнулась. — меня Саша зовут.

— Жена Кирилла? — вздрогнула я.

— А ты Веста? — спросила Саша не прекращая улыбаться. — хорошенькая.

— Спасибо, конечно, но странно звучит. — улыбка появилась и на моем лице.

По случаю привлечения полиции рабочую ночь бара пришлось отменить. Мне было стыдно от одной мысли, что мне придется рассказывать о том надругательстве, что со мной произошло...

*Веста

«London say good bye»-напевала про себя я наблюдая за людьми в полицейском участке. Так странно видеть в глазах этих людей в форме обычных людей со своими проблемами, со своими мыслями, и еще более странно видеть грусть, боль, тоску и восхищение в глазах тех, кто смотрит смерти в лицо и не однократно сталкивался с нее в рамках рабочего дня. Полицейские сменялись один за другим, сдавали ключи, брали новые, сталкивались друг с другом в коридорах и некоторые из них рассказывали свои истории или же спрашивали совета. Я сидела возле главного по охране и ждала, когда меня заберет следователь.

Поймала себя на мысли, как все же нас обманывают телевизионные сериалы. Взять хотя бы меня. Какими обычно показывают стриптизерш грязные сериальники, что крутят после полуночи по взрослым каналам? Роковые, красивые, страстные, дерзкие. Танцовщицы с невероятной внешностью, что сводят своими длинными ногами каждого встречного мужчину, и самое смешное, что при первой простой встречи незнакомца с дерзкой девчонкой он уже знает, что она легкодоступная и любит деньги только потому что танцует стриптиз. А каких нам показывают полицейских? Брутальные, властные, но только это такие же люди, как и курьер почты, и телефонист. Странная фантазия режиссеров вводит в заблуждение пытливые умы.

Я услышала нотки дерзкого парфюма, что под цокот высоких, твердых каблуков выглядел эффектно. Медленное, уверенное постукивание набоек по каменным ступеням раздавался в висках нервным тиком, но одновременно с этими, запах сильный, чарующий аромат со специями, ландышем, розой, миррой, кедровым, сандаловым деревом, гвоздикой и даже сливой. Прекрасный и таинственный аромат, что мог принадлежать только уверенной в себе женщине. Мое внимание приковал ее рост. При своих сто семидесяти сантиметрах, она не выглядела высокой, или выше другой коллеги женщины в этом участке. Черт возьми, ее аккуратная фигурка, тонкая, ярко выраженная талия, плавно перетекающая в аккуратные ягодички, ровные, изящные ноги и нежные щиколотки... вот такая женщина могла привлечь внимание любого мужчины, а не такая простушка, как я. Ее грудь больше напоминала бильярдные шары, что говорило о первом размере. Мой взгляд поднимался выше. Осветленные до пепельного цвета волосы стрижена в прическе асимметрии на правую сторону. Зелено-серые, кошачьи глаза при одном взгляде на тебя проникали гораздо глубже, чем в сердце. Одета в темно-синюю, обтягивающую юбку выше колен, черные колготки она могла бы стать прекрасной моделью для журналов, которые подростки прячут под матрасом в моменты полового созревания. Черная футболка свободно спадала на плоский живот, и только пиджак покорно облегал ее плечи.

— Добрый вечер, Кира Сергеевна. — улыбнулся главный по охране. — Вас тут вот девушка дожидается.

— Здравствуйте, — я резко поднялась со скамьи. — меня привезли сюда около получаса назад, и сказали дожидаться Вас.

— Да. — она облизнулась. — мне сообщили о твоём деле. — Кира нежно улыбнулась. — пойдём со мной. Одну минутку, — она посмотрела на главного по охране. — Вы уже записали её данные?

— Да, конечно. Занесено в журнал. — мужчина кивнул.

Мы поднялись на второй этаж. За все это время следователь не произнесла ни слова, и только уверенно делала шаг за шагом. Превосходная осанка, изящная походка. Она напоминала мне одну из любимых в детстве кукол. Такую красивую, что мне было иногда даже жаль ею играть. Настолько она мне нравилась. Вдруг у женщины завибрировал телефон, и спустя секунду прозвучала мелодия группы «Армия любовников» «Crucified». Кира сбросила вызов. Мы прошли в кабинет, и следователь закрыла на замок дверь, кивнула мне на стул и велела присаживаться. В этих глазах было нечто более сложное, чем простой следователь. Я видела в них свое отражение, но только не такое, какое видишь в зеркальной глади. Искаженное, но естественное. Не приукрашенное. Она достала из ящика стола два бланка, вынула изящную перьевую ручку, и раскрыв журнал, переданный оперативниками, начала заполнять строчку за строчкой сводя с ума своим ровным, безупречным почерком. Она могла быть учительницей с таким ровным почерком.

— Что же, Веста Сергеевна, — Кира хищно улыбнулась. — впервые в полицейском участке?

— Это так заметно? — спросила я осматривая с любопытством кабинет. — вообще, — я села ровно за стол стараясь сохранять не менее ровную осанку. — да. Если честно, то и думать не могла, что со мной может такое произойти.

— Скажи спасибо, что твоим делом занялась я. — Кира аккуратно поставила ручку в основание подставки и отложила первый заполненный лист в сторону. — будь сейчас на моем месте мужчина, то можешь не сомневаться, но он с порога заявил бы тебе, что сексуальная объективация женщины... — она закурила тонкую, ментоловую сигарету и выдохнула в сторону дым. — не преследуется по закону, милая.

— Сексуальная объективация? — повторила непонимающе я. — это...

— Это. — следователь выдохнула в сторону дым. — когда ты едешь в метро, а какая тварь сидит напротив тебя, и жадно разглядывает декольте. Не стесняясь капает слюнями на собственные колени и уже мысленно просовывает свой член между твоей груди. Объективация это когда ты гуляешь в парке с любимой собакой, а на одной из скамей сидит несколько молодых мужчин, и самый смелый, самый главный самец говорит своим отморозкам друзьям: «Задница у нее ничотак!».

Кира Сергеевна встала со своего места и подойдя ближе ко мне, нежно убрала за ухо спадающую, непокорную прядку моих волос. Вальяжные, копящие движения, походка, как у самой грациозной пантеры и вот она облакачивается ягодицами о крышку стола, и перекинув ногу на ногу, продолжает медленно, с диким чувством собственной важности выкуривать сигаретку. Ткань обтягивающей юбки чуть задралась вверх по ее скользким колготкам оголяя аппетитные бедра.

— Думаешь, что все эти участковые крысы видят во мне женщину? — следователь облизнулась. — для них я кусок мяса, что они не могут вкусить. Словно этот кусок бросили перед клеткой, и теперь, голодные псы могут только капать слюнями, клацать пастью, и рычать. Никогда не думала о том, что таким милашкам, — ее тонкие пальцы коснулись моего подбородка, и острые, длинные коготки аккуратно пощекотали мне щеку. — как ты. — она снова выдохнула дым. — приходится работать сексуальностью. Не мозгами, а сексуальностью. В этом есть и твоя вина. Знаешь, когда я оказалась в похожей ситуации, как ты, мне в мои пятнадцать сказали, что раз меня изнасиловали, — снова затяжка. — значит, я сама напросилась. Ты же заблудилась в неоновых вывесках, что влекут мотыльков, как ты и моральных уродов, что так любят насаживать бабочек на иглы оставляя их медленно

умирать.

— Кира Сергеевна, — произнесла робко я. — неужели Вашего насильника не посадили и он не ответил перед законом?

— Почему же... — женщина улыбнулась. — потом он изнасиловал девочку помладше, но это было, когда я была стажеркой в участке. Как ты можешь догадаться, свой срок он не отсидел, и его сокамерники дали ему возможно почувствовать себя на месте жертвы. Только этот урод не выдержал такого давления. — она затушила сигарету в хрустальной пепельнице. — тогда я впервые почувствовала моральный оргазм, что ранее не могла даже представить. Знаешь, вообще я с детства примеряла для себя разные роли. — она достала очередную сигарету. — в молодости была пионеркой, красавицей и отличницей, потом подружкой невесты, что рыдала от зависти пряча завистливые взгляды, бредила, что мне не суждено выйти замуж, и возомнила себя дамой червей, и начала практически молиться, но потом... — она затянулась сильнее прежнего. — но потом я поняла, что девочек с детства заставляют есть ложками идею воспевания традиционных ценностей. Родить детей, выйти замуж и стать примерной супругой, домохозяйкой. — Кира вздохнула. — только я сказала «нет», и позволила себе стать оценщиком других. Позволила себе то, что в нашем мире позволено исключительно мужчинам, и именно поэтому, эти ублюдки в участке готовы разорвать мне пасть, когда я выхватываю их самые громкие дела и довожу их до безупречного результата. Я расследую их, я ими занимаюсь.

— Вы всегда на семь шагов впереди. — улыбнулась я. — значит, Вы смелая женщина, что не побоялась о себе заявить. Хотела бы я быть такой же смелой.

— Тогда привыкай слышать за спиной от шакалов «сука».-улыбка на ее лице становилась шире. — Веста, я хочу тебе предложить одну сделку.

— Сделку? — я вздрогнула. — какую?

Кира Сергеевна бросила мне на стол папку под названием «Дело № 11293», и закурив, подошла к приоткрытому окну, где руки прохладного ветра обнимали ее нежную кожу заставляя мурашки выступать по шейке, спускаясь по всему телу вниз доводя до сладкой судороги. Вытянув руки вверх, она беззвучно зевнула, прикрывая тыльной стороной ладони рот, и я заметила небольшую татуировку колибри возле ее аккуратного пупка. Заметив мой взгляд, следователь обернулась, и ухмылка украсила ее личико. Я задумалась, а вернее подумала, что любой мужчина при виде такого плоского живота мечтает покрыть поцелуями нежную кожу заставляя обладательницу хрипло постанывать в сладкой неге удовольствия. Эпикурейское наслаждение в лучшем его проявление гедонического смысла.

Я раскрыла папку. Множество фотографий, разные записи. Первый лист из этого дела был полностью посвящен некому Елагину. На фото симпатичный мужчина зрелой красоты. Водя пальцем по каждой строчке, словно прыгающий зайчик по морковным грядкам, я нашла дату его рождения. 12.12.64–21.12.07. Сейчас бы черты его лица назвали правильными. Тонкий, острый нос, с небольшими ноздрями придав его скуластому лицу некий лисий флер. Скрывать здесь нечего, и чисто на лицо выглядел хитрым. Аккуратные, приподнятые лохматые темно-коричневые брови, словно всем своим расположением выдавали в нем удивление. Губы не полные, а скорее средние, ибо его верхняя губа чуть пухлее нижней и из-за этого выглядит крайне чувственной. Его каштановые волосы зачесаны назад, и достигают длиной чуть ниже ушей. Щетина на щеках и подбородке делает его несколько соблазнительным в глазах женщин. Телом не качок, но и не брюхастый толстяк. Его тело умеренно плотное. «Елагин Алексей Павлович...задержанный по статьям...»

Вопросительно подняв глаза на Киру Сергеевну, я получила ответ.

— По статьям за вымогательство, рэкетир проклятый, кражу, насилие, подстрекательство. Тебе интересно почему он никогда не отсидивал полный срок? — женщина вернулась в свое кресло. — дружки этого черта всегда приходили на помощь, и снимали последнюю рубашку. Обивали пороги прокураторы, спрашивали цену, словно их дружок не рэкетир, а какая-то шлюха. — улыбка. — к сожалению, самой натуральной проституткой оказалась наша прокуратура. Деньги, моя дорогая, они любят куда более правосудия.

Перевернув страницу дела, я вздрогнула. Фотографии убитого человека и судя по дате и припискам, да и по заключению мед. эксперта говорили о Елагине. Быстро перевернув на следующую страницу, я увидела полное досье на некую Елагину Викторию Алексеевну, что в скобках была указана, как дочь. Ее длинные волосы длиной ниже ягодиц имели приятный пшеничный оттенок. Цвет меда с молоком. Голубые, широко распахнутые глаза, в которых отражалась боль всех, кого она знала. Круглолицая с приятными, нежно-розовыми щеками и губами цвета клубничного коктейля. Аккуратный отцовский носик и тонкая ниточка коричневых бровей. Ее фигурка напоминала песочные часы. Пышный верх, пышный низ, и приятный, мягкий животик, кожа которого напоминала бархат ее бедер. Это легко понять, ибо фотографий этой девушки здесь очень много. Судя по дате ее рождения, сейчас ей двадцать пять лет.

— Перехватила дело отца в возрасте шестнадцати лет, но не попадалась в мои руки. Каким-то образом, ей удается обходить закон. — произнесла Кира закуривая очередную сигарету. — чертовка, она изворотливая, как прыткая змея, и осторожная, как бесстрашная кобра. Словно она совершенно ничего не боится. Ты знаешь, она ведет какой-то бой со всеми остальными людьми за право жить, но при этом... — следователь выдохнула дым. — но при этом, она никогда не сидела на скамье подсудимых.

Я перевернула следующую страницу. Бар с красивой неоновой вывеской «Белая лошадь» был мне знаком не по грязным слухам. Когда я устроилась работать в свой бар, то наша начальница вела целую территориальную войну за место под солнцем, но проиграла, уступив лакомое место людям из «белой лошади». Размытая фотография из самого бара, где запечатлены такие же танцовщицы, как и я, официантки. Еще фото, но более не в фокусе, только можно кое как разглядеть Викторию за столиком возле бара. Дойдя до конца дела, я внимательно прочитала последний приложенный лист с заявлением бывшей сотрудницы бара об аморальном поведении в заведении, где, как она утверждала в заявлении ее, принудили к работе не только официанткой, но и женщиной легкого поведения.

— Кира Сергеевна, разве этого заявления не хватает для того, чтобы нагрнуть с проверкой в бар? — удивилась закрывая дело я. — когда недовольный в нашем баре клиент заявил нечто подобное на нас, а дело было в том, что я отказалась ублажать его за деньги, то к нам с проверкой приходили сотрудники полиции и все мурыжили всех нас. Проверки длились больше месяца, но когда все встало на свои места, то эту ябеду еще оштрафовали за донесение ложных.

— Эх, киска, — Кира Сергеевна грустно улыбнулась. — если бы все было так просто, то разве я считалась бы лучшей в своей породе по части преступлений? Без лишней скромности скажу тебе, что в делах по расследованию мне нет равных, и обычно, дело не залеживается на моем столе дольше, чем на месяц, который дает блестящий результат. Знаешь, это дело не самой важной значимости, но тот факт, что эта девчонка, — следователь подтянула к себе

папку раскрывая дело на статье о дочери рэкетира. — никогда не была скованная наручниками мною лично, — во взгляде заиграл прищур хищной птицы. — бьет по карьере, по репутации, по самолюбию, черт возьми. — резко закрыв папку, она посмотрела на меня. — у меня к тебе деловое предложение, Веста. Ты должна будешь проникнуть в «Белую лошадь» под видом посетительницы, под видом потенциально выгодной клиентки. Деньги — не вопрос. Я дам тебе сумму, на которую ты сможешь покутить и показать себя состоятельной девицей, что ищет плотского удовольствия в стенах такого фривольного поведения. Как только подозрения оправдаются... — Кира выдохнула. — то я лично скручу ей руки, прижав нежной щекой к стене.

— Если это сделка, — начала говорить я. — то, что...

— Что получишь ты? — Кира стряхнула пепел в хрустальную пепельницу. — если верить некрасивой статистике, то 40 % насильников выходят из тюрьмы, а 25 % живут мстью, что после их выхода отражается на их жертве изнасилования. Только вот, если этот здоровяк выйдет, то боюсь я, что разговаривать нам с тобой не придется, а мне придется опознавать тебя, ибо твой мальчишка не оставит и живого места на твоём прекрасном теле. — следователь затянулась. — баш на баш. Ты мне, милашка, информацию на совесть, а я обещаю тебе упечь подонка по самым жестким граням его преступления, и гарантирую безопасность твоей шкурки. Как тебе такое?

— Да, но что если дочь рэкетира поймет, что я засланный тобою казачок? — улыбнулась я. — что тогда?

— Я же сказала, что гарантирую тебе безопасность. — Кира Сергеевна улыбнулась. — это касается и всего времени, что потребуется тебе на выполнение моей скромной просьбы. — она раскрыла ящик своего стола и вынула пачку разноразных денег. — как и обещала. — она бросила ее в мою сторону. — поверь мне, мое желание горячее, огненное, как бездна ада...

Я согласилась. Почему? Не могу даже внятно на это ответить. Нет, я не продалась за деньги, не продалась за желание запечь Макса, да и мстить ему не было в моих мыслях. Быть может, мое желание принести хотя бы раз пользу дало о себе знать? Или же моя голубая мечта сыграть не пешку, а ладью на шахматном поле жизни? Небо тяжелое. Наверное, снова будет дождь, а я опять без зонта... Привычки...

*Веста

В ночи страсти забывается все: имена, лица, голоса. Ты пленник собственной ничтожности, что, упиваясь эмоциями заставляет тебя срывать глотку в криках неистового наслаждения. И тогда совершенно неважно кто ласкает твоё тело...он или она. Совершенно неважно что между нами если, прикасаясь к плавному изгибу тела ты млеешь в мареве того миража, что заставляет все нутро отдаваться до последнего глотка в руки тому, кто знает все твои грязные секреты, кто без стыда и стеснения раздвигает твои ноги прикасаясь к самому важному. К твоему главному секрету...что сочится словно сочный грейпфрут, а ты слизываешь нектар с пальцев того, кто выжил всю твою сердцевину, кто испил тебя изнутри до последней капли...

Я лежала на полу посреди спальни и долгое время бесстрастно смотрела в потолок. Впервые замечая золотые узоры по белым обоям, я соединяла их концы друг с другом превращая простую линию в длинный отрезок от одного конца комнаты, что рассекает острым кончиком другой. Когда выключаешь свет, то заряженные блестящие точки на этом орнаменте еще некоторое время блестят своими зарядами, что роднит их со звездами. Тихий ход стрелок часов, стук редкой капли по подоконнику окна, детский топот соседских детей, и мигающие своими надоедливими цветами неоновые вывески большого города словно зовут в порочные объятия этого мегаполиса. Почему-то, именно сейчас я понимаю его не идеальность. Именно сейчас я чувствую себя пойманной рыбой в такие тугие сети наглого рыбака. Он бросит тебя на землю, и ты будешь биться в припадке нехватки воздуха пока не дойдешь до агонии, когда вдох сделать будет просто невозможно.

Вибрация по полу, и я слышу звонок мобильного. «Pardonne moi»-запела Эдит Пиаф, и протянув руку до валяющейся сумки. Звонила мама. Наушники в уши, и я отвечаю на входящий вызов. Первые звуки, что я услышала на заднем фоне мамы это голос ее напарницы, что спрашивал: «Куда подать машину?». Почему-то воображение рисовало мне картинку, как мама вырвалась на минутку, чтобы просто сказать мне: «Привет».

— Привет мам. — безынициативно произнесла я. — и почему ты не работаешь? — поднимаю глаза на часы. — мам, твоя смена же только началась.

— Веста, почему ты мне не позвонила? Я ждала вчера весь вечер. — взволнованно пролепетала мама. — ты понимаешь? Ты не отвечала и на мои вызовы, и... — вздох. — слава Богу, что с тобой все в порядке. Как же ты меня напугала.

— Прости, пожалуйста, настроение дрянь. — вздох. — у тебя такое было?

— Настроение? — спросила мама.

— Настроение? В смыс. а...нет. — я закинула ноги на стену так, что мною можно было бы мерить идеальный угол. — нет, конечно же. Было ли у тебя такое, что ты находишься на перепутье, где правильной дороги нет, но ты обязана выбрать что-то одно.

— Маленькая моя, конечно было, и вот тебе мой совет. Из двух зол выбирай меньшее. — она засмеялась. — поделишься?

— Да пока еще нечем. Полиция просит поработать на них, а я не знаю что делать. — вздох. — с одной стороны, это не было приказом, а скорее просьба, а с другой стороны, меня кидают в пекло бандитов, что чтят честь, порядок и хорошеньких девушек. Не знаю... кажется, что это глупость какая-то, но я должна сделать выбор.

— Если твоей жизни ничего не угрожает, то ты вправе помочь следствию, но Веста, только если тебе ничего не угрожает, то... — я защелкала зажигалкой, и мама вздохнула. — Веста...

— Успокойся, я просто играюсь. — вздох. — хорошо, помогу полиции и, мама, можно просьбу? — я перекинула ногу на ногу. — можно после этого я переберусь к тебе? Я тут подумала, что если так приспичит, то работу танцовщицы могу найти и в нашем городке, а с другой стороны, ничего страшного не случится, если я буду работать с тобой. А что? Будем вместе ходить и уходить на работу, снимем приличную квартиру, а там накопим и купим дом или ту же комнату. Как ты на это смотришь?

— Веста, милая, ты же знаешь, что я всегда рада тебе. Даже если нам придется сидеть с вытянутой рукой. — мама вздохнула. — прости, но что у тебя с Максом?

— С Максом? — я чиркнула зажигалкой, но она дала осечку. — а он идет под трибунал.

— В каком смысле, зайчик мой? — она вернулась за рабочее место и начала что-то набирать по компьютеру.

— Он изнасиловал посетительницу. Красивую такую, а он, как животное накинулся на девчонку. — вздох. — теперь ему грозит такой вот срок и статья. Стоило ли оно того? Я не знаю, но девчонке не позавидуешь. Знаешь, она ведь ему доверяла. Была у нас такая постоянщица, а теперь ее нет. — снова вздох.

— Какой ужас. — мама остановилась. — милая, надеюсь это не то о чем я подумала? Если это так, то я приеду и обломаю рога этому животному.

— Мама, успокойся, это не я. — зажигалка снова дает осечку. — не волнуйся. — я посмотрела на часы. — слушай, я позвоню тебе утром? Мне сейчас нужно собираться.

— Конечно, котенок. Давай, держись там. И не забывай, я очень люблю тебя, девочка моя. Чтобы не случилось, ты всегда будешь моим маленьким котенком. — прошептала мама, и мы почмокали губами, словно целуем друг дружку в щеки.

Я помню, как познала в себе стремление к танцам, и помню, как моя наставница, кстати о смешном, но тоже Виктория, всегда говорила мне, что нужно стать одним целым с собственным телом, научиться его слушать и чувствовать. Как только ты сольешься душой с телом, то даже самые чувственные куртизанки будут завидовать тебе.

*из воспоминаний Весты.

— Соберись. — вздохнула Вика закрывая двери в танцевальный зал. — сегодня твой день, ты должна показать всем, какой страстной натурой можешь быть. Представляешь, — ее кисти коснулись моих плеч. — весь мир окажется у твоих ног, как только ты его их покажешь. Тогда ты поймешь, что нет ничего более сладкого, чем любовь к тому что ты делаешь со всей своей душой. Вкусная еда окажется пресной на этом фоне, крепкий алкоголь выдохшимся, а секс скудным трением тел. Понимаешь, — горячие ладони скользнули по бедрам вверх прикасаясь к оголенному животу. — сердце забьется совершенно по другому...это будет напоминать новое качество энергии...идеальное.

— Но что если у меня не получится? — на секунду засомневалась я. — что если я окажусь смешной?

— Если ты окажешься смешной, то и я покажусь дурочкой, что возлагает надежды на лучших.

Странно, конечно, относиться к этому серьезно; но, когда я впервые вышла на сцену перед публикой, то не боялась так сильно, как сейчас. Хотя, казалось бы, что страшнее —

выйти на сцену, чтобы под волчий вой раздеться до самых чувственных мест или просто посетить бар с дурной репутацией. И ведь все во мне выдает какую-то простушку. Глядя на себя в зеркало, я покрутилась вокруг своей оси и разочарованно покачала головой.

Собранные в высокий хвост мягкие волосы оголяли неидеальное, щекастое лицо, что само по себе выглядело по-детски. Всегда стеснялась этих щек, что краснеют в самый ненужный момент. Тонкие стрелки и эта блестящая, нежно-розовая помада выдавала во мне повзрослевшую нимфетку, что вышла из своего двенадцатилетнего возраста и сейчас довольствуется сексуальностью подростка, и только невысохшее молоко на пухлых губах дает знать о той незрелости, какую я так отчаянно пытаюсь спрятать где-то очень глубоко в своей душе. Обтягивающие мои бедра черные шорты закрывали высокой талией пупок, а заправленная в них черная майка плавно обтянула грудь, подчеркнув при этом яркую талию. Я снова покрутилась вокруг зеркала. Что за детский сад? Кеды на колготки? Да за кого меня там примут? Впрочем, все не могут быть серьезными, и даже такие девочки, как я, иной раз имеют деньги, чтобы порезвиться с доступной девицей. Да кого я обманываю...

Бело-розовая неоновая вывеска «Белая лошадь» была по глазам своей нежностью, как и серьезные, статные, подтянутые женщины-секьюрити, что, вооружившись пистолетами, дубинкой стояли у входа устраивая, как это модно говорить, фэйсконтроль. Мне пришлось выстоять длинную очередь, прежде, чем оказаться лицом к лицу с охранниками, что так тщательно и так беспардонно задирали мою накидку, проверяли карманы шорт. Тонкая, но такая крепкая женская ладонь проникла в задний карман шорт, а затем и вторая ладонь этой женщина обхватила мои ягодицы.

— Что...что Вы делаете? — сжавшись от неожиданности прошептала своими тонким голосом я.

— Проверяю, чтобы у такой пташки, как ты, не было ничего спрятано. Нам ведь не нужны проблемы, киса? — улыбнулась охранница. — да, малышка, ты могла бы стать сладкой клубничкой этого бара.

— Сладкой кем? — склонила голову на бок я. — клубничкой?

— Таких девочек, как ты... — ее губы нежно коснулись моей шеи. — можно только боготворить. — грубая, настойчивая ладонь спустилась по пояснице выше. — смела и сладенька, правда?

— Ч-что? — прошептала в страхе я чувствуя, как мои ноги нервно подкашиваются.

Я ясно чувствовала, как она меня трогает, но только моя цель не цапаться с ней, а добиться расположения, чтобы попасть внутрь. Это так странно, но от ее настойчивых, и таких фривольных прикосновений, я не почувствовала отвращения или же иных негативных чувств. Это непривычно, но в чем-то даже приятно... К нам подошла ее напарница, и толстая дубинка коснулась моей промежности, от чего я вцепилась коготками в плечи той, кто так грубо мацала мои ягодицы.

— Не пугай этого котенка, она ведь еще такая робкая. — прошептала женщина нежно погладив мои волосы. — такая славная.

— Кажется, — вторая женщина начала медленно двигать дубинкой назад. — она чиста. Конечно же, — ее тонкая кисть коснулась моего плеча. — она может пройти. Только будь осторожнее, не позволяй шакалам клацать возле тебя зубами. Иначе, — она резко направила дубинку в мою сторону. — я их выбью.

Охранница подмигнула мне кивнув в сторону тяжелых дверей, которые они для меня галантно придержали. Двери закрылись, и я услышала резкий, грубый крик «Куда лезешь?»

Не видишь? Контроль.»

И я шла чуть шатаюсь держась за стеночку боясь споткнуться в этом дрожащем волнении, которое душило меня серой, когтистой крысой. Я представляла себе все, что только может представить воспаленный разум. Представляла, что внутри будут рабыни и хищные мужчины не стесняясь раздвигают им ноги потому что им можно. Представляла себе, что еду там подают, как в Японских заведениях на телах страстных женщин. Представляла, что женщины там танцуют на мужских коленях заставляя испытывать удовольствие власти и подчинения. Я толкнула двери в это заведение, и на секунду замерла, словно впервые в жизни почувствовала атараксию.

Главный зал бара заполнили шесть очаровательных женщин-музыкантов. Живой звук — находка для эстета. Трубачка, гитаристка, саксофонистка и даже флейтистка, что может быть изысканней для джазового заведения? Все безусловно красивые женщины и главное — талантливые. Все здесь отличалось от нашего бара...Начиная с антуража и кончая одеждой персонала. Вместо отвратительной кожи — мягкие ткани. Певица не может одеваться в кожаные платья, ибо это табу джаза. Только узкое платье с аппетитным разрезом до круглых ягодичек сзади, черные чулки со швом и эта нотка флера ее дерзкой женственности — ниточка жемчуга, свисающая с ее шеи, а что самое интересно — никакого черного макияжа незрелой проститутки. Только черные стрелки и ярко-красная помада, как свойственно носить дочери джаза. Как оно и полагается, ее музыканты носят только белые рубашки, соблазнительные галстуки и классические брюки-капри, что придает их образу некой опрятности и выдержанности.

Мимо меня промчались официантки, и я вспомнила, как одевается в нашем баре Марго. Здесь напитки и закуски подают не малолетние искусницы, а настоящие, зрелые женщины в возрасте от тридцати до сорока лет. Костюмчики белых кроликов — более изысканная вещь, чем короткие шорты. Белый купальник на шнуровке со спины, чулочки, высокие каблочки и собственно ушки, делали женщин милыми, хотя их одежда и была так сказать...не по возрасту. Их нотки сладкого парфюма заставляли меня оборачиваться каждый раз, когда мимо меня порхала одна из этих женщин.

От воцарившейся атмосферы в баре «Белая лошадь» веяло интригой, азартом и манья, что были типичными для казино, но никак не для места, что относилось безоговорочно к категории строго восемнадцать плюс, и находилось под статусом «развлечение и досуг». Разделенный на сектора зал завлекал меня с новой силой побывать в каждом из них. Сектор стриптиза был мне уже знаком, но я никак не ожидала увидеть здесь такую роскошь. Странно, но я замерла возле сцены танцовщицы, и на секунду, даже позавидовала, вспомнила, какую фривольность позволяют со мной мои клиенты, и подумала, что здесь такое бы просто не прокатило.

Высокая сцена посреди зала огорожена клеткой. Это выглядело и дико, и вызывающе, и даже более развратно чем обычная сцена, где может дотронуться человек. Этой танцовщице не нужно обнажаться, чтобы быть соблазнительной. Она танцует. Она влюбленная не меньше меня в танец, сливается в одно с музыкой, совершенно не замечая шума внизу тех, кто так сладко стонет ее имя в восхищении и возбуждении. Она не танцует стриптиза. Только эротичный Бурлеск не допускающий ее голого тела. Быть сексуальной можно и в смокинге. Короткий топ на двух пуговицах, который был что-то вроде белой рубашки, прикрывал небольшую грудь девушки и не закрывал упругого живота. Короткие шорты-трусики черного цвета обтянули аппетитные женские ягодички, что она так старательно

выставляла на показ голодным хищникам, но только этот кролик чувствует себя в безопасности. Чулки на подвязках и черные подтяжки — облик, что мог свести с ума любого мужчину, и даже женщину. Я тоскливо разглядывала эту танцовщицу, чувствуя укол зависти и недовольства от своей работы. Видимо, нужно познать разницу, прежде чем считать свою работу идеальной.

Я почувствовала липкий взгляд на своей пояснице, что предательски спускался ниже к ягодицам, и скатывался по бедрам до щиколоток. Обернувшись, старалась найти хозяйку этого взгляда и столкнулась глаза в глаза с ней...с той, что делает беспокойной Киру. Той, чей взгляд пронзительнее, чем у раненного волка. Женщина, чьи волосы цвета спелой ржи и глазами беспокойной реки, не спускала уверенного взгляда с меня. Потягивая шампанское из высокого фужера, она облизала свои персиковые губы оставляя следы помады на стекле.

Ты скандальный...ты знаменитый на весь город бар «Белая лошадь», но только почему-то я не в силах раскусить тебя, как самый твердый из орешков, что попадает с богатого плодами дерева, а я, как маленькая девочка, подбирающая упавшие на землю незрелые орехи, спрятанные за своей зеленой скорлупой. Помню, как в детстве обожала фильм «Разборки в маленьком Токио», как восхищалась главными персонажами, как любила актера Дольфа Лундгрена за его красоту, крепкий торс и такой крутой нрав. Ведь у каждой девочки в детстве есть свой кумир? Так и я ничем не отличалась от сверстниц, и только мой кумир был старомоден уже по тем меркам, но мне было все равно. Я не хотела узнавать актера по его другим ролям, ибо моей любимой была именно из этого фильма. Детектив Кеннер был моей самой большой любовью, над которой так хохотала мама, когда я, будучи подростком прилипла к экрану телевизора, и впритык, как мне тогда казалось, смотрела в его бездонные глаза. Помню, как тогда ненавидела свою жизнь за то, что она такая серая. Такая отличающаяся от жизни героев фильма. Ненавидела себя за ту слабость с которой была не в силах бороться. Мама все утешала и говорила, что актеры такие же люди за спиной которых такая же простая жизнь, как у меня. Глупая...

Красная помада мягко легла на мои пухлые губы, и склонив голову на бок, я посмотрела на свою отражение сквозь туалетное зеркало бара. Женщины сменяли одна за другой, отражаясь в глади, и только я, словно проститутка, что долго думает перед своим выходом к клиенту о чем-то думаю, глядя на то ничтожество, что смотрит своим сладким взглядом, об который только и мечтаешь затушить окурок. Впрочем, если бы я была мужчиной, что наделен криминальной, безнаказанной властью, то с удовольствием бы затушила сигарету об такую нежную, бледно-розовую, практически невинную щеку. Рядом со мной остановилась девушка. Она вынула из сумочки блестящий блеск для губ, и толстым слоем обвела свои тонкие губы. Мы встретились взглядом, и она игриво подмигнула. И я решилась...

Заказав приватный танец одной из дорогостоящих по прайсу танцовщиц с пикантным позывным «Мисти», я приготовилась к яркому шоу, которое должно было окупить те три тысячи за три минуты трясогузки. «Интимная ласка» — название услуги этой Мисти звучало достаточно двусмысленно, чтобы познать это. На входе в комнату мне завязали глаза черной, бархатной тканью, и одна из секьюрити провела меня внутрь не прекращая придерживать за руку, чтобы я не упала. Я явно ощутила ладонями перед собой стол, и ткань было разрешено снять только тогда, когда в комнате заиграла музыка из «Кто подставил кролика Роджера?», но без слов. Над столом висит одна единственная лампочка, что придает всему этому какую-то тюремную атмосферу, что свойственна зарубежными сериалам. Вдруг, мои руки крепко прижали к спинке стула, и звук защелкивающихся наручников заставили меня вздрогнуть. В темноте постепенно появился статный, женский силуэт. Зрелая женщина лет сорока полностью обнаженная, приблизилась ко мне с характерным цокотом высоких каблуков. Ее короткий Боб рассыпался острой челкой по столу, как только она резко прогнулась назад, прикасаясь макушкой практически столешницы.

— Я предалась танцу, — женщина плавно перекатилась и обвила ладонями острые углы стола. — когда мне исполнилось пятнадцать. — плавными движениями прикоснулась своих плеч спускаясь медленно, сладко к груди, мягкому животу. — тогда-то я захотела, чтобы на меня смотрели... — разрезая между пальцами лобковые, выющиеся в кудряшку волосы, она

закусила губу и словно послушная кобра начала извиваться в такт заливающей музыке. — я хотела, чтобы все могли хотеть меня, но не получить.

Танцовщица протянула ко мне свою ласковую ладонь спрятанную за тканью латексных, длинных перчаток и обвела очертание подбородка, моих дрожащих губ. Ее манящая улыбка сладких, нежно-розовых губ могла пленить любого, и я подалась этой женщине. Я позволила ей открыться, и она, как танцовщица, это почувствовала. Словно ядовитая змея, она подползла ко мне оседлав колени, и прижимаясь чувственным, возбужденным телом к напряженному моему, она нежно провела языком по уголкам моих губ. Приятный, малиновый аромат исходящий из ее уст пленил меня с каждым вдохом сильнее. На секунду мне показалось, что я не выдержу этого напряжения и мои нервы лопнут. Женская дерзость напоминает дорогой алкоголь, что раздирает горячностью нутро, обжигая глотку и оседая чувство настоящего опьянения на дне твоего живота. Чувственные ладони обвивали мою шею словно кольца змеи. Двигая промежностью по моих тесно сжатым ногам, она срывалась на хриплый стон и запрокидывая голову назад, позволяла мне видеть в тусклом свете нагую, зрелую плоть. Ореолы напоминающие блюда с клубничным киселем возбуждали той нежной незрелостью, какая не должна быть знакома взрослой женщине, но почему-то я хотела вкушать эту деталь несовершенного тела.

От мокрых поцелуем дрожало тело, но только я не могла прекратить подставлять под эти поцелуи губы. Сладкие прикосновения женщины заставляло меня млеть перед лицом незнакомой мне ранее страсти. Поцелуи...эти гладкие скольжения по бедрам...оставался шаг до крика моего морального оргазма. Покрывая бархатную кожу моих ключиц своими прикосновениями мягких, чувственных губ Мисти оставляла мокрые дорожки...свои метки. Смелость женщины способна свести с ума...способна дать то изнывающее чувство страсти, настоящее возбуждение. Стыдливый скулеж...я не понимаю, что со мной происходит, но только слезы наворачиваются на глаза от прикосновений, от дрожи, что она дарует мне, как награду за ее дозволенность. Раздевая глазами и без того раздетую деву, я заставила задрожать ее мягкий животик.

— Что же ты... — простонала Мисти опуская свою ладонь к промежности. — млеешь перед женщиной, как перед властным самцом?

Мисти остановилась. На ее личике заиграла хищная улыбка гиены. Сжав со всей силы своих чувственных ладоней мои скулы, она провела языком по губам слизывая помаду оставляя влажную дорожку. Несколько раз шлепнув меня по щеке, она облизнулась.

— Малышка... — прошептала женщина, и уйдя так же изящно в темноту, она оставила за собой шлейф терпких цветов, что еще долгое время будет витать в этой комнате, и оставленный на моей одежде запах будет заставлять испытывать возбуждения от одних воспоминаний о той неподдельной чувственности, какой она наградила меня. Мои глаза словно обволокла бархатная ткань, а тугие наручники освободили замлевшие запястья.

Мне нужно было успокоиться. Я снова забежала в уборную. Переворачивая дрожащими ладонями сумочку, я высыпала содержимое в раковину, и несколько секунд перебирала пальцами предметы. Все валилось из рук, и я не понимала, что заставляет сердце биться в этом приступе неизвестных мне чувств. Неужели, если женщина способна так вскружить голову, то и у меня получается нечто подобное? Мысли сменялись в голове хаотичным темпом и в какую-то секунду, я просто потеряла контроль. Все расплывалось в глазах, и только непонятные мазки вокруг. Такие грубые, небрежные. Холодное прикосновение нежной ладони заставили меня тяжело задыхаться. Испуг. Испуг смог перебить похотливое

вожделение. Перед мной оказалась миловидная девушка лет двадцати шести. Уборщица.

— Может быть, тебе помочь? — девушка улыбнулась. — ты вся бледная. Тебе плохо?

— Мне просто нужно успокоиться. Знаешь, кажется это нервное потрясение. — вздох. — впервые увидела женский стриптиз и все такое. Ты ведь знаешь, как это бывает, да? — я попыталась наладить с ней телесный контакт, как это делают мужчины, и легонько толкнула собеседницу сжатым слабым кулачком в плечико.

— Ты ведь неместная, правда? — девушка облокотилась о швабру. — ты не из круга нашей владелицы.

— Как ты это поняла? — я начала складывать в сумку лишние вещи. — или это...

— Типа того. — девушка улыбнулась. — считай это наблюдательностью или проницательностью. Если не секрет, то ты от того следователя, что присылает к нам своих засланных? Все вы капаете не из того. Думаете, что все очевидное и на поверхности, но только все намного глубже.

— Значит, здесь всё-таки промышляют проституцией? — воодушевилась я остановив нанесение помады.

— Опять ты про это. — девушка открыла шкафчик, и засунула швабру. — я говорю о том, что действительно важно, а не про эти вот наживки для полиции. Заглотив такую мелкую рыбу они довольные, как наглый кошки, покидают бар оставив настоящую акулу плавать в море продолжая пожирать рыб.

— Слушай, если тебе есть что сказать, то говори... — пробурчала я. — не люблю загадки.

— Если бы ты не любила загадки, то не согласилась бы никогда на такую работенку. Что заставляет тебя подставлять под удар голову? Глупость, любопытство или жажда обычной наживы?

— А что заставляет тебя работать полотёркой? — я ухмыльнулась. — или твоя работа не заканчивается вылизыванием одного только пола?

— Может и не заканчивается. — не растерявшись ответила мне девушка, и вильнув бедром она покинула уборную.

В зале царил атмосфера нависающей угрозы. Почему-то я буквально чувствовала, как все вокруг провожают меня недоверчивым взглядом. С одной стороны, если уборщица права, то все давно уже поняли, что я здесь чужая, но с другой стороны, почему нужно отрицать факт собственной сексуальности? Двери, ведущие в тот злосчастный зал к Мисти, раскрылись, и танцовщица вышла из него, но только не такая, какой она предстала передо мной. Совершенно иная. Я посмотрела на Мисти и от восхищения не могла сдержать писка. Подкидывая высоко в воздух яблоко, женщина ловит спелый, ярко-красный плод и сжимает длинными, черными коготками так, что плод сочится липким, приторным соком. На изящной шейке у нее набит японский иероглиф, значение которого мне неизвестно. Танцовщица остановилась у одной из вышибал, и облокотившись о крепкое женское плечо улыбнулась. Боже, да она напоминала мне фривольную девицу, но в этом круговороте гендерных ролей, она словно забыла, что должна соблазнять мужчину, но все-таки в этой неправильной игре было что-то притягательное.

— Это Дракон, киса. — улыбнулась барменша. — а это, — резко, но не пролив ни капли она подвинула мне небольшую стопку заполненную нежно-розовой жидкостью. — за счет заведения, киска.

— Дракон? — удивленно переспросила я. — спасибо большое, но может быть, все же

заплатить?

— Не говори чепухи. — девушка глубоко ввела сжатую полотенцем кисть и протерла узкое горлышко. — у Мисти на шейке.

— И почему вы здесь зовете ее Мисти? — отпив глоток я почувствовала, как с виду нежный напиток обжег горло.

— А тебе я смотрю хотелось бы знать ее имя? — девушка засмеялась. — Мисти это...

— Мисти это сценический псевдоним, дорогая. — танцовщица резко забросила на сидущку высокого стула свой небольшой рюкзак. — или звучит не так красиво, как Эля? Сделай мне, как всегда. — танцовщица облизнулась подмигивая своей напарнице по бару. — не бойся, — Мисти склонилась к моему уху одновременно обвивая тонкой кистью мою талию. — мне совершенно все равно, что ты здесь вынюхиваешь, маленькая, полицейская ищейка... — прошептала женщина поймав на резком скольжении высокий фужер. — твое здоровье, киса. Кстати, Лиз, а ты слышала новости?

— Смотря какие. — барменша снова начала до блеска натирать стаканы. — тебе ли не знать, что через мои уши здесь проходит поток сомнительной информации.

— До меня дошли слухи, что одна особа вынюхивает для полиции подробности... — женщина отпила глоток. — поговаривают, что кто-то взболтнул о царившей в стенах бара горячей проституции.

— Оу, — барменша улыбнулась. — удачи тому, кто пытается здесь кого-то снять.

Двое подошедших мужчин отвлекли барменшу своим заказом, и девушку метнулась в их сторону. Они о чем-то шутили, болтали, и только я чувствовала взгляд танцовщицу, что медленно пьет джин. В каждом моем вздохе отражалась та похоть, какой она наградила меня путем своего танца. Я была пленницей, заложницей собственных чувств, что подставляли предательскую подножку каждый раз, как только я старалась казаться смелее. Мисти допила напиток, и громко поставила фужер на стол. В ее темно-зеленых глазах находило отражение мое восхищенное вожеление. Она знала это, а вернее чувствовала, как никто лучше.

— Хочешь покататься с ветерком? — улыбнулась Мисти.

— Покататься? — я удивилась. — в смысле на машине?

— Лучше. — прошептала подмигнув танцовщица.

В сумерки ночи так легко фантазировать о вечном, о безупречном, что иной раз так больно возвращаться в жестокую реальность. Я подумала, что напоминаю сейчас невинную девчонку из какого-нибудь старенького слэшера, которую везут в глушь леса, чтобы надругаться из-за милой мордочки. Обнимая Мисти, я чувствовала себя жертвой домогательства, но такого желаемого домогательства. Где-то подсознательно я хотела почувствовать ее объятья, хотела ощутить настоящую женскую любовь, или хотя бы попробовать ее на вкус...капельку этого запретного нектара.

А ты словно Джеймс Бонд не знаешь страха, но так галантна, так волнительна и притягательна, словно вкусно пахнущий мужчина в моменты своей самой сексуальной агонии. Ты не знаешь, как страшно бывает упасть, сорваться в пропасть подчинившись собственному безумие, ибо ты и есть то волнительное безумие строптивых, женских мечт. Я крепко обняла ее упругое тело, и прижилась грудью, чтобы не упасть. Мотоцикл нес нас по пустынному шоссе, что утром бездыханно набит машинами, и только сейчас закипает в наших жилах кровь от пленительной ночи, что дарует свободу не только дороге, но и мыслям, чувствам, сладкой предвкушающей неги.

Звезды и луна освещали нам дорогу помогая дорожным фонарям. Мы заехали в туннель, и вдруг Мисти резко выпрямилась. Я не разжимала ладоней на ее животе, и все утыкалась в спину стараясь сдерживать страх. Почему ты не умеешь бояться? Почему ты скрываешь свои глаза за шлемом? Почему ты так похожа на кошку, что гуляет сама по себе? Она словно кошка, что прожила уже восемь одиноких жизней, и теперь научалась быть черствой. Она словно кошка, что слышит собачий вой, но только ей все равно. Запрыгнет на самый верх дома, спрятавшись на чердаке и будет слушать дождливую капель и собачий скулеж тех, кто не способен найти пристанище собственному одиночеству. Думаю, что ты Мисти такая... Думаю, что ты знаешь, как бывает больно, когда пронизывающий холодный ветер обдувает щеки и они, мокрые от слез обжигают сильнее любой боли. Твое бесконечное небо... стремительный бег облаков...ты отняла волшебство полета у птиц и теперь не боишься взлететь выше...

— И что ты только пытаешься вынюхать в баре, киска? — спросила меня Мисти, но голос ее был плохо различим сквозь стесняющий шлем. Она поняла это, и задала свой вопрос снова, когда остановила мотоцикл на парковке одного мотеля «Винтаж».-так что, киска? — повесив шлем на ручку улыбнулась Мисти. — или будешь скрывать это, как «вселенскую» тайну?

— Зачем мы сюда приехали? — спросила слезая с сидения я. — это заброшенный мотель?

— Добро пожаловать ко мне домой. — Мисти облизнулась. — может быть он и старый, но зато никаких тебе налогов. Тепло, есть свет в отдельных номерах и вода.

— Да, но если мотель снесут? — спросила я подходя ближе к танцовщице. — что ты будешь делать тогда?

— Вот тогда я и буду об этом думать. Ладно, заходи. — она открыла двери номера «3», и зажгла свет.

Мисти провела меня в этот старый номер, и я вдохнула полную грудь ветхости, сырости. Потрескалась краска на стенах, и оранжевые куски старой краски уже давно требовали

ремонта. Под этими слоями ветхости были приклеены старые газеты восьмидесятых годов, а то и раньше. Здесь она жила. Да, танцовщица из роскошного бара «Белая лошадь» чьи неоновые огни манят всех странствующих путников, всех заплутавших одиночек, каждого ненасытного дельца. Заветное мерцание ярких, сменяющих цвета огоньков словно заставляют повиноваться самым низменным желаниям любого грешника, что желает исповедоваться между ног соблазнительной танцовщицы. И ты подчиняешься животным рефлексам, ты хочешь войти в бар, чтобы позволить страстной женщине объездить тебя, желаешь почувствовать себя постояльцев в отеле, где тебя отшили, почувствовать себя избранным, победителем и просто любимым человеком в объятьях совершенно безразличной для души женщины.

Я никогда не осуждала продающих себя женщин, да и не сподручно было. Кто я такая, чтобы указывать этой страстной танцовщице в какой обертке подавать себя клиенту? Все мы в той или иной степени торгуем собой по самым привлекательным для потенциальных клиентов ценам, ибо сами будем теми покупателям, которые не только сдачи не берут, но и оставляют чаевые за лямками кружевных трусиков самых соблазнительных женщин. Быть может добрые клиенты — самые щедрые покупатели? Ответа я не знаю...

Только подумать, ты шикарная женщина и живешь в заброшенном, придорожном мотеле, питаешься в такой же придорожной забегаловке, которую вот-вот и прикроют также, как и твою ловушку. Увы, но структура бизнеса такова, что рентабельность зависит от взаимовыручки. Раз мотель пал, то и забегаловка лишилась свои клиентов. В этом минусов много, но еще больше, конечно же, плюсов. Понизилась смертность в местных краях, ибо никакие буйные жеребцы, что привыкли решать проблемы путем современных дуэлей уже не останавливаются в стенах «Винтажа». Сохраняться нервы хозяйки забегаловки, и она сможет наконец-то уйти на покой, чтобы нянчить внуков, а не считать мелочную выручку за день, которую и с накоплением в течении месяца не хватит, чтобы оплатить налоги.

Удивительно, но у Мисти были ключи от каждого номера, от парадной и собственно домишки администрации, где красуются эротические рип-ап плакаты обнаженных женщин, поросшая паутиной пепельница и старое, жутко скрипучее кресло. Мы перебрались в дом администрации, и это было логично, ибо здесь еще по какой-то волшебной случайности еще работала душевая, и холодильник морозит три дня через отключенные пять. Мы обе знали, что подобные встречи не организуют под свидания, и без особой прелюдии Мисти толкнула меня на разобранную кушетку нависнув сверху. Кушетка страшно заскрипела, заполнив этим отвратительным звуком комнату. Казалось, что никакой сладкий стон не способен заглушить скрип. Я почувствовала резкую дрожь от подставленного колена в мою промежность.

Ее ладони сжали мою талию, то и дело скользя под футболку вверх постепенно задирая ее оголяя нежно-голубой бюстгальтер с пикантной висячей подвеской кошки, что звенела словно бубенчик на кошачьем ошейнике. От прикосновения холодных ладоней я морщилась, но только тело умоляло ее не останавливаться. Почему-то, глядя именно в ее глаза, я подумала, что такой тип женщины редок. Она хочет боли не потому что мазохист, а потому что банально не умеет чувствовать ее душой. Боль на уровне чувств от переживаний ей не знакома, но она будет визжать от восторга, если заставит меня просить грубость, когда я почувствую боль жилами, почувствую физическую болевую эйфорию.

— Мисти, — простонала открыв глаза я. — скажи, я ведь права? В баре твоей хозяйки процветает проституция?

— Малышка, — прошептала Мисти нежно коснувшись кончиком язычка моей щеки. — ты не понимаешь, куда впутываешься. Маленький, глупый кролик. Почему ты так хочешь это узнать?

— От этого зависит моя безопасность. — прошептала я. — все очень сложно.

— Милая, ты жертвуешь всем идя на поводу следователя. — Мисти облизнулась.

Задирая мои ноги на своим хрупкие плечики, и поддавшись чуть вперед, она заставила меня согнуть их в коленях. Нежные прикосновения чувственным губами по щиколоткам, доходящие мокрой дорожкой до колен заставляли меня откидываться. Это больше, чем любой секс, это грязнее чем любое порно. Это искусство телесной эротики, что доводит до возбуждения и заставляет кончать не тело, а душу. Настойчивые ладони обвивали бедра, но в одну секунду она сдавила мое горло заставляя трястись, как продрогшую собачонку.

Ах, как бы мне хотелось оказаться в каком-нибудь боевике девяностых, где роль моя была бы настолько мимолетной, но такой запоминающейся. Какой там образ мне нравился из любимого фильма? Кажется, ее звали Энжл. Проститутка, что предала Якудзу и была обезглавлена, но при этом успела почувствовать прикосновения грубого мужчины, и запомниться, как соблазнительная конфетка, не успевшая показать свою начинку. Но глядя на Мисти, я понимаю, что будь я детективом, то к черту расследования, когда с тобой такая блудливая королева. Я вспомнила, как колышется в танце друг о дружку ее аппетитная грудь, и подумала, что эта женщина идеальная наездница.

— Не бойся, насиловать тебя не было в моих планах. — Мисти громко рассмеялась. — прости, если ты уже завелась.

— И часто ты так обламываешь? — я приподнялась на локти, и резко выпрямилась на кушетки обвив ногами твердую сидуху. — или это была мне поблажка?

— Ну что ты... — танцовщика подошла к холодильнику и достала две банки газировки бросив одну мне. Громкое шиканье открытой банки, и она плюхнулась в кресло перекинув ногу на ногу. — тебя же Веста зовут?

— Угу. — я открыла газировку. — а тебя?

— Мая. Как пчелка. — Мая вздохнула. — завтра утром я отвезу тебя хозяйке. Она очень хотела тебя видеть.

— Меня? — я удивилась. — а что я сделала?

— Ты капала под нее, и теперь у Вики личный разговор с тобой. Впрочем, точную тему не знаю даже я, но лучше бы тебе показаться. — Мая сделала глоток и поставила банку на столик. — она не любит, когда игнорируют ее указания. Кстати, почему ты работаешь на Киру Сергеевну? Ты под прикрытием?

— Под прикрытием? — нервный смех. — какой там. Просто...просто случилась одна ситуацию в которой Кира преуспевает лучше остальных, и теперь нужно быть квитами. — на секунду смущение заставило покраснеть щеки. — если говорить просто, то меня изнасиловали, и теперь Кира закроет насильника надолго, если я добуду для нее информацию, а если нет, то он однажды выйдет и убьет меня.

— Что за чушь, девочка? — улыбнулась Мая. — это она тебе сказала? Запугала малышку, блин, и теперь тебе придется за это отвечать.

— Да что ты знаешь об этом? — вздох.

— Что ты знаешь об этом? — вырвалось с губ Майи. — ты ничерта не знаешь, как больно бывает. Ты понятие не имеешь, что такое боль. — прошипела танцовщика сжимая пустую банку. — больно это когда тебя предаст отец, когда мужчина, которого любишь больше

жизни изменяет тебе с твоей же сестрой, а сын отказывается от тебя и уходит к своему папаше только потому что ты танцуешь в грязном баре за копейки, чтобы дать ему все, что только можно. Больно это когда родной ребенок говорит тебе «Ты мне не мать», и пугается от тебя, как от прокаженной.

— Прости... — прошептала я увидев, как на глазах той, что горячее страсти, наворачиваются слезы. — не плачь, пожалуйста.

Говорить дальше оказалось сложно, и Мая отошла в душ, когда меня осенила мысль просто сбежать...

*Веста

Ночь. Глухая ночь пронизывает тонкими нитями сознание заблудших птичек вроде меня. Самые худшие опасения не подтвердились и прошли к тому же уже сутки, а я все еще жива. Фантазия рисовала картинку типичного детектива, в котором я главная жертва. В этом детективном романе я была бы пупом вселенной взявшегося за меня следователя, что возжелал бы не только мое бездыханное тело, но и восстановить справедливость, найти моего убийцу, чтобы успокоить навсегда потерянное спокойствие. «Чарльтонские бабочки пляшут до конца»-любит говорить моя мама, каждый раз, когда я впутываюсь в какую-нибудь нестандартную ситуацию, а такое странное словосочетание прилипло ко мне еще в десять лет, когда я впервые танцевала с идеальной легкостью степ.

Вокруг моего мира на сутки все замерло, и только добрая душа говорила за себя. Под проливным дождем сегодня утром я увидела маленького, грязно-бежевого котенка, что несчастно мяукал и просил прохожих о помощи, и только люди, что вечно спешат в страхе опоздать куда-то проходили мимо, окатывая водой машины мчались мимо дрожащего комочка, и только мое сердце сжалось от пронизывающей боли за это беззащитное чудо. Накинув один только халат, я выбежала из дома и на несколько секунд спугнула маленький комочек, что после нескольких «кис-кис» робко подошел ко мне. Люди вокруг остановились, и я почувствовала, как дрожь пронизывала мои ладони и слезы скатывались по щекам маскируясь под каплями хлесткого дождя. Не веря своему счастью, котенок замурчал, и цепкие коготки начали свой колючий массаж. А дальше прошел ритуал одомашнивания дикой кисы: теплый душ, крапивная шампунь, фен, и куриный суп с овощами и кусочками варенной курочки, которую кошечка с особым удовольствием лакала из пиалы, которую я выделила специально для нее.

А сейчас ночь. Если выйти на балкон, то можно увидеть, как пустует дворовая скамья, а если выйти на улицу, то среди полуночников можно найти лишь два окна, где постоянно горит тусклый, но все же свет. С учетом последних событий, я стала думать, что квартал моего житья криминальный, и волнения мамы были не напрасны. Если смотреть с высоты моего дома, то можно разглядеть мерцающую неоновую вывеску «Белой лошади». Сейчас я понимаю, что попасть в него можно лишь в том случае, если среди твоих знакомых есть какой-нибудь мерзопакостный криминальный наставник, или же ты обладательница милой мордашки. Странно так, но ведь я никогда не работала на полицию, и вдруг выпал такой шанс помочь следствию. Я никогда не стелилась под мафию, и от одной мысли кровь застывает в жилах. Ах, если бы мне выпал один шанс...

Я встала с постели, и резко откинула одеяло в сторону так, что спугнула свою лохматую подругу, и она умчалась в коридор поднимая с полу пыль. «Трусиска»-улыбнулась я, и накинула на плечи атласный красный халат с изображением желтого дракона. Пришлось заварить кофе, ибо время всего ничего, а каких-то три ночи, и моя новая проблема в том, что если я проснулась, то буду бодрствовать, но не усну, а буду мучиться до вечера, и что поделать, но моя натура не позволяет выбить дурацкую привычку. Доказывать маме, что просто я жаворонок с синдромом совы, а она спокойно и как-то снисходительно отвечает «контуженная птичка».

Чайник засвистел и я заварила маленькую чашечку кофе. Аромат заполнил кухню, и

стал душить меня своей крепостью. Из открытой форточки послышалось легкое дуновение прохладного ветерка, и только после этого я смогла сделать первый глоток. Ничего интересного из местных новостей, и в такие моменты я начинаю читать криминальные новости со всего мира. «Криминальный вор Билли «бездонная рука» взят полицией США сегодня утром». Кто только придумывает эти позывные бандитам? У этого Билли были такие большие руки, что их прозвали бездонными?

Куда более красивыми я считаю обозначения блудниц разных эпох этой древней профессии. Столп общества или же изгой, но только каждая из таких падших женщин оставили свой не сглаживающий след в истории любви нашего недельного мира. Взять к примеру женщин, чья цель была ублажать и развлекать воинов императора Ву. Китайская история...независимые представительницы своей любовной профессии...лагерные блудницы...женщины Ин-Чи. Дарить мужчинам свою «дружбу», но не любовь. Сплошь и рядом стоят добровольцы и принуждённые, как бедные и богатые. Блудницы Зоны кому не писаны библейские правила жизни, кто не подпускают к себе близко церковных святош, и готовы на все ради плотского наслаждения предаваясь ему на глазах тех, кто не в силах побороть в себе страх перед Божьим судом и способен только шептать имя той, что вскружила голову.

Мика носилась по коридору и я решила, что таким образом она пытается привлечь к себе внимание. «Мика!»-громко произнесла я и кошечка остановилась в достаточно нелепой стойке. Вдруг она села и начала водить ушами. Я помню, когда была маленькая, то у нас жила кошка, которая так делала, когда слышала шаги в подъезде. Мика аккуратно шмыгнула к входной двери, и не прошло и секунды, как раздался длинный звонок. Мне стало не по себе, и по спине скатились крупные капли липкого пота. Я подошла к двери, и несколько секунд спустя покрутила ручку. Моему вздору предстали двое мужчины в возрасте за сорок. Одеты в черные одежды, как секьюрити какого-то бизнесмена они выглядели, как вышибалы. Крепкие, большие, подтянутые. Кажется, мне принесли черную метку...чертова метка...Два удава на кролика это уже порно, господа.

— Кхм. — один из них размял шею, и мягко улыбнулся, увидев Мику, просунувшую свою мордашу между моих ног. — так, киска, наш босс хочет тебя видеть.

— Ваш босс? — я сглотнула ком. — ну пусть приходит. — нелепо выдавила я.

— Собирайся, киска. — грозно произнес второй крепкий парень. — она ненавидит опозданий. Что смотришь, рыжая? — обратился он к Мике. — чего ты стоишь? Глазами хлопаешь. Ты что-то не поняла? — вдруг мужская ладонь легла на его плечо, и мужчины расступились.

— Не дави на нее. — спокойно произнес возникший из неоткуда Дима. — ждите внизу, иначе я спущу лично с вас шкуры, если будете наглеть не к месту. Топайте отсюда.

— Зайдешь? — шепотом спросила я и Дима кивнул.

Умиrotворенная улыбка светской леди загорелась на моем лице, и я с удовольствием пустила этого мужчину в свой дом. Боюсь ли я этого бандита? Нет. Я счастлива увидеть кого-то знакомого в этой суматохе нестабильных дней. Он выглядел напряжено, в чем-то даже задумчиво, но почувствовав, как Мика потерлась своей мордашкой о его брюки, он опустил на корточки и положил тонкую ладонь на голову котенку потрепав ее небольшие щечки, и мягкую шерстку. Коридор заполнился громким кошачьим урчанием. Неудивительно, что в его руках киски начинают мурчать.

— И что же там творится? — склонив голову улыбнулась я. — на вашем бандитском

рынке. Продаете таких, как я на органы или в турецкое рабство? — вздох.

— Веста, — Дима потер подбородок и тихо чихнул. — ты ведь сама знаешь, как сейчас мне не по себе.

— Почему? Бандиты любят вышибал, но ты какой-то не такой. Ты имеешь свое мнение, чем перечеркиваешь правила и морали? — я скинула халат оставшись в короткой, атласной сорочке ярко-красного цвета. — как ты, Дим?

— Мятная жвачка попала на нерв, а ты такая соблазнительная. — он облизнулся и смущенно отвел взгляд.

— Не засматривайся, иначе твоя жена заревнует. — я зашла в спальню, но его голос прекрасно слышала от чего отвечать было легко.

— У меня нет жены, и я знать не знаю откуда ты ее взяла. — Дима прислонился к входной двери спиной. — или ты думаешь, что те кто не пытался тебя трахнуть либо женатые, либо импотенты? — он ухмыльнулся. — разве ты ничего не слышала про порядочность?

— Откуда стриптизершей знать о порядочности? — я засмеялась. — можно мне узнать в двух словах, что там ждет меня, когда я сяду к вам в машину?

Я надела тонкие, телесные колготки, а поверх натянула обтягивающие джинсовые шорты, что врезались своей грубой тканью в мою промежность. В коридоре Дима продолжал играть с котенком, и подняв голову увидел меня одевающей черную футболку. Вид моей скрытой за тканью бюстгалтера груди заставлял его краснеть сильнее, чем моя полная обнаженность в танце. Это было в чем-то даже трогательно. Он отвел свой бегающий взгляд и вздохнул.

— Ты слышала про девчонку с достаточно пикантной кличкой «Дикая Орхидея»? — Дима посмотрел на меня с достаточно ухмыляющимся взглядом.

— Дикая орхидея... — повторила с улыбкой я. — прости, но я никогда не пользовалась услугами проституток. — вздох. — а нормальное имя у нее есть?

— Нормальное? — Дима снова погладил котенка. — есть. Лулу звучит лучше?

— Лулу? Ты издеваешься что ли? Так...ладно. Ничего я про такую не слышала.

— Лулу еще подросток, но как ты можешь понимать, достаточно амбициозный в своих желаниях. С пятнадцати лет ходит по рукам богатых папиков, и вот с одним из них она задержалась дольше, чем планировалось. — Дима сел перед мной на корточки и обвил ладонями мою ступню. — он влетел в большие перед одним таким интересным боссом долги игорного бизнеса. Лулу долго не думая заняла большие деньги и Вики, но обещала вернуть. Прошло восемь месяцев, а ни денег, ни Лулу больше никто не видел. К слову, Вика очень благородная и понимающая женщина, но на ее доброту некрасиво наплевали. Есть подозрения, что старшая сестра укрывает Лулу, но пока информация не подтверждена. Поверь мне, за все время работы на Вику, я ничего не слышал о том, что она промышляет убийствами. Лулу нужна ей живой, ибо мертвая пташка не вернет занятые деньги.

— А ты сам с ней встречался? — поставив вторую ступню на его колено я склонила голову на бок. — или ты объездил кобылку единожды?

— Она ровесница моей дочери, и было бы странно трахать почти дочь. — Дима облизнулся. — это тебе не красивый детектив американцев, где самый заметный — самый подозреваемый.

Дима мягко улыбнулся, посмотрел в окно, а после перевел свой несколько суровый взгляд на меня. Что-то в нем было своеобразное и милое. Для его типа человека, улыбка —

легкая форма мягкости и не совсем идущая черта для суровой личности, какой он мог бы быть. К слову, я вообще считаю, что улыбка идет далеко не всем мужчинам. Так, например, brutальные мужчины не могут пользоваться улыбкой, какой бы очаровательной она не была. Визитная карточка должна быть весомой, а не простым действием, какое делает каждый из нас каждый час. Когда я вижу вышибалу, что пытается улыбкой навести мосты доверия, я хочу спросить: «А не дурачок ли ты, часом?».

— Собирайся, а то Максим совсем рассвирепеет, а этот ублюдок в гневе мерзкий. — Дима подошел к входной двери. — он не сдержанный и терпеть не любит долгие, манерные разговоры. Бери давай куртку, и поехали. Не хочу снова слушать бурчание этого старого ворона.

Как только мы оказались в машине, то сразу тронулись с места не успела я полностью закрыть дверь. Тихая дорога, и автомобиль выехал на сплошную смешиваясь с множеством машин. Это было удивительно, что в такое время трасса заполнена, как в хорошенький вечерний час пик. Я думала, что меня повезут все в туда же в «Белую лошадь», но только мы не ехали по указателям. Мы были очень далеко от дома. Машина резко затормозила, когда из магнитолы запел своим чарующим голосом Фрэнк Синатра «I Love You Baby».

*Веста

Что такого может скрывать гостиничный комплекс «Wonderland», если босс бандитов захотел встретиться со мной именно тут? От джазовой эпохи это место отличали только посетители своей современной одеждой. Выдержанный стиль «Сухого закона Америки» и даже одетые в этой манере работники, что пытались предложить нам с Димой какой-нибудь номер для новобрачных. Странно, их совсем не смутило, что меня провожают трое мужчин. Впрочем, у меня на лбу не написано, что я не мусульманка. Дима не отпускал моей руки всю дорогу, разжал пальцы только когда к нам спустился лифт. Бугаи дальше с нами не поехали, и как только двери лифта закрылись за нами и скоростной экспресс высокого здания понес нас далеко наверх, я захотела сделать кое-что совершенно несвойственное мне. Нежно положив голову на его плечо, я ласково перебрала грубые мужские пальцы своими коготками, и он нервно дернул ими чувствуя щекотку. Забавный...

Лифт остановился, и Дима вздохнул. Вынув из внутреннего кармана своего темно-вишневого пиджака черную, бархатную ткань он посмотрел на меня и жестом руки приказал «повернуться». Я сняла очки и сложив их протянула ему. Мягкий бархат обвил мои глаза и легкий узел сдавил затылок. Дима снова взял мою руку в свою надежную ладонь и повел через длинный коридор. Стены, которые я не видела сдавливали меня изнутри заставляя чувствовать приближающиеся чувство паники. Переживая приступы атаки, я понимала, что долго так не выдержу. Ладони становились мокрыми и скользили в руках Димы. Мне становилось от этого, как минимум стыдно, а как максимум, я сгорала от ужаса, что он обо мне подумает. «Трусиха»-про себя подумала я, как вдруг Дима склонил голову и коснулся своей гладкой щекой моей.

— Трусиха. — прошептал он глядясь словно кот о мое лицо. — не бойся, я с тобой.

— Дима... — шепотом произнесла я. — не знаю, что ждет меня за дверями, но если что, ты мне всегда нравился.

— Об этом мы обязательно поговорим, но позже. — я не видела его улыбки, но точно знала, что она была.

Внутри комнаты куда меня привел Дима пахло свежей древесины, и я думаю, что здесь (скорее всего) недавно поменяли двери. Характерный скрип, шаг в комнату и словно дуновение ветерка срывает с моих глаз повязку, и она падает на пол словно сорвавшийся осенний лист. Разглядеть комнату мне удалось не сразу, ибо помимо моей проблемы с глазами, темные пятна от повязки еще некоторое время мешали что-либо увидеть. Я почувствовала, как нежно погладил меня по плечу Дима и протянул мои очки. Как только фокус вернулся в норму, я увидела Викторию и дернулась от испуга назад ударившись о торс Димы. Его крепкие руки сжали по швам мои плечи и я чувствовала очередную паническую атаку.

Подумать только... я стою на ковре у настоящего бандита. Виктория перекинула ногу на ногу, и хотя сидела девушка за столом, я видела как ее ноги сменили одна на другую, ибо об этом говорило расположение темно-вишневых туфель. Белокурые волосы собранные в низкий хвост украшал бархатная, темно-вишневая повязка с сетчатой вставкой. Темно-зеленые глаза не выражали никаких эмоций от чего становилось в чем-то очень даже жутко. Ее строгое, черное платье просто фасона свободно облегалo ее тело и только полная, упругая

грудь натягивала эту ткань. Два золотых колечка с гранатом на правой руке, и тонкого сплетения браслет. При всем ее ярком образе на ее лице практически отсутствовала косметика. Только строгие, черные стрелки на веках, да подкрашенные верхние ресницы. Играясь ноготками по стеклянному фужеру наполненного по всей видимости шампанским, она все наблюдала за моей реакцией, как нервный тик дергает глаз каждый раз от звонкого постукивания по стеклу. Дверь тихо открылась, и словно сквозной ветерок в комнате появилась незнакомая девушка. Ее внешность напоминала внешность женщины из страны восходящего солнца. Длинные, черные волосы собраны в тугий, высокий хвост, а тело скрыто за тканью роскошного, черного бархата, что сшито по принципу японского платья. Узкая полоска ткани ровным треугольником спадает между ее ног прикрывая бугорок Венеры, и полностью оголяя ровные, мускулистые ноги. Девушка аккуратно села на грядущку кресла, и перекинув ногу на ногу показала идеальную осанку.

— Здравствуй, Веста. — произнесла своим спокойным, аристократичным голосом Виктория. — дорогая, ты видимо удивлена?

— Чем может удивляться подсобная крыса Киры? — ухмыльнулась азиатка облизнувшись. — она учит их быть исполнительными утками. Вот уж где настоящие камикадзе. — девушка игриво расхохоталась посмотрев на хозяйку.

— Присаживайся, дорогая. — Вика кивнула на два стоящих напротив стола кресла. — Дима, пожалуйста, не стой на пороге, как не родной. Прошу, будьте моими гостями. Хотите чаю? Говорят, что в этой гостинице прекрасно заваривают зеленый с мелиссой чай. Успокаивает нервы, и расслабляет мышцы. — она сделала небольшой глоток и вздохнула. — предпочитаю пить вкусные напитки исключительно из высоких фужеров. Будь-то игристое шампанское или же чай.

— Ты лучше спроси зачем эта крыса... — прорычала азиатка, как вдруг Вика вытянув руку заставила ее замолчать.

— Камилла, где твои манеры? Не смей называть мою гостью, как ты там сказала? Ах, крысой. — она посмотрела на меня и какая-то нотка игривости мельком проблестала в ее изумрудных глазах.

— Вик, — Дима нежно сжал пальцами мое запястье и покачал головой. — пока у нее не случился сердечный приступ, давай расскажем зачем ты хотела ее видеть.

— Дорогие мои, прошу глубочайшее прощение. Вечно оттягиваю главное в самый конец. — Вика сделала снова глоток и улыбнулась. — за всю мою жизнь, дорогая Веста, за мной закрепилась своего рода кличка «Профессиональный друг», которая полностью описывает меня. Любой человек из моего окружения знает, что если у тебя стряслась беда, то ты можешь обратиться ко мне и можешь быть уверен, что останешься услышанным. По своей натуре, я человек отзывчивый, и как женщина довольно мягкая. Близкие друзья говорят, что я уступчива не в меру, а враги о существовании которых я узнаю весьма удивительными путями, любят травить байки о великодушие, но есть одно большое в моей лестной составляющей «НО».-Виктория игриво вильнула плечиком в сторону Камиллы. — я терпеть не могу, когда моей добротой пользуются всякие твари. Дима, — обратилась она к тому, кто так трепетно держал мою ладонь. — ты уже рассказал нашей дорогой Весте про Лулу?

— Да, Дима мне рассказал небольшую предысторию, но я не совсем поняла, как эта самая Лулу связана со мной? — разведя руки в стороны совершенно не понимающе спросила я. — я понимаю, что поступила нехорошо, и шпионаж карается жизнью, но я ничего не

смогла найти на Вас. Прошу прощения, что вообще решилась на такую бесцеремонность, но можно мне домой, пожалуйста? — не сдержавшись я всплакнула. — я всего на всего танцовщица в стриптиз баре, и я ничего не хочу больше не под кого копать. Пожалуйста...

— Неужели эта следачка уже покупается на смазливые мордашки вместо мозгов. — разочарованно покачала головой Камилла. — Вик, давай отпустим эту плаксу и пусть катиться откуда пришла.

— Камилла, — Виктория вздохнула. — заткнись. Выучи наконец простую команду, когда от тебя не требуется мнение — ты молчишь! Что и как делать это я решу сама. — потирая ладони она посмотрела на меня и мягко, по-матерински улыбнулась. — девочка моя, я не враг тебе, и более того, мой дом — твой дом, но я прошу у тебя не просто услугу... — выдвинув ящик своего стола, она посмотрела внутрь и ухмыльнулась. — Камилла, Дима, выйдете отсюда вон и оставьте нас наедине.

Дождавшись, когда лишние люди покинут комнату, Виктория напряженно выдохнула, и скрестив свои изящные кисти на уровне губ, она склонила голову на бок не сводя с меня своего пристального, ласкового взгляда. Ящик стола все еще открыт и фантазия рисовала мне тот самый эротичный момент моего убийства. Рисовались картинка, как Вика сейчас схватит револьвер из ящика и засунет мне длинное дуло в мокрый рот, оближет лоб и сделает выстрел. Резкие три щелчка пальцами и я выхожу из транса собственной разыгравшейся фантазии. Перед мной лежат часы с раскрытым циферблатом внутри которого небольшая фотография девчонки подростка и еще одной девушки. Рыжеволосая девочка с двумя хвостиками корчит задорную рожицу, а девушка, что стоит за ней серьезная, обнимает дурашливую девчонку за шею и при этом ее личико озаряет уставшая улыбка и такой печальный взгляд. Вика наполнила два высоких стакана с графина светло-бежевым напитком и вздохнула. Вдруг в этих игривых глазах появились слезы.

— Знаешь, все всегда твердят, что мол сын — гордость отца. Все это чушь, ибо я, как никто другой знаю, что отец может гордиться дочерью так, как никогда бы не гордился мальчишкой. Мой отец без вранья обожал меня, как только может обожать мужчина женщину. История моя уходит корнями далеко назад в подростковое время, но это сейчас совершенно неважно. — отпив глоток напитка она всхлипнула. — ты не представляешь, как я по нему скучаю...

— Это ты на фото? — удивленно спросила я.

— М? А, нет. — вздох. — та что рыжая это Лулу, а вторая девушка ее старшая сестра Лина. Разница в шесть лет, но только не в это смысл. Мать умерла вторыми родами, и их отец старался быть и матерью, и отцом, но сама понимаешь, какая мамаша получится у мужчины, что заликает глаза каждый вечер пытаясь справиться с потерей горячо любимой супруги. Спился, умер и остались они одни. Лина не такая; как сестра. Знаешь, у нее хватка железная и чертовски твердое воспитание. Пока был жив отец, то предпочитал нянчиться с Лулу, ибо внешне она копия матери, и к тому же «младшАя», как всегда говорил папенька. Лина выросла, но только выросла с тяжелым, замкнутым характером, который терпеть не мог их отец. — Вика грустно улыбнулась. — но мы с ней всегда умели договориться, и впервые лично познакомились с ней еще в седьмом классе, когда меня перевели в ее школу. Она изгой, что напрягает весь класс, а я новенькая и никому не интересная, ибо шакалы всегда встают в замкнутый круг. Так мы и сдружились с Линой...

— Но что случилось потом? — удивилась я слушая ее рассказ.

— А потом мы повзрослели. — Вика покачала головой. — повзрослели, и узнали, что

конкуренция дружбе огромная помеха. Моя «Белая Лошадь» против ее «Ма Бэккер».

— Ма Бэккер??? — смешок. — какое смешное название.

— Название смешное, да только люди в этом баре водятся опасные. Лина не брезгует обнаженными танцами малолеток, которым чуть больше восемнадцати, и я часто слышу о непристойностях творящихся за дверьми этого заведения. Слышала, что там танцовщица тоже самое, что проститутка, а прейскурант можно найти за ширмой каждой танцовщицы. Веста, я прошу тебя об очень странной просьбе... — достав из ящика пачку денег крупного номинала, она бросила их мне. — твое тело превосходное, и танцуешь ты великолепно, а милая мордашка, как главный козырь. Я прошу тебя разужнай для меня одну информацию. Не танцует ли Лулу в баре сестры и не танцует ли она против своей воли? Проскользнул и такой слушок, а я, переживая за Лулу, как за дочь.

— Да, но ведь она заняла у тебя огромную сумму... — опешила я. — разве ты не для этого хочешь найти девчонку?

— Нет. Долг я могу простить, а вот если с ней что-то случится, то я буду винить себя до конца дней. — Вика вздохнула. — если это не в твоих силах, то я пойму и мы просто разойдемся словно этого разговора не было.

— Нет. — уверенно заявила я отодвинув в сторону деньги. — деньги мне не нужны. Я помогу тебе, но только один вопрос...если слухи оправдаются, то меня будут снимать?

— Если слухи оправдаются, то Дима будет покрывать расходы твоей слежки. Как только ты завершаешь танец, у тебя будет час так сказать «свободного времени». Этот час полностью займет Дима, и твоя сексуальная воля сломлена не будет. Можешь не волноваться за это. Говоришь, деньги не нужны... — Вика ухмыльнулась. — почему? Я мало предлагаю?

— Я хочу помочь, а не заработать. Если бы ты знала, какая меня окружала скучная до этого жизнь. Сейчас я словно героиня приключенческого фильма, но только могу именно помочь, а не сыграть помощь. — я вздохнула. — глупости и звучит, как детский лепет, но ничего не могу поделать. Это бредовые мысли. Только мне нужно предупредить работодательницу, что не смогу выйти в смену и...

— Ты разве не в курсе, что уволена? — Вика опустошила свой стакан. — тебя же уволили через сутки после того инцидента, что приключился с тобой неделей ранее.

— Меня списали? Очень здорово. — я опустила руки. — чтобы не было проблем...

— Я бы могла помочь тебе потом устроиться в более прибыльный бар, но только не могу пригласить в «Белую Лошадь», ибо там цениться зрелость и порядочность, а не пускание слюней и волчий вой в сторону милых девочек, как ты. Вот стукнет за тридцать пять, то можешь напомнить мне о моих словах.

Судьба позволяет мне стать героем, и упустить такой шанс было бы моей самой глупой ошибкой. На выходе меня встретил Дима, и крепко взяв за локоть, он открыл дверь на лестницу, и целых пять этаже мы спускались пешком, где, как я поняла позже был снят его номер. Мы закрыли двери, и он усадил меня на мягкую кровать. Протянув ножки вперед, я кивнула ему на кеды, и встав на колени он начал медленно развязывать шнурки и оголяя пяточку, нежно обвивал своей мягкой ладонью кожу. Как только обувь была снята, я поставила стопы на его колени и игриво склонила голову на бок. Взгляд его исподлобья заставил мурашки россыпью бегать по спине.

— Скажи, пожалуйста, что Лина настолько плоха? — удивилась я.

— Ну, что мы подразумеваем под «плоха»? — улыбнулся Дима. — скорее наглая, и

просто слишком самостоятельная. Мы встречались с ней некоторое время, но в нашей паре мужчиной хотела быть она, и все мои попытки ухаживания пресекались ее вечно недовольной гримасой.

— Чем же она знаменита? — спросила я.

— Своей надменностью. Что тебе сказала Вика? — спросил грустно улыбнувшись Дима.

— Скажи, а что ты знаешь про бар «Ма Бэккер»?

Дима поменялся в лице...

*Веста

«Все начинается с малого», любит говорить моя мама в самые непредсказуемые для нее ситуации не взирая на масштабы предстоящих проблем, которые могут следовать в роли последствия потенциальных действий. В каждой ситуации эта своего рода пословица ложилась на обстоятельства таким образом, словно была выдуманно исключительно несколько секунд назад и именно для этой минуты временного раскола. Конечно же, я не была из суеверных, но что-то все же заставляло работать мой редкий инстинкт самосохранения. Казалось бы, что мешает мне в эту минуту повернуть назад, а лучше уехать из города прочь, чтобы следователь и ее своенравная подружка-бандитка просто меня не нашли? Наверное, привитое с детства чувство долга перед данным словом. Возьми, брось все и хотя бы на секунду подумай о своей безопасности, но нет увы, сейчас ты чувствуешь себя главной героиней, что спустя двадцать минут фильма окажется в полном дерьме, где инстинкты, буйный нрав или же остроумные шуточки просто не помогут.

Собственно говоря, в бар «Ма Бэккер» меня взяли без лишних вопросов. Я удивилась такой спешке, ибо даже на моей бывшей работе меня спрашивали больше часа о том или ином, задавали вопросы личного характера и все ли до конца я понимаю, а здесь... Может быть, отсутствие официальности сказывается, или они думают, что я не на долго. А почему нет? Испугаюсь танцевать голышом перед большой публикой и струсив, решу бежать прочь. Да, эта красивая бутафория только для бульварных романов, где меня по типичной истории продали бы в секс-рабство какому-нибудь толстому уроду, но только за занавесами этого заведения я не знала, что ожидает меня в следующую минуту. Хотя было одно «но», которое казалось мне по-настоящему фривольным: общая гримерная на десять танцовщиц, что светят своими телами и помогают подготовиться к выходу, и следила за тщательно за нами правая рука начальницы, которую застать я никак не могла, но по словам Гели (правой руки) — «Лина всегда знает, о чем вы думаете наперед».

В чем отличие танцовщиц стриптиза от проституток? Я задавалась этим вопросом миллионы раз, но каждый из них был настолько провальным, что только сейчас глядя на своих новых коллег, мне хочется плакать от ужаса, что реально так себя запустить просто. Они не похожи на милых девочек-кроликов, что виляют пушистыми хвостиками, когда какой-нибудь властный парень щелкнет пальцами. Вот взять хотя бы старожилу Катю. Прокуренная тамбуром поезда, что мчит ее по наклонной жизни, где ей уже ничего не интересно. При всей своей весьма простой внешности, она не отличается ничем от среднестатистической женщины, что занимается домашней рутинной. Тусклая одним словом, а вульгарная до безобразия. Впрочем, вульгарная она настолько, что краснею от стыда даже я, хотя обычно мне все равно на ситуации подобного рода. Она много курит и гнет свою никому не нужную философию о девочках «цыпочках», что выгорают, как спички пока пляшут на радость всяким уродам.

Что же все-таки делает стриптизершу более отличимой от проститутки и существует ли какая-нибудь самая отличительная черта? С одной стороны, обе продают свое тело, но с другой стороны, стоит какому-нибудь грязному мерзавцу прикоснуться пальцем к роскошной танцовщице, и парни с мощными затылками прикоснутся к нему. Вообще, вышибалы бара обычно очень ревнивые мужчины, и самое примечательное, что иной раз

они выражают свое трепетное отношение к тебе...к хрупкой танцовщице куда более признательно, чем среднестатистический муж. Конечно, шутки из серии «Стриптизерша перед сексом ломается минут десять» — избитые до нельзя. Многие мужчины, что после зажигательного шоу возвращаются белыми котятками в свою семью, где пирует мир и гармония, а так же орут пятеро детей, любят говорить, что разницы никакой, да и что стриптизерша живет на две зарплаты, но только ночью, когда перед глазами всплывают образы той, кто красиво раздевалась на сцене заставляют мужское достоинство твердеть, а в постели оказывается всего-то старая жена, что давно перестала привлекать, то тогда-то начинаешь кусать ничтожно губы.

— О чем задумалась, милашка? — облокотившись о длинный столик своими ягодицами спросил меня один из вышибал, что нежно наблюдает за мной с первого дня трудоустройства в этот бар. — о чем такой котенок думает? — его грубые пальцы нежно пощекотали мою шейку, и я игриво засмеялась.

— Если скажу, то будешь смеяться. — я вздохнула проведя широкой кисточкой по щеке растушёвывая пудру. — и почему тебя не удивляет, что стриптизерша о чем-то думает?

— А что в этом невероятного? — он вздохнул. — впрочем, я так давно за тобой наблюдаю, что не перестаю поражаться. — его ладонь небрежно потрепала кисточки в стакане. — почему ты танцуешь стриптиз, а не преподаешь в колледже?

— Моя работа красиво раздеваться, а не капать на мозги. — я засмеялась. — ну, а почему ты не секьюрити у какого-нибудь бизнесмена, что по выходным трахает его жену? С твоей комплекцией и такой тонкой душой, — я нежно коснулась пальцами его бедра. — ты мог бы построить карьеру настоящего британского агента.

— Мама меня родила таким, какой есть, и знаешь, я бы не променял свою работу ни на какие деньги, и жен бизнесменов. Мне нравится быть...как сказать? Защитником. Вот представь себе, если кто-то из клиентов посмеет сказать тебе гадость, то я вырву ему язык вместе с позвоночником, а если рискнет прикоснуться пальцем, то лучше ему не попадать со мной в одну тюрьму. Так что, киса, ты не грусти. — сжав руку в слабый кулак, он игриво чуть коснулся моей щеки выпирающей костяшкой среднего пальца.

— Саш, ты ведь здесь давно работаешь, и посмотрелся всякого, можно один вопрос? — я стыдливо посмотрела к его карие глаза через отражение зеркала. — что отличает проститутку от стриптизерши?

— Малыш, стриптизерши, эти игривые пташки, — вышибала склонился над моей шейкой, нежно прикоснувшись губами. — занимаются коллективной эротикой, а проституточки, — вдыхая запах моих волосы, он чуть порывкивал заставляя мурашки сжимать бедра. — индивидуальной порнографией.

Что мешает мне совратить этот парня? Что мешает мне затащить его в свою постель, и допустим, после секса попросить новую сумочку? Он ведь согласится, даже если я предложу ему только сладкий минет. Вообще, вышибалы в этом баре сильно различаются с Максом. Они не прячутся в узком коридоре, не позволяя неподготовленным проникать в храм блуда, а пускают всех, но только разбросаны среди клиентов таким образом, что невозможно поначалу отличить их от простых зевак. Каждый из вышибал относится к тебе, как к королеве до тех пор, пока ты не начинаешь тушить об его спину окурки. Мужчины здесь ласковые, и это огромный плюс.

— Веста, — нежно коснулась моего плеча одна из танцовщиц. — твой выход следующий. Давай, помогу? — улыбнулась она потянувшись за расческой. — соберем тебе

высокий хвост, немного косметики и главное это... — она достала из ящика стола баночку с блестками для тела. — будешь сиять, как самая яркая звезда. Это ведь так здорово, когда ты блистаешь на сцене.

— Свети, свети моя звезда. — засмеялась розоволосая танцовщица.

Она посмотрела на меня и подмигнула. Диана или просто Ди, как ее называют в баре, не похожа на остальных, но это ведь главный плюс, когда среди масс ты горюшь огнем. Невысокого роста с меня (а во мне всего ничего 160 сантиметров без каблуков), весьма хрупкого телосложения. Ее плоский живот украшает ярко-розовый камешек пирсинга, и при особо глубоком вздохе она втягивает живот так сильно, что ее ребра начинают неестественно выпирать. Нежные плечики, тонкие кисти, и длинные черные ногти. Если долго всматриваться на длину ее ног, то кажется, что они и занимают эти сто сантиметров всего ее роста. Длинные, пышные, ярко-розовые волосы по ягодицы собраны в два высоких хвоста, и самое забавное — ее сережки помпоны. Какого цвета можно и так угадать. Вообще-то, сегодня она не танцует. В свой выходной она часто приходит помочь девочкам перед выходом, или просто посидеть в примерке, поболтать о жизни. Так и сейчас. Одетая в латексные темно-розовые шорты с высокой талией, и черный короткий по грудь топ, она дополнила свой образ тугими чулками в крупную сетку, кожанкой, что на размер больше ее 44ого, странную розовую пачку поверх шорт, и тяжелыми ботинками на грубой шнуровке. Кожаный чокер плотно сжал хрупкую шейку, что делало ее голосок немного хриловатым.

— Ты знаешь, это такой трусливый путь не доминировать своим сердцем, — Ди медленно подняла вверх свои ноги нежно поглаживая бедра, и закидывая их на столик она лопнула жвачку приторного бубль гума. — к тому же, если ты боишься полностью обнажаться перед зрителем, то это...

— Но я не боюсь. — улыбка исказила мое лицо. — это ты у нас «розовая кошка», а я пока не получила своего названия.

— «Розовой кошкой» меня делает любимая помада, и умение сводить с ума своих клиентов. — Ди засмеялась. — но клыки я всегда скрываю, да и притворяться послушной намного легче, чем быть кровососущей тварью. К тому же, тебя ведь тоже не просто так прозвали «Леденец», — Ди лопнула надутый пузырь жвачки. — киса.

— Я такие подробности не знаю. — набрав полную кисточку блестящих серых теней, я провела по веку. — к тому же, еще больше меня удивляет, как только эти клиенты дают прозвища танцовщицам.

— Вы серьезно еще не поняли? — в примерку вошел Саша. — ты, малыш, получила свое прозвище за урчащий голосок и розовые волосы, что красуются не только на твоей голове. А ты, — он улыбнулся глядя на меня. — за свою невинность и сладкий нрав.

— А потом только сладкий нрав превращается почему-то в сладкий стон гашиша с которым твой хахаль обещает завязать. — Ди грустно улыбнулась. — я же говорю, иногда лучше не знать историю своего прозвища. Ладно, иди и позволь себе сойти с ума танцуя перед этим зверьем без одежды.

Громко распахнув двери в примерку вошла одна из старожилов бара Зара. Про нее я знаю не так много, как хотелось бы. Впрочем, кроме того, что задирает новичков она мастер, да и того, что была изгнана из семьи за измену своему мужу кавказцу я не знаю больше ничего, да и второе мне как-то раз рассказала Ди, что не стесняясь в выражениях назвала ее в личном разговоре со мной «Исламской овцой». Почему? Я могу только догадываться. Исламской очевидной из-за религиозных суждений, а овцой...быть может за глупую

безропотность? С одной стороны, Зара мне даже нравилась, но с другой, я ее откровенно презирала. Не из-за того, что она пустила всю свою жизнь коту под хвост, а из-за того, что она глупая в свои тридцать пять. Что ждет человека без будущего? Только смерть от рук возможно того же мужа, что по принципу своего народа не прощает чужих взглядов на женщине, что уже твоей и не является. Хорошо, что мама с детства меня натаскала на то, чтобы никогда в жизни не связываться с мусульманами и кавказцами в том числе. Хотя, когда я была подростком ко мне часто приставали лица запрещенные моей мамы. Никогда не мечтала потерять собственную гордость под ногами мужчины, что изначально ставит тебя на одном уровне с овцой, а там еще у нас есть повод посостязаться за право считать лучше. Нет, спасибо. Не такой жизни для меня хотела мамочка.

— Ну-ну. — ухмыльнулась Зара. — она будет сиять только потому что новенькая и еще не приелась. — надув пузырь из мятной жвачки пробурчала женщина. — потанцуешь здесь с пару лет и узнаешь, что и у стриптизерши бывают недруги.

— С такой позицией, — Ди нежно обвила своей кистью крепкое плечо вышибалы. — у тебя были недруги еще до стриптиза. — облизнувшись она посмотрела на Зару. — правда любительница суровых парней?

— На что это ты намекаешь? — старожилка настороженно покосилась на девчонку. — хочешь что-то сказать — говори прямо, а не блей словно овца от страха.

— Я тебя умоляю, кто тебя боится? И не сравнивай меня со своей родственницей, дорогая. Блеющие животные это фетиш твоих воздыхателей. — потеревшись острым носиком о крепкий торс Саши проурчала Ди.

— Девочки, — раздался голос вошедшей танцовщицы. — прекратите ссориться на ровном месте. — она села в кресло напротив меня, и я восторженно раскрыла рот. — Веста? Что ты тут делаешь? — Виктория вцепилась в мои руки. — я думала ты танцуешь в ба...

— Тоже, что и ты. — пробурчала Зара. — вертит задом, и пока что лучше тебя.

— Закрой пасть, пока я тебе ее не закрыла. — не поворачивая лица уверенно ответила я.

— Я тебе сейчас подправляю личико, дрянь. — Зара резко развернула кресло со мной передом. — ты что о себе возомнила, сука?

— Ты, как я посмотрю, смелая до хера? — Ди грубо толкнула старожилку и ухмыльнулась. — пальцем ее тронешь, я тебе так морду расквашу, что тебя опознать будет целая проблема. Ты меня поняла?

Виктория была моей наставницей по стриптизу, когда я только пришла к мысли, что хочу красиво раздеваться и двигать телом для сильного пола, когда хотела научиться сводить мужчин с ума. Как лучшая из лучших своего дела она никогда не робела перед большой публикой, держалась уверенно, и было одно такое интересное табу, которое она никогда не нарушала — обнажаться. Даже здесь танцуя в мини-трусиках, что плотно обтягивали ее промежность широкой полоской, словно смешная цензура и такие же силиконовые формочки-звезды на соски все же закрывали ее от глаз хищных зверей. Со временем тело танцовщицы изнашивается, но только глядя на Вику я понимала, что она хренова Дракула, которая не имеет времени и возраста ибо выглядит по прежнему роскошно. Хотя, что такое двадцать шесть для девушки, что подвергает свое тело ежедневными нагрузками?

До моего выхода на сцену оставалась всего ничего, а каких-то три минуты. Полностью обнажившись перед широким зеркалом, я немного повертелась осматривая себя со всех сторон, и Вика наполнила полные руки блессток осыпая ими мое тело. Нежно-розовая посыпка украсила сочную сдобу и при ярком свете могла ослепить, но только мой номер не

столько пошлый, сколько необычный. Танцую в темноте, ибо блески очерчивают всю меня в темноте делая похоже на долгожданный маяк для заблудившегося моряка. Не зря меня здесь называют «Леденцом», но только что-то мне подсказывает, что это из-за смазливой личика за которое меня хвалил каждый кто видел. Собрав волосы в высокий, тугий хвост и нацепив розовые туфли на высоком каблуке, я вздохнула и снова посмотрела на свое отражение. Труба зовет...

Элла Фитцджеральд запела старую джазовую песню «Fever», и я медленно, словно крадущаяся кошка вышла на сцену, где меня встретили овации и мрак, что чернее ночи, но только свой сияющий силуэт я видела в отражении гладких, черных панелей, коими отделан весь бар. Двигать телом в такт приятному мотиву — награда, что может свалиться с самих небес только избранным. Я чувствовала скользкие взгляды тех, кто желал меня, как женщину, но не видя моих пугливых глаз не знали, что за такой вульгарной оболочкой хладнокровного удава скрывается самый настоящий, пугливый, лохматый кролик, что дергает быстро носиком, стоит хищнику единожды клацнуть над ним острыми клыками, которые через секунду сомкнутся на хрупкой шейке.

Шаг за шагом приближаясь к краю сцены, я чувствовала, что накал эмоций становится сильнее. Может быть, страх дает о себе знать, но какой страх? Дурочка, ты же знала, куда суешься. Сумасшедшая. Забываясь на сцене в движении тела, я вздрогнула от пронзительного взгляда. Россыпью несмелых мурашек пробирающих тело я научилась наслаждаться. Мне хотелось стать распутной среди других танцовщиц, стать самым сладким кусочком этого заведения, стать самой желанной. Стоило закругляться. Скоро танец мой кончится, и я должна буду вернуться на сцену, но только в новом обличи подавая сильному полу перспективу снять меня после законного часа работы. Они думают, что я боюсь их, но только мне смелость мешает дышать.

Я быстро переделалась для второго танца в немногочисленную одежду, и только блески на животе еще выдавали во мне ту самую полностью обнаженную в ночи. Музыка заиграла своими более ритмичными нотками, и я выбежала на сцену под громкие аплодисменты. От бешеного ритма, что я чувствовала импульсами по всему телу до самых вульгарных поз, что заставляли кровь кипеть в жилах я чувствовала себя королевой этой сцены к которой прикованы все взгляды. Мужчины громко аплодировали мне, а многие уже пытались купить меня в кассе. Хотя бы десять минут моих ласк. Виктория горделиво наблюдала за моими движениями и от этого натура распалась сильнее. Только один человек недовольно наблюдал за мной... Дима. Он никогда здесь не занимал столик у сцены отдавая предпочтение барному месту. В этот раз он сорвался. Увидев, как я симпатизирую одному из мужчины в первых рядах, он со всей силы поставил стакан с напитком на стойку, и грубо толкнул двери бара покидая его. Ревность сожрала даже его. Послав напоследок своими зрителям импровизированное сердечко из рук, я улыбнулась убегая с высокой сцены на своих высоких каблуках. Нацепив полупрозрачный халат на свое распаленное тело, я выбежала на улицу поймав Диму у самого входа. Пора уже разобраться...

*Веста

Любой мужчина в душе трепетный папочка, что не видит очевидных недостатков в своей девочке. Любому мужчине нравится женское подчинение, даже если сам он в паре нижний, и любитель облизывать ноги партнерше. Быть может, каждый мужчина страстно желает хотя бы раз в жизни почувствовать себя инквизитором, что имеет власть над красивой ведьмой имя которой будет стонать всю ночь правосудия. Особенно красивым я нахожу произношение на английском и слово «Daddy», как некое мужское клише. Вот он... заходит в тот же бар...такой идеальный в своей строгости и крутом нраве, и резко шлепает тебя по ягодица заставляя повизгивать от несвойственного тебе удовольствия, но красивая картинка рушиться, ибо если верить словам одной моей хорошей знакомой у каждого папочки есть своя Ма, которая разрешает ему тискать сладких девочек.

Из открытой двери одной стоящей возле бара машины играла старая песня «Ночь». «Ночь. Ожиданье, холод, боль. Словно я расколот. Я ничего не вижу. Сам себя я ненавижу. Вновь слезы неоткуда. В кровь я кусаю губы. Все что мне сегодня надо просто быть с тобой рядом». Водитель дожидавшийся своего клиента, как любитель идеального кино погасил свои фары, чтобы не смущать нас посчитав, что наблюдает за влюбленной парой. Это было в чем-то даже забавно, но откровенно говоря, сейчас Дима разочаровывал меня сильнее чем кто-либо прежде. Словно за свою добродетель он хотел нечто большего чем мое уважение. Запахнув на своем обнаженном теле персиковый, полупрозрачный халат, я подошла к Диме и положила руку на его плечо, но он дернулся от пронизывающего все его нутро чувства неподдельной брезгливости. Мускулы его лица нервно дрожали, и на секунду, я даже испугалась, что он способен меня ударить. Он достал сигарету и быстро щелкая зажигалкой попытался ее поджечь. Как только произошла искра Дима затаился спустя секунду выдыхая настоящее дымовое пламя.

Видела ли я Диму этим самым «крутым папочкой»? Нет. Он не больше, чем брат. С ним здорово просто быть не строя воздушных замков и перспектив. С ним удобно. Тот самый тип мужчины с которым просто удобно. Он ничего от тебя не требует, особо не высказывает своего мнения да и для него ты не больше чем беспомощный ребенок, но он почему-то питает какие-то горькие иллюзии и верит, что если он бесплоден, то ты однажды все равно родишь ему сына даже если он будет другой национальности. В какой-то степени мне его даже жаль. Правда жаль...

Город не спит, а дремлет в тончайшем мареве ночной миражности. Неоновая вывеска «Ма Бэккер» мерцает своей соблазнительной вспышкой старого бара из фильмов про проституткой в восьмидесятые, когда каждый человек желал вкусить этот запретный плод под названием «доступность». Проезжающие мимо автомобили сигналият друг другу в знак приветствия, а только что прибывшие стараются заглушить мотор, как можно быстрее, словно где-то неподалеку за ними наблюдает жена или же любовница, и как странно видеть этих людей в объятиях дочерей, что танцуют здесь совращая отцов телом, которое они видят с первого дня их жизни. И ведь это так странно потом, когда кончается смена и они направляются домой, чтобы позавтракать всей семьей за воскресной трапезой, и милая дочка-танцовщица будет скрывать свою тайну в лице отца; чтобы не ранить чувства любимой мамочки. Ведь это разобьет ей сердце...

— Дим, ты так и будешь молчать? Что происходит? — спросила я наблюдая за его очередной затяжкой. — Дима?

— Веста, — он сплотнул ком, что заставлял голос хрипеть. — что ты от меня хочешь услышать?

— Объяснения, как минимум. Что это за ребячество? — я вздрогнула от объятий холодного ветра и зажмурилась чувствуя, как песчинки ударяются в глаза. — почему ты психанул?

— Только вот не надо делать вид, будто ты не понимаешь. — Дима ухмыльнулся затушив окурок каблуком своих острых туфель. — почему я должен вообще следить за тобой, постоянно биться за право твоей безопасности, если оказывается, что ты с таким энтузиазмом раздвигаешь перед публикой ноги?

— Дима, — я засмеялась. — ты вообще помнишь кто я? Я не монашка, что облачилась в рясу, и даже не примерная жена пятерых детей и мужа сантехника, что по ночам храпит у стены позабыв разделить ложе с супругой. Дим, я танцую стриптиз. Да, я обнажаюсь перед мужчинами и их спутницами, я танцую приватные танцы, где трусь телом и своего зрителя и стесняться показывать себя, как запретный плод, я не стану. Ты вообще знаешь, что это меня кормит?

— Тебя, как и меня кормит работа на Вику, и к тому же...

— И к тому же, — я перебила его. — я не брала денег Вики, и мы договорились, что это я делаю по своей воле.

— Ты хочешь сказать, что ты танцуешь стриптиз только потому что тебе это нравится? — опешил Дима оступившись. — пи*дец, какой я придурок. Бл*ть, я то думал, что ты такая несчастная, такая доверчивая и наивная. Танцуешь в этих притонах только потому что тебе деваться некуда, а тут вот что...

— Прости, что не оправдала твоих розовых представлений обо мне. Да, девки, непотребства и блуд — мое клише, что пока меня устраивает. И вообще, — я снова зажмурилась от резкого ветра. — ты приходил смотреть на меня еще до нашего знакомства, и я думала, что это ты несчастный. Хочешь сказать, что приходил из-за какой-то глупой надуманной твоей головой жалости?

— Знаешь, я думал, что между нами нечто большее чем... — он снова достал сигарету и дрожащей рукой чиркнул зажигалкой. — чем ничего. Я думал, что между нами чувства что ли, какие-то зарождающиеся отношения, а ты оказалась простой бл*дью.

— Как ты меня назвал? — опешила я чувствуя, как нервно задергался глаз. — Дима, будь мужчиной и скажи мне это еще раз.

Дима резко обернулся и увидел перед собой не того робкого котенка, что держался за него в моменты страха, а настоящую львицу, что готова встретить острые речи смело, и возможно, даже дать отпор противнику. Он сделал шаг вперед, и я повторила его движения. Что ожидала я? Красивую картинку из какого-нибудь старого нуарного детектива, где Дима потрепанный жизнью и разочарованный в любви старый волк, а я юная танцовщица, что готова бороться за его любовь до последнего. И вот...сделав несколько шагов навстречу друг другу и стих даже ветер позволяя ночной тишине сделать свое дело и подтолкнуть нас в сладкое, брренное и такое долгожданное объятье, но вдруг сказка разрушилась и жгучая крапива ударила лицо. Чувство предательской подножки, и мое падение на сырой асфальт. Черт, как же я ошиблась...

— Папа!!! — завопила выбегающая из бара Ди. — черт, ты совсем придурок. — она

покачала головой и растерянно развела руками не понимая, что нужно сделать первым, но опустившись ко мне на корточки, она подставила свою крепкую руку, чтобы я смогла встать. — какой же ты ублюдок. Неудивительно, что мать ушла от тебя, когда ты такой кретин!

— Ах, моя дорогая Дианочка. — Дима размял шею и ухмыльнулся. — а мне стоило догадаться, что ты тоже ошиваешься в этом борделе. Как поживает мамочка?

— С катушек в отличии от тебя не съехала. Больной ты придурок. Какого черта ты вообще здесь делаешь? Я сейчас позову охрану, и они вмиг тебя попросят отсюда. Ты зачем ее ударил?

— А ты такая же любопытная, как твоя мамаша и все так же суешь свой нос куда тебя не просят. — он ухмыльнулся. — твоя подружка уже рассказала почему тусуется здесь?

— Слышь, дядя. — послышался голос выходящего из бара Саши. — у тебя проблемы?

— Саш, этот отморозок ударил Весту! — завопила Ди отводя меня так сказать на безопасное расстояние.

До драки, конечно же, не дошло, да и Дима не стал сопротивляться и просто ушел оставив после себя отвратительное послевкусие, как от дешевого кофе в каком-нибудь базарном киоске. Чувство словно тебе еще и плюнули в это кофе прежде чем подать на золотом блюде. В примерке уже обсуждали произошедший инцидент, и только невозмутимая Вика не подключалась в горячие сплетни продолжая заниматься своим делом. Вдруг все умолкли и в примерке появилась Лина. Все женщины вздрогнули, и словно перед старшиной в армии построились в один ряд, но я стала слушаться подобным правилам, как и Ди. Может быть, именно эта непокорность и роднила нас? Хозяйка бара медленно, словно надзиратель обходила шеренгу и изредка косилась на танцовщиц, как вдруг остановилась позади меня. Я заметила Лину в отражении широкого зеркала, но виду не подала. Она медленно развернула кресло со мной своей изящной ногой, и ухмыльнулась. В глазах той, что позволяет пользоваться ее женщинами, как пепельницами я видела самую настоящую презренную жалость к себе. В этом было что-то грязное, липкое и раздражающее.

— Девочки, среди нас засланный казачок. — улыбка исказила женское личико. — доблестный клиент рассказал о подставной танцовщице, что сует свой длинный нос в дела начальства и дебоширит за стенами нашего с вами дома. Девочка, ты видимо не понимаешь куда попала и что суровые нравы нашего заведения не позволяют таким вот неженкам подрывать авторитет и спокойствие бара. У тебя есть два часа, чтобы собрать свое шмотье и убраться отсюда. Я не стану выяснять кто прав, а кто виноват, но только зарубите себе на носу, что вы все здесь расходный материал, но мои клиенты бесценны в отличии от вас. Что я вам всем говорила, когда вы только устраивались ко мне?

— Что Вы даете нам право заработать себе на хлеб. — раздался неуверенный голос Зары. — и что Вы не несете за нас ответственность.

— Все правильно, Зарочка. Твои проблемы, Веста, ты должна решать сама, но только теперь подальше от «Ма Бэкер».

— Лина, но ты не права. — возмущенно ответила Ди не скрывая вызова в своем взгляде. — мой отец недоумок, что возомнил себя хозяином, а тебе проще пустить его в бар снова, чем послушать Весту.

— Не надо, Ди. — прошептала я. — не надо унижаться и доказывать животному, что ты права. — я вздохнула. — не последний бар, где во главе стоит не объективный человек. Я уйду, но только учти, что по своему желанию. — вздох.

— Прям, как Лулу. — раздался шепот девочек.

И уносит меня чувство собственного превосходства в далекие забвением забытые ранее дали гордости. Ощущение настоящего полета, где кроме меня только вечность и золотые цепи манипуляций обматывающие шею. Я не оправдала ожидания, я не справилась с заданием, но была горда собою, как никогда. Не поддавалась игре безумных сохранив собственное достоинство на фоне блеющих овец. Словно сбжавшая от предполагаемого охраняемого стада свободна собака. Словно выбывший из парной игры второй игрок. Нащупав в кармане куртки сложенные очки, я остановилась у одной из витрин и посмотрела в нее. Вот она ты...настоящая...без поддельных прикрас. Серая мышь. Что скрывается за этой серой внешностью банальной простушки? Наверное, глубокая душа, что умеет трепетно любить и страстно целовать. Протянув руку к отражению, я склонила голову на бок и остатки блесков словно пыль сошли с моих белокурых волос. Только я знала, что это еще не конец, а длинная дорога вперед. Наушники в уши и гордая, летящая походка.

«Non, je ne regrette rien» — пела Мирей Матье в мои наушниках, пока я уверенной походкой шла домой. Конечно, Виктория будет недовольна моим решением и самовольством, но только я не стану терпеть такие унижения. Если Лина решила, что моя честь ничего не стоит, то и чёрт с ней. Хотя шептание танцовщиц заставили меня насторожиться. Если они наслышаны про Лулу, то есть ли вероятность, что сестра Лины была изгнана за подобный инцидент? Да и ладно, меня это мало касается теперь. И представила я, как бегу по дороге среди прочих проституток в квартале красных фонарей, завлекая очередного клиента своей детской мордашкой и аппетитным телом, а другие женщины ненавидят меня за это.

Возле меня затормозила черная машина, и на секунду я почувствовала, как почва ушла у меня из под ног, но стоило опуститься стеклу, как за рулем я увидела следователя Добровольскую. Вынув наушники я все поняла без слов. Так сев на сидение возле водителя, мы тронулись плавно с места и не останавливаясь на пустой дороге, где по прежнему работал светофор ехали куда-то вперед. В салоне играла одна из надоедливых песен Мумий Тролля и Кира ничего не говорила на протяжении всего куплета до проигрыша. «И за что тебе нравится так эта планета?»—пропел голос вокалиста, а спустя секунду допела Кира — «Нарушай, сестричка, нарушай...».

— А быстро она тебя попросила. — улыбнувшись произнесла следователь не отрывая глаз от дороги. — Мегера, но танцовщицы ее любят.

— А откуда Вы знаете? — удивилась я. — Кира Сергеевна, а почему Вы не пытаетесь поставить меня к стенке и все такое? Я ведь не выполнила указаний и все такое...

— Хм, если ты про наш прошлый уговор, то забудь его. Виктория согласилась работать со следствием, и сейчас силы полиции и криминала объединены в поисках девчонки. Откуда? Откуда я знаю? Знаешь, птичка, я это предвидела еще в первую нашу встречу. Таланта в тебе до задницы, харизмы тоже, а вот сноровки, увы, нет вообще. — женщина дала по газам и машина рванула вперед еще быстрее. — ты проголодалась? Лично я, как собака. Ненавижу свои ночные вызовы по пустыкам. Сейчас перекусим и я тебе все расскажу.

Старое придорожное кафе «Luke Rose» было избитым по всем параметрам. Начиная от простого меню, где коронное блюдо вредные бургеры, а фритюрницу для картошки не мыли с момента открытия кафе. Потертые стены, чуть треснувшее широкое стекло, и потрепанная обивка жестких диванов, что скрипят при первом же касании заржавевших пружин. Встретила нас потасканная, обрюкшая официантка лет пятидесяти со страшными морщинами, зверским макияжем из привет восьмидесятые, и вызывающим декольте. Веяло с этого заведения тоской, и на секунду, меня пробрали мурашки нарастающего нервного расстройства от одной только антисанитарии. Я прекрасно представила, как эту официантку будет позже мацать дряхлый дальнбойщик, что не мылся уже сутки и теперь мечтает присунуть такой доступной бабенке за просто так. Мы заняли столик в самом углу заведения, чтобы на нас было как можно меньше глаз и первым делом, я влезла рукой на остатки разбрызганной по столу чьей-то горчицы, что уже попахивала тухлятиной. Нужно успокоиться, ибо если верить играющей песне все «Super Gut». Поэтому, я молча достала из сумочки влажную салфетку протирая столик прежде, чем мы сделаем заказ. Кира улыбнулась.

— Добрый вечер, девочки. — улыбнулась пожелтевшими зубами официантка протягивая нам меню. — приятно видеть таких красавиц в нашем скромном бунгало. Хотите кофе?

— Да, пожалуйста, будь добры, — Кира провела своим длинным пальцем по строчкам меню и ухмыльнулась. — мне черный кофе без сахара 0.4, картошку фри без соуса и пока все.

— Без соуса. — повторила официантка записывая в блокноте заказ. — а Вы, юная леди, уже решили, что будете кушать?

— Скажите, пожалуйста, а у Вас есть зеленый чай? — спросила смущенно я, словно мой вопрос мог обидеть эту женщину.

— Да, но пакетированный. Есть зеленый чай с мелиссой, с бергамотом и клубникой, а еще можно заварить простой зеленый с долькой свежего лимона. — официантка улыбнулась. — о, кажется пошел дождь. — она вздохнула.

— Какой у Вас большой выбор, — я удивленно встrepенулась. — тогда я буду зеленый чай с мелиссой, одну ложку сахара, и шоколадное печенье.

— Сколько печенек положить? — улыбка официантки становилась шире.

— Сколько? — я посмотрела в меню показывая ей стандартный десертный набор. — тут написано 6 печенье и чай.

— Да, но только в этом стандартном наборе черный чай. Ладно, для такой милашки можно сделать исключение. — официантка подмигнула мне. — девочки, десять минуточек и ваш заказ будет готов.

Подача блюд оказалась намного красивее, чем могло предложить такое грязное, затхлое место вроде такого бара. Ажурные, клетчатые салфетки под тарелки, чистая посуда и удивительно, но серебряная ложечка на маленьком блюде мне для чая. Пар от горячей, свежей картошки фри на тарелке Киры приятно пах специями, а не жиром коптильни, как думала я, а черный кофе пах богатыми кофейными зернами. Кажется, я сильно ошибалась в качестве этого заведения. Официантка пожелала нам приятного аппетита, и стоило ей

скрыться за своей широкой стойкой устремив взгляд в какой-то новомодный журнал с советами «похудеть за 60», и «закрутка от бабули», как следователь передала мне черную папку в руки. На развороте «Дело № 12912». Оно тонкое, и видно, что начали его совсем недавно. Всего пять листов, но тут я стала вчитываться в информацию заполняя пробелы того, что уже знаю и что предстояло только узнать. Первым делом представлена фотография из архива на фоне метрики.

Рыжеволосая, низкорослая девчонка лет двадцати позировала для полицейского фотографа со всей своей харизмой и сексуальностью. Это выдавали ее карие глаза, что блестели настоящим янтарем в моменты яркой вспышки фотоаппарата. Растрепанные непослушные локоны собраны двумя заколками с мордочками белых кошек по вискам. Массивные золотые серьги-кольца оттягивают еще упругие мочки, а яркий белый камешек блестит на свету красуясь в ее хрящике. Низкорослая. Если верить отметки на уровне ее головы, то росту в ней всего сто пятьдесят сантиметров. Изящно сложена. При достаточно плоском верхе у нее массивные, я бы даже сказала мускулистые бедра, и икры. Одета в рваную косуху и короткую, рваную джинсовую юбку, она прикрыла вверх коротким черным топом с выложенным словом «Cat» из дешевых стразов. Крепко держа своими длинными, красными ноготками табличку она не стеснялась улыбаться, и на одной из фотографий даже подмигивать фотографу.

«Маршал Евдокия Евгеньевна»-написано сбоку от фотографии, но читая далее я опешила. Позывной «Лулу». Родилась она 20 мая 1996 года, и это получается, что ей сейчас должно быть двадцать три года. Кира пояснила, что фотография была сделана три года назад. Как такого дела на нее не было заведено, и только пояснительная записка о плохом поведении была ее дорогой на свободу. Несколько ее фотографий с той самой злосчастной сцены в баре из которого меня выперли часом ранее. Она танцевала в «Ма Бэкер», и получается, что сплетни танцовщиц не были на пустом месте. Дело о Лулу было забыто до сегодняшней даты. Оставшиеся листы не менее интересными, ибо следующая страница это было заявление о пропажи человека написанное Викторией. Показание свидетелей, что видели ее в последний раз, а последний лист был еще более интересным. Фотография мужчины выпала из него, и поднимая с пола снимок, я несколько минут просто рассматривала лицо изображенного мужчины.

Скуластое, грубое лицо с самыми крепкими чертами, какие я только видела. Острый, ровный нос, легкий прищур, как у британского агента, что так любим женщинами, короткие русые волосы, и эти тонкие, длинные губы, которые хочешь поцеловать. С виду не примечательный, но какой-то животный магнетизм в нем определенно был. Про таких обычно говорят «с правильными чертами лица». Тяжелый подбородок, и эти возрастные морщины у уголков глаз. Я заметила у него татуировку на шее, что берет свое начало за чуть выпирающим ухом. Положив фотографию на место, я прочитала его небольшую биографию. «Руссо Феликс Денисович. Дата рождения 19 сентября 1975. Преподаватель в колледже бизнеса.»

— Простите, конечно, Кира Сергеевна, но как преподаватель может быть связан с Лулу? — спросила я отпив глоток остывшего чая. — не, ну если предположить, что это ее любовник или воздыхатель, что дарил букеты цветов, когда она танцевала, то...

— Скажи мне, дорогая, только честно, — Кира откусила небольшой кусочек наколотый на вилку картошки фри. — ты помимо школы еще что-нибудь закончила?

— Нет. Только одиннадцать классов школы, а что такое? — удивилась я.

— Я закончила школу МВД и закончила ее с отличием. Со мной на потоке так закончила только еще одна женщина. — следователь улыбнулась. — а Лулу училась на банкира и Феликс Денисович как раз был ее мастером. Удивительно, правда?

— Пойдите, а зачем она тогда танцевала в баре стриптиз? Ведь если этим баром верховодит ее сестра, то неужели она не могла оплатить учебу Лулу?

— По слухам, как раз у них был роман, но это после того, как Лулу бросила учебу и влетела в долги перед Викторией. — Кира отпила глоток кофе и вздохнула. — друг Феликса и был тем из-за кого она и брала в долг.

— Подожди, — я разломала шоколадное печенье пополам. — Вы ведь сказали, что у Феликса был роман с Лулу? Как тогда она могла брать долг из-за его друга?

— Ах, это я неправильно выразилась. — Кира улыбнулась. — Феликс просто любил ее, и делал все, чтобы Лулу была счастлива, а его друг пользовался девчонкой, как хотел. Ты ведь знаешь, что девочки редко выбирают хороших парней, вот и Лулу не исключение. Полюбила отморозка, а он ей вертел, как хотел. Проблема в том, что след Лулу обрывается у стен колледжа, где преподает наш дорогой Феликс.

— Так, Вы же не намекаете на то, что я должна буду поступить в колледж? — выронив печенье в чай, я зажмурилась от резких брызг.

— Нет, на такую аферу у нас просто нет времени. — Кира вздохнула. — я тебя отправлю в район, где тебя еще никто не видел и никто не знает. Придется тебе, конечно, сыграть роль женщины обмазанной вареньем, но эту осу приманить нужно. Соблазни, жени, возьми в плен, но информацию о Лулу добудь. Понятно?

— Но как же Лина? — грустно вздохнула я. — я уверена, что она причастна к исчезновению сестры. И еще, Кира Сергеевна, что если он не клюнет на меня?

— Лину оставь мне. Я сама подкапаю под нее. Что значит не клюнет? На кой черт тебе такая внешность, если ты в себе так не уверена? — следователь засмеялась. — благодари мамочку за свою смазливую мордашку, которой ты пробиваешь себе путь на Олимп. Моя мама наградила меня только крутым нравом и плоской задницей.

— Где я найду Феликса? — спросила вздохнув я. — мне нужно будет снова вертеть задницей, как заинтересованный павлин или что?

— Нам на руку, что завтра пятница. Вечером он, как всегда, направится в бильярдную «777» и будет до самого закрытия гонять шары. Ты можешь напроситься с ним на игру, и проиграть на деньги. — Кира заказала себе еще кофе.

— Я и так проиграю, ибо я играть не умею. Никогда в жизни не держала в руках кий, и правил не знаю. — опешила я устало мягко ударившись об собственное предплечье. — хотите заставить меня почувствовать настоящий позор. Ну проиграю я, а что дальше?

— Он, как мужчина, предложит тебе отработать долг и скорее всего, пригласит домой, чтобы ты либо поработала ротиком, либо еще чем-нибудь. — следователь посмотрела в окно. — я понимаю, что это не по твоей части и с моей стороны это подло. — вздох. — кидать тебя в гущу таких событий, но пойми меня правильно, найти такую подходящую кандидатуру я не смогу быстро.

— Так, — пробурчала я. — ладно. Это еще не самое страшное. Вот я оказалась у него дома, а дальше?

— А дальше... — Кира ухмыльнулась. — у тебя будет минут десять, чтобы обшарить каждый подозрительный угол, и проверить телефон. Если найдешь что-то связанное с Лулу, то это будет наша новая зацепка. Такие мужчины, как он щепетильный к гигиене, и скорее

всего он задержится в душе, а это еще минут пять тебе в помощь. В идеале бы нам было хорошо, если он предложит тебе остаться на ночь. Соглашайся, и когда он уснет, то тогда действуй по полной. В случае, если он будет тебе угрожать, или попытается сделать что-то против твоей воли, то можешь обороняться, но в меру. Я прикрою.

— Это все понятно, а как в идеале я должна выглядеть? Строго или как обычно? Какой стиль я должна буду завтра продемонстрировать? — спросила я пытаюсь запомнить все подробности.

— Это я доверяю тебе. — Кира подняла высокий стакан с кофе, и чокнулась с полупустым моим. — шансы не велики, но тем более сладкой будет добыча.

Шансы не велики, но хочу ли я этого? Что разделяет мое желание от самой настоящей мании быть втянутой в приключения? Заблудилась в свете ярких огней с каждым разом теряя себя все сильнее в блеске этих вывесок, притонов, фривольных заведений погружаясь в них с головой каждый раз, когда желаю потеряться среди таких же теней, как и я. Мне бы потеряться в серости масс, слиться с толпой, и стать самым ярким свечением для того, кого все считают плохим. Дима...я хотела бы гореть для тебя, и сгорать до пепла, что развеется при дуновении сильного ветра...сгорать в руках животного желания, до безумия упиваясь властью его грубых рук, что сжимают бедра сминая все простыни, и понимать, что, пробивая свет сквозь темноту его души ты забираешь у него все...чувствовать прикосновение губ по шее, что так нежно спускаются к лопаткам заставляя тело млеть от сковавшего наслаждения. И тогда ведь даже смерть не страшна, когда встречаешь ее в глазах желаемого всем телом мужчины, что сжимает руки на твоей хрупкой, лебяжьей шейке.

Просыпаясь в холодном поту, я чувствовала, какой одинокой может оказаться постель. Что стоит мне позвать его? Позвать скулящим голосом, что изнемогая от вожделения желает чувствовать грубость самых нецензурных слов, что меркнут на фоне настоящей утопии, когда извиваешься в руках того, чье сердце черствеет с каждым днем сильнее?

*Ди

Говорят, что декаденс это томная дама в меховой горжетке и с папиросой в длинном мундштуке, морфинисты, и тексты популярной в 90-е группы «Агата Кристи», но для меня это настоящий, переломный момент личности, когда тебе шестнадцать, и ты толком не можешь понять, что хочешь почувствовать и испытать — кайф от вкусного секса, или же чувство настоящей любви, когда тебя сжимает в объятьях тот, кто готов целовать каждый палец на твоей изящной ноге.

И собираясь на ночное randevu к мужчине, что мог бы заменить мне при желании отца, я без зазрения совести хочу окунуться в эту бездну страсти, в это жерло вулкана, где страсть и порок давно затмили собой любое светлое чувство невинности и приличия. Когда ты называешь его «папа», то стараешься воспитать в себе ту маленькую девочку, что воспекает идеал настоящего мужчины в лице этого «папы», но, когда ты облизываешь сладко свои нижние губы, и так маняще прикусываешь их срывая на скулящий шепот «папочка», тогда ты осознаешь, что такое настоящее безумство эмоций. Скрываясь под масками взаимного презрения, мы научились любить друг друга сквозь закусанные губы, сквозь терпкую ненависть, что при личной встрече сносит крышу.

Мама назвала меня Дианой, и по-настоящему я ощутила силу своего имени, когда научилась ревновать и бороться за независимость пуская в ход не только кошачьи клыки, но и острые когти. Зачастую, поступки мои нелогичные (как всегда считала мама), и вообще я склонна к эксцентричным решениям, но она никогда не думала, что я могу оказаться завоевательницей трофеев...ее трофеев. Я хорошо помню ее глаза, когда она застала меня в постели ее мужчины, что млел от ласк молоденькой девчонки. Может быть, я должна была бы хотя бы извиниться, но с другой стороны...я хотела заполучить его так давно, что отказываться от мечты, когда она была на уровне вытянутой руки просто не могла. Нас тогда разделял один поцелуй, что закончился настоящим возгоранием, казалось бы, мокрой спички. Пламя, пожар, что она сотворила — не угасаем.

В детстве я всегда была доброй, можно сказать, что в ущерб себе, но всегда любила соревнования с людьми, что были старше и выше меня. Только вот я с самого детства научилась побеждать. Мама считала меня простушкой из-за отсутствия девчачий сентиментальности и глупой влюбчивости в каждого встречного поперечного. Высокомерная не по годам, и, сука, расчётливая до каждого шага. Мама никогда этого не понимала, но это же лучше для нее. Разочарованная, обиженная, униженная она бросила семью, и порвала с нами все контакты. Но я никогда не жалела о содеянном.

Дима отправляет мне сообщение с местом встречи, и я приезжаю в эти придорожные мотели забываясь в его сладких поцелуях. От дешевой выпивки до никому не нужной дешевой контрацепции нас разделяют несколько минут, но от этого чувствуешь себя еще более порочным, но почему-то значимым. Минуты катастрофически долго тянутся, когда едешь в пойманном такси, где грязный водила, не стесняясь рассматривает тебя через зеркало заднего вида, и ты слышишь ухмылки, цоканье языком и пристальный взгляд под юбкой, куда его шаловливые ладони проникли еще в самую первую минуту, когда ты только открыла дверь машины. Ключ под ковриком, и несколько секунд предвкушаешь долгожданную встречу. Десять минут назад меня несло сюда «усталое такси», и вот фары

потускнев, умчались в дом, где таксиста кто-то ждет дома, а это значит, что теперь никто будет прижимать лицо к стеклу, и грустить под свет фонаря, громыхания старого авто. Встреча... Она ведь такая желанная... тобой. Резкое проникновение ключа в замочную скважину, три поворота и дуновение резкого сквозняка обдаёт розовые щеки.

Нужно признать, но каждый померк в черной петле разочарований, и это лишь маленький нюанс от которого по сути никуда нельзя деться, даже если очень захотеть. Со временем понимаешь, что весь этот пущенный дым в глаза уже не заставляет плакать, а вот люди-сволочи давят на мозги, нервы, но главное не затрагивают сердце, ведь нельзя тронуть то, чего нет. Впрочем, я давно уже поняла, что единственная твоя опора эта позвоночник, но тот прилив нежности, что копится в тебе многими часами тоже требует выхода и тогда ты выкуриваешь тонкую, вишневую сигаретку не забыв подписать ее «папочка».

Ночной шарм, мысли, которые стараешься заглушить стаканчиком терпкого вина, парочкой сигареток, или же громким стоном оргазма, и этот старый мотель «Ночное randevu», где и начинается вся моя жизнь. Не, серьезно, начиная от зачатия и кончая потерей невинности, что плавно перетекает в ночь безумного, грубого секса от которого ты просто без ума, но после диких стонов ты возвращаешься в минуты декаданса, выкуриваешь паршивую сигарету из рук «папочки» и снова вспоминаешь тягостные мысли, что пожирала тебя изнутри. Если поднять голову вверх, то вполне реально увидеть звезды несбывшихся желаний, какие были у моей матери. Мило.

Я прошла внутрь номера, и заметила его стоящего у открытого окна курящего сигарету. Каждая его затяжка похожа на секундный оргазм от чего кровь стынет в моих жилах чувствуя настоящую эйфорию. Толкнув дверь, я аккуратно захопываю ее, и бесшумно, словно мышка крадусь к нему. Мои нежные прикосновения по спине, и он вздрагивает, но услышав нотки моего карамельного парфюма — расслабляется. В его руке стакан наполненный до половины вишневым вином, и стоило ему поднести напиток к губам, как я тут же, изящно вынула из его руки хрусталь. Он посмотрел время на своих наручных часах и выдохнул горький дым словно грозный дракон. Из старого радио хрипло разнеслась не менее старая песня группы Аракс «Летящей походкой».

— Ты опоздала на шесть минут. Что-то случилось? — он сделал очередную затяжку. — не похоже на тебя.

— Ожидала увидеть здесь твою новую подружку, но-отпив глоток вина я ухмыльнулась. — видимо, она не терпит грубости.

— Ревнуешь. — он повернулся ко мне в пол-оборота, и я медленно подошла ближе. — глупая, — запустив ладонь в мои волосы, он облизнулся. — неужели ты думаешь, что я готов променять столько лет проведенных с тобой на какую-то смазливую мордашку? — поцелуй в лоб и я таю.

Дима разворачивается клубничный леденец и кладет мне на язычок. Обвивая его своим змеиным жалом он нежно целует мои губы, играя влажным языком с моим. От настойчивых прикосновений я отказываюсь, и даже отпираюсь, и только, когда получаю резкий шлепок по ягодицам... успокаиваюсь. Заполненная темнотой комнаты размывается уличными звуками. В этой темноте забываются все принципы, разрушаются все рамки, забываются все правила, что шепчет мамочка на ночь. Манящий шепот заставляет меня спускаться к его ровным ногам. На ощупь. Видеть его ладонями. Нарисую влажным языком знак бесконечности на его паху, что будет долгое время напоминать ожог раскаленной стали. Он дышит глубоко, предательски спокойно, как может дышать только моральный садист,

наполняя своим господством мое нутро. И я прикасаюсь губами к кончикам его пальцев, чувствуя, как он одергивает руку, чтобы сжать в ней мои волосы. Мой низ живота наполняется возбуждающей неизвестностью. Иголки страсти пронзают соски, впиваются до визга в промежность. Я обещала хранить обеды безмолвия, я обещала хранить нашу тайну извиваясь беспомощно в его сильных руках.

Мы боимся с тобой взгляда друг друга, ведь обжигают сердца совсем разные стихии. Ты мой Бог, мой Господин, мой хозяин, а я способная на выполнения раскрепощённых приказов строптивая девчонка, но яркий огненный лед нашей игры такой сладкий оксюморон. Насмешка жизни. Я так люблю обрывки догадок, недосказанность, твой холодный настрой, запрет сладок до опьянений, как хмельное вино, как разливающийся по лоно горячий каприз твоих приказов. Украдкой свидания, как колючие розы.

Неизвестно волнует разум, мысли душат в горячих снах, но ты мог бы напасть на меня сразу, разорвать хрупкое тело. Мог бы свести с ума, не касаясь моих запястий, волос, заставляя одним взглядом почувствовать настоящее избиение страсти, вызывая жар и самый страшный мороз. Я касаюсь ладонями ремня, и пальцы судорожно расстёгивают ширинку. На мгновение мое нутро завязывает жадно, туго вожделение, и я прикасаюсь губами в отвердевшему жезлу власти. Он сжимает своею рукой тонкий хрусталь запивая экстаз терпким вином между стоном называя меня «Сукой». Отнимая ритм моего дыхания, он туго сжимает ладонь на собранных в хвост волосах, и двигая бедрами позволяет изредка дышать, воскресая сквозь страх моей самой главной агонии «стоп», позволяя сгорать в этом бреде.

— Дыши, моя девочка, только медленно. — шепчет его хриплый голос.

Сладость намокших, соленых ресниц, как взаимный, даруемый друг другу постельный подарок. Мой пульс перелился за край, и я тону в этой горькой страсти. Он выкуривает меня заполняя легкие этим дымом безумства, читая мое тело словно оно написания пером святых. Пусть горят под обрывом волны, и наша кровь бушует по венам... пусть. Только безмолвно мы обо осознаем, что наша любовь похожа на колючие шипы самых непокорных роз. Все слова потерялись в прошлом, и сейчас есть лишь горячих дыханий нервный стон. И я прошу брать меня без спроса сильными, волевыми руками. Поцелуй полон вкуса горького от перца до нежной, пьяной мяты.

Наши встречи бывают редко, и только ночь расставляет по телам метки. Он позволяет мне познать силу его власти как можно глубже во мне оставляя лунные дорожки по телу. Горячие краски страсти оставляют на коже своим узоры, заставляя дышать громко, глубоко ощущая ломку без него. Взгляд хитрого укротителя, что перевоспитал меня в послушную стерву. Я плачу в сладкой истоме смешивая телесное наслаждение с душевной болью.

Скованные все мои движения, чувствуя скольжение волевых рук. Душа в подчинении тела, и неважно куда мы попадем с тобой после: ад или рай, когда я так влажно целую твои пальцы. Шепчу имя твое словно молитву, сбрасывая все цепи сознания. Ночь догорает дотла. И купаясь в этих запретных грехах я так хочу до конца умереть в твоих раскаленных руках, что заставляют меня испытывать жажду. В твоём взгляде огонь и тугой запрет. В дыхании страх, контроль. Только ты знаешь, что «да» это «нет», но тебе наплевать ведь мои слезы — это соль по твоим еще живым ранам. От боли, от твоих грубых зажимов мой стон напоминает песню. Фиалковый оттенок твоей ненормальной любви, и только поцелуем приближаешь медовый рассвет. Заполняя своей горячей ртутью мое тело, ты даже не представляешь, как это чертовски мало...

*Ди

После сладкой ночи мы договорились, что я уйду первая, чтобы не привлекать внимание скучающих зевак, а уже вечером встретимся в одном интересном баре, куда не ступит просто так нога человека...простого человека. Скандальный и достаточно известный в криминальных кругах бар «Омега» был настоящим пристанищем проституток, где их понимали и иногда во что-то ставили. Как одна из выходцев этого занятия, могу сказать, что быть девицей легкого поведения — больно. Мозгами понимаешь, что ты выбрала это сама, но, когда идет свирепый дождь, что ударяет своими тяжелыми каплями по коже, то ты не стесняешься рыдать ведь дождь все смое, но когда возвращаешься в «Омега» промокая до нитки, то тебя встречает твой сутенер, и небрежно сжимая тонкие скулы смеется тебе прямо в глаза. Становишься частью миража, ходишь по лезвию ножа не замедляя шага, и от этого теряешь любые границы затерявшись в коридоре неоновых вывесок и освещенных развратом комнат. Взятая под конвой выделенного сутенером секьюрити проходишь в одну из грязных спален ветхого бара и понимаешь, что по сути твоя жизнь течет вниз по течению и твоя мера пресечения только жизнь равная нулю. Твой приговор уже объявлен, но только ты не можешь смириться. Я не смогла.

Да, «Омега» — пристанище для девиц легкого поведения, галантных и не очень сутенеров и не очень-то разборчивых клиентов. Картина складывается таким раскладом, что ты стоишь на коленях в маске белого кролика и вдруг входит твой клиент в белой, растянутой майке забрызганной кетчупом и в маске отвратительной свиньи. Вот и все. Сцена идеального изнасилования готова. После хорошо отработанной смены твой (как он себя называет) «папочка» одарит тебя довольной ухмылкой и какой-нибудь побрякушкой, какую ты выберешь сама, когда он поведет тебя на шоппинг только чтобы он отстал. Конечно, была у «Омеги» и другая сторона...более криминальная. Клиенты — уставшие преступники, чьи руки по локоть в крови, но ты так их понимаешь, что готова без платы слизывать капли этой крови с локтей только бы войти в число милостей, коими они разбрасываются без разбора, когда вникли в твою благодетель и расположение. Словно ты собираешься раздвинуть двумя пальцами не промежность, а целый мир непознанных ими запретных радостей. В такие моменты начинаешь обожать себя и дело ради которого положила голову на плаху, и сама выбрала палача.

За последнее время, страсти так часто крутятся вокруг Лулу, что я решила навеститься к ней лично и рассказать, что и как обстоит. Нынче ситуация складывается таким образом, что ее старшая сестра не имеет права проникнуть в «Омега», ибо стоит ей только сунуться, как с нее спустить три шкуры будет радостью для многих. Никто не знал, что малышка Лулу скрывается за стенами бара, и сейчас ее защищают, как собственную дочь многие криминальные авторитеты. В силу своей миловидной внешности, и покорного, хотя временами строптивого нрава, она достигла многие вершины и расположение многих людей. Насколько я знаю, сейчас она замужем за одним из таких клиентов, что готов облизывать ее потроха. Девчонка танцует в этом грязном баре уже год, и не высовывается за его стены потому что сестрица позаботилась, чтобы на каждом углу Лулу поджидала опасность. Она не шадит никого, а тем более за любимую их папенькой девочку, что может отобрать у старшей все, готова разорвать сестричку на кусочки.

Для меня было настоящим удивлением, когда войдя в бар, я увидела на сцене не только Лулу, но и ее напарницу в лице Весты. Наверное, именно из-за своей схожести девушки так отлично смотрелись на сцене. И глядя на эти пляски, я задумалась. Что может быть прекрасней, чем аппетитные пташки в ажурных белых чулочках и костюмах белых кроликов, что двигаются в такт соблазнительным песенкам скрывая прелести за тряпками? Зеваки готовы быть голодным волком, что хочет прижать к стене такого зайчишку и сорвать с него мех оставив нагую во власти когтистых лап хищника. Но только все было не так просто, и за натурой робких крольчат скрывались очень властные женщины. Была одна такая старая игра на денди-приставке, где в одном из уровней были длинноволосые блондинки в обтягивающих джинсах и с плетками? Так вот, никогда нельзя покупаться на невинную и смазливую мордашку, ведь невозможно предсказать в какой момент малышка вынет из-за спины кнут. Без вариантов. Кролики страдают каннибализмом. Как это будет славно: белая, мохнатая мордашка, испачканная каплями крови и этот невинный взгляд, дёргающийся носик, но только у тебя есть время досчитать до ста, чтобы убраться прочь, пока невинный кролик не оседлал и не вцепился зубами в твою шею. Я уверена, что взаимное уважение Весты и Лулу никак не продиктовано их возрастом.

Пожара в широком лесу не хватит, чтобы описать всплеск восторга в мужских сердцах при виде этих двух красоток. Однако, одну интересную деталь я заметила сразу. Те, кто постарше и капризнее (об этом знаю не понаслышке) западали на Лулу. Рыжеволосая, огненная красotka задавала им огонька, подогревала мужской интерес и активнее виляла своими бедрами, когда чувствовала наиболее хищные взгляды. Самые смелые просто складывали деньги пополам и оставляли на раскрытой ладони. Танцовщица резво спускалась со сцены и просто собирала купюры засовывая за лямки своих лохматых трусиков. Мужчины успевали одарить девчонку нежных поцелуем в тыльную сторону руки и улыбнуться, а после Лу снова возвращалась на сцену, где одаривала своих воздыхателей миллионами воздушных поцелуев. Что может быть приятнее, чем интересе сильных мужчин? Лулу знает ответ, впрочем, как и любая девушка. Только женское обольщение. Молодые мужчины до тридцати пяти не сводили взглядов с Весты и ее скромных глаз, которые она так стыдливо и наивно прятала от публики. Виляя бедрами, и играя своими гладкими плечиками она заставляла небольшую грудь маняще колыхаться. Под музыку волнительного джаза, был слышен цокот высоких каблучков.

Яркий свет озарил танцующих кроликов, и обитатели бара замерли. Лу вышла первой. Ее пышное, соблазнительное тело сводило с ума брутальных мужчин. При каждом фривольном движении она излучала грацию, невероятный всплеск либидо и видно, что процесс раскованного танца не способен оставить ее равнодушной к этому виду искусства. Веста же аппетитная, но слишком незрела по своей натуре для постояльцев пташка. Если для сравнения, то она скромна, как Рокси из мюзикла «Чикаго», и быть может, именно это выдает в ней истинного, робкого кролика. Девушки кокетливо улыбались, как вдруг двери «Омега» громко отворились. В зал гордой походкой вошла Виктория в сопровождении своей свиты. Лулу сразу узнала Татьяну и тем сильнее зашевелились волосы на ее рыжей головке. Я знала только одно: если Виктория породнилась с Таней, то страховка группировки теперь просто бешенная. Не каждый авторитет может позволить себе дружбу с такой личностью, как Таня.

;

Танец подходил к концу, и соблазнительные кролики принимали свисты восхищения, и

цветы от преданных поклонников. Самый отважный постоялец бара вручил роскошный букет бордовых роз Весте и девушка, повернувшись задницей к нему игриво повиляла своим пушистым хвостиком. Мужчина отвесил смачный шлепок по упругим ягодицам, и девушка сжалась от такой резкости выронив цветы из рук. Лепестки разочарованно осыпали на сцену, и их даритель ожидал получить не менее смачную пощечину, но девчонка повернулась, и склонившись над мужским лицом нежно потрепала его за колючую щеку прошептав «Не шали». Увидев среди зевак меня, Лулу кивнула в сторону гримерки, и я быстро забежала внутрь, а за мной резво последовала и Веста. Облокотившись ягодицами о деревянную преграду, она тоскливо сползла вниз. Лулу протянула ей салфетку и Веста медленно стерла ярко-красную помаду с пышных губ.

— Не привычный цвет? — спросила улыбнувшись я. — говорят, что это цвет доступности, зайка.

— Вот именно. — Веста вздохнула. — не хочу быть похожей на местных проституток. Оставь эту помаду шлюхам. Они съедают ее за день не считая количества.

— Лу, ты видела Вику? Кажется, она породнилась с Таней. — покрутившись вокруг зеркала я посмотрела на Лулу. — это очень плохо для тебя, верно?

— Я надеюсь, что это не ты привела ее. — Лулу резко ударила ладонью по столу. — Ди, у меня сейчас нет таких денег. Я танцую в этом бл*дском баре за несколько сотен в день и ничего больше. Суммы долга сейчас просто нет. — вздох.

— Спроси у мужа? Если верить слухам, то ты успела выйти замуж. — я выкрутила темно-розовую помаду, и откинув волосы назад провела ярким цветом по мягким губам. — спроси у него.

— Замуж? Ди, это слухи. Я прячусь от Лины вот уже восемь месяцев. Ди, если Вика скорешилась с Таней, то я пропала. — Лулу плюхнулась на мягкий стул и застонала. — мамочка, я пропала.

— Да? — Веста сняла с головы заячьи ушки. — почему?

— Таня лучшая в своем деле. Она верховодит бандой «красная лилия».-я игриво улыбнулась.-Mademoiselle pas de chance можно сказать.

— Это тоже проститутки? — Веста склонила голову на бок словно любопытный щенок.

— Это наемные убийцы, милая. Каждый бандюга знает им цену. — Лулу посмотрела на свое отражение.

— Что-то мне подсказывает, что она здесь по твою душу, красотка. — я обвила ладонями спинку стула.

В дверь раздался стук. Веста со всей силы облокотилась на дверь, не позволяя ее открыть. Словно испуганный грызун она заметалась в своей клетке, и страх заставлял робкое сердечко быстро стучать, нарушая комнатную тишину. Я достала сигарету и закурила, кивнув на дверь. Веста аккуратно приоткрыла преграду, и в щели проема показался изящный силуэт Вики. Револьвер в руках Тани не предвещал ничего хорошего для Лулу, но почему-то, на секунду я представила, как не дернусь даже если сейчас она ворвется сюда и пустит пулю в лоб кроликам. Я останусь все в той же позе и буду докуривать сигарету чувствуя, как под ногами растекаются лужи девичьей крови. Легкая атараксия конечностей заставила пальчики приятно покалывать. Мысленно я представляла, как католический женский хор будет петь «Ave Maria» не нарушая мои бранные секунды табачного опьянения. В конце концов, никому не удастся отмыться от грязных историй. Увы, я просто не умею молиться.

— Так, открывайте, кролики. — произнесла с ноткой иронии Таня.

— А...а если мы не хотим? — Веста высунулась, но приставленное дуло к ее лбу сразу переубедило игривую девчонку. — да...да ладно, я же шучу.

— Твои низкосортные шуточки так скучны, зайка. — Таня резко толкнула дверь ногой.

Виктория никогда не была одна. Ее свита — лучшие наемные убийцы нашего города. Татьяна, Камилла дочка обаятельного водителя, да болтушка Ди то есть я. Такая свита, по сути конечно же, может заменить любую преступную группировку. Осторожность Виктории никогда ее не подводила, и возможно, благодаря этому она все еще жива. Удивление постигло и меня, когда в комнату следом своей важной походкой вошла следователь Добровольская.

— Как нам к Вам обращаться? — ухмыльнулась я выдыхая в сторону дым. — госпожа полицейская?

— Я рада, малышка, что у тебя веселое настроение. — следователь резко выбила из под меня стул.

— Лулу, не хочешь поздороваться? — Виктория облокотилась о край стола. — мне казалось, что старых друзей приветствуют иначе.

— Я догадалась, что с такой бандой просто так не приходят. — Лулу чиркнула зажигалкой закурив тонкую сигаретку. — если ты на счет долга, то я все верну, но позже.

— Плевать на долг, Лу. — Вика развернула кресло с танцовщицей к себе. — ты забыла, что я всегда относилась к тебе, как к сестре.

— Но как ты смогла ее найти? — удивилась Веста. — я ведь ничего не смогла найти про Лу.

— Это да, но мы объединили силы, — Кира вздохнула. — хорошенько подумали и кинули жребий.

— Мы думали, что Феликс как-то причастен к твоему исчезновению. — Вика провела нежной ладонью по рыжим локонам Лу. — но пораскинув мозгами поняли, что тьюфак вроде Феликса ничего не смог бы сделать.

— Не называй его так. Он помог мне уйти от преследования. — Лу провела своей кистью по волосам вверх.

— Возникла непредвиденная ситуация, и странно, что ты... — Кира подмигнула Лу. — ничего не слышала об этом. Твоя ненаглядная сестрица вступит в права владения «Омега» через трое суток, как только закончит с бумажкам. Она выкупила бар у сосунка, что был здесь прежде. Ты не в завидном положении. Сейчас я заинтересована только в одном, — следователь аккуратно сел на край высокого стула перекинув ногу на ногу. — кто убил отца двойняшек.

— Рома мертв? — опешила Лу. — но...Боже, как же его дети?

— Это вопрос второй. Их похитили, и возможно, что за этим стоит твоя сестрица. — Кира покосилась в мою сторону. — Ди, ты в хороших отношениях с Линой, верно?

— Если это можно считать хорошими отношениями, то да. — выдыхая в сторону дым ответила я. — здесь каждая криминальная крыса знает меня в лицо, а значит, любой сможет убрать меня, когда я суну свой нос в чужие дела. — вздох.

— В этом вся проблема, и мне даже обидно. Ты была идеальным кандидатом. — улыбка на лице сыщика становилась шире. — именно поэтому, это задание мы поручаем Весте.

— Задание? — опешила девчонка. — какое??? Учтите, два задания я уже провалила.

— Лина сейчас ищет себе гувернантку. — Кира Сергеевна улыбнулась. — я не намекаю, а просто рассказываю.

— И-и-и? — Веста нахмурилась почесывая подбородок. — я должна наняться гувернанткой к Лине? А если она опять поймет, что я засланная?

— Ты станешь ушами в доме Лины, а ты... — Кира склонилась над моим затылком вдыхая запах сладких волос. — станешь ушами в ее постели.

— В постели... — повторила ухмыляясь я.

Безобидный кролик не стучится дважды.

*Ди

Ты запретная...ты как яблоко Эдема для всех под запретом, но очень вкусная, пропитанная фруктовым нектаром до самых своих оснований, где смыкается безупречность между широко раскинутых женских ног. Тебя хочется съесть, ведь ты наполненная ароматом жаркого лета сеешь соблазн испить тебя до последней капли, то утолить жажду. Жажду, что скатывается липким потом по виску пробуждая самые низменные, животные желания, где утолить жажду воды — последние в списке твоей одержимости. Многие жаждут, чтобы сок твой упал на губы, но ты еще не созрела и твоей спелости нужно подождать. Обожжёшь руку...одернешь ее.

Мы сидели на набережной и считали звезды, как будто бы мы не друзья, а любовницы, или же не дай Бог, но близкие сестры. Стемнело быстро, как быстро...как могло стемнеть теплым сентябрьским вечером, когда еще не и не холодно, но прохладно и твои колготки в сетку уже не спасают от резких дуновений предательского ветра, и мурашки бегут по коже заставляя морщиться от этих мини-судорог всего тела. Где-то вдалеке играла ретро-радио со своими диско-песенками, а в свете редких фонарей можно было разглядеть силуэты влюбленных парочек, что под натиском романтического чувства нежно обнимались, не боясь прохлады неожиданных приливов воды. Веста протянула мне высокий стакан разукрашенного фломастерами кофе и улыбнувшись, села на высокое, бетонное ограждение не боясь застудить почки.

— Спасибо, но я не люблю кофе. — улыбнувшись, я открыла крышку стакана вдыхая нотки сладкого капучино.

— Не любишь кофе? Удивительно. — отпив небольшой глоток Веста зажмурилась. Кролик обжегся. — мне казалось, что нет таких людей, которые побрезговали хорошим кофе.

— Приятно познакомиться, — сделав еще один глоток напитка я вздохнула.

Я предпочла бы издали созерцать эту мини-Богиню, что не понимает, как ею легко наслаждаться. Хоть даже мысленно, но наслаждаться. Волосы цвета пшеницы так нежно развиваются на редком ветру, что, обнажая ее щеки делают девчонку такой невинной. Тебя хотят многие, и отрицать бессмысленно, но только в своем Эдеме ты не спешишь обнажаться. В твоём саду так много кислых яблок, что сочным плодом ты мнишь лишь себя. Не понимая сладости греха, бродишь босиком по запретным тропам заманивая заблудившиеся души, что молчат, чтобы промолвить потом в твои сладкие уста самую сладкую ложь, но только даже среди отчаянных лжецов ты выберешь лишь избранного.

— Ты любишь кино? — спросила Веста не сводя своего наивного взгляда с милой обнимающийся парочки.

— Только порно. — смешок. — там все заранее ясно и никто не удивляется, что после съемок не произошло женитьбы. А ты фанатка кино? — улыбнулась я отпивая очередной глоток ненавистного напитка.

— Угу. Знаешь, люблю эти старые боевики. — Веста смущенно улыбнулась. — думаешь, что это смешно? Ну, знаешь, там, где главные герои качки с оружием, что спасают сексуальную красотку и раскидывают пачками врагов. Мне нравится фильм «Разборки в маленьком Токио». — она тяжело вздохнула. — вот обидно, что кино такое яркое, и только ты

найдешь идеальный образ, как вдруг фильм уже кончается, и ты вытирая капли пота со лба понимаешь, что тебе пятнадцать и твоя жизнь никогда не будет такой яркой, как у героев.

— Ну, фильм я смотрела и если ты про ту блондинку, что лишилась башки, то как-то так себе перспектива. — я поставила стакан с кофе на плиту и достала сигаретку. — если выбирать роль, то что-то типа Сары Конор, или Лары Крофт, а это все... — чиркнув зажигалкой я затянулась. — мусор. Пять минут и зритель запоминает только твою голую грудь и аппетитные губки с пустой головой.

— Да что ты говоришь? — возмущенно произнесла Веста. — это идеальная концессия.

— Ты хотела сказать концепция. — улыбка невольно растянулась на губах. — вот из-за таких вот пустышек и происходят расколы. Помнишь, почему ей отрубили голову? Она сдала якудзу какому-то парню, не подумав о последствиях. Девчонка, лишённая инстинкта самосохранения — отличная приманка для рыбехе чуть крупнее чем она сама.

И позволив вкусить избранному свой запретный плод, ты растянешь удовольствие до физического истощения любовника. Тобою дышать будут дни напролет, отдаваясь пороки за час в миллионный раз ты разрушишь собственные границы, запреты и пойдешь на самые настоящие безумства. Распознать секрет твоего тела — невозможная задача игры для двоих. Ты не сможешь рассказать о тайнах, чтобы снова замолчать...ведь совершенно беспомощна в своих садах безумного Эдема.

— Ди, а ты знаешь, — Веста залпом допила кофе и поджав колени к груди, робко обняла их своею рукой. — может быть, я не так поняла твоего отца и на самом деле он просто волновался за меня? Может быть, мне стоит извиниться и попробовать все сначала?

— Ты так ничего не поняла? — выдыхая в сторону дым, я стряхнула пепел своей сигареты в ее пустой стакан. — ему на тебя наплевать.

— Откуда же ты можешь это знать? — тонкие брови нахмурились. — с такими отношениями, как у вас, прости, но нельзя быть уверенным в мыслях другого. Это глупости.

— Глупости это твои домыслы, а я знаю его, как никто другой не сможет узнать. — выдох. — прости, но ты видела наш театр, где мы играем ненавистных родственников, и только ночью я скулю от одиночества, если мы не смогли встретиться. — бросив окурок в стакан я носом выдохнула шквал едкого дыма откинув голову. — нет в наших действиях ни грамма преступления.

— Постой, ты хочешь сказать, что...

— Что называю его «папочкой» исключительно в постели. — проурчала я. — Веста, не тупи. Он мне не отец, а отчим, и к тому же, отбить его у моей недостойной мамы была легкая задачка.

— Что? — Веста резко подняла поникшую голову рассматривая меня своими округлившимися от ужаса глазами. — Ди, это подло... — ее тонкий голосок походил на шепот. — как ты могла?

— Не читай мне нотаций, когда сама не без греха. — достав жевательную резинку, я закинула две подушечки в рот и ядрёный мятный вкус горчинкой заставил гореть язык.

— Ты так гордишься тем, что предала маму? — Веста печально и в чем-то даже разочаровано покачала головой. — как так можно? Страшно представить, что на такое бы решилась я. Ди, ты ведь даже отчество его носишь. Как ты вообще до такого додумалась?

— Додумалась? Спасибо, что не докатилась. — улыбка на моем лице становилась хищнее. — в конце концов, я специально его не соблазняла, а тела друг друга мы пробуждали так тихо и не спеша, что по началу хватало мимолетного поцелуя родителя

своего дитя в лоб, чтобы почувствовать прилив наступающей эйфории. — я достала еще одну сигарету и закурила. — вначале скромно, а потом так нагло, так смело. Знаешь, когда мать застала нас в... — зажав сигарету губами, я показала пальцами кавычки. — супружеском ложе, то глядя в ее ненавидящие меня глаза понимала, как все таки сладко превращать грех в неподдельное божество.

— Я понимаю, что смысла спрашивать нет, но все же, Ди, как ты могла? Он ведь тебя воспитал? — Веста продолжала строить из себя активиста справедливости, что призывает к раскаянию.

И я поведала наивной девчонке, как взглядом целовала красивый профиль отчими. Катастрофа. Ее приближение я почувствовала так рано, что сейчас ненавижу себя за ту чувственность, которой наградила меня природа. Вспомнила, как это...едва касаться собственных приоткрытых губ и как зажмуриваться, кусая в кровь губы от ревности понимая, что у матери есть доступ к тому по ком ночами сходишь с ума. Вспомнила, как впервые дотронулась до слегка небритых скул, и он замер, глядя в мои бездонные глаза, где терял собственное «я» забывая кто он. По капле...медленно, но так легко пили друг друга, заставляя эликсир нарастающей любви становится золотым приобретая абсолютно иные краски...совершенные. Я стерла грани, что запрещали ему владеть всем моим телом. Задержав однажды крепкие ладони, что жадно сжимали мою шею в порыве настоящего желания лишиться меня жизни. Меня убивал шепот его невнятных фраз, но только среди обрывков я услышала свое имя. Он срывался на крик, на слова ненависти, все кричал, что я разрушил его жизнь, но только в этом потоке ненавистных словечек, я слышала все его чувства. От сладкой боли, не дыша, срывалась на слезы, и он, как девчонку, тогда меня пожалел.... «Тише»-шептал растерянно Дима не понимая, что мне не больно слышать его слова, но колкие кинжалы пронизывали мое сердце тоской и детской обидой, что он не воспринимает меня всерьез.

— Вот такие фибры и стали приоритетом всего. — я вытянула руки вверх оголяя пупок, что выглядывал из-за высокого ремня шорт. — воспитал, помог пережить первый стресс, но стал главной причиной настоящей депрессии.

— Ди, если все так гладко, то почему Дима хотел тебя придушить? — опешила Веста, но по мордочке было видно, что истории подобного рода интриговали девчонку вроде нее.

— А потому что пришел он однажды в «Ма Бэкер», а там объявленная в розыск падчерица вертит задницей и не стесняется этого. Мы тогда сильно повздорили с матерью, и я послала ее к черту, собрала вещи и громко хлопнула дверью. Она не нашла ничего лучше, как написать заявление о моем исчезновении. — почесывая острыми коготками щеку, я зевнула. — это уже в баре я узнала, что он наставлял рога матери уже давно, и примерным семьянином никогда не был. Вот видимо и решил, что я все о нем расскажу, а тут видишь как получилось. — нервно засмеявшись я села на край бетонного ограждения и посмотрела на Весту поправив ее сползающие на нос очки. — потом только все изменилось. Когда он стал приходить в бар, как мой самый горячий поклонник, что бросает все розы мира к твоим ногам. Тогда со сцены, я ловила его властный, надменный взгляд в области ключицы, и чувствовала себя невинной, беззащитной жертвой, которой после танца вопьются в шею и будут упиваться до тех пор, пока не кончится горячая кровь девственницы. Там со сцены я чувствовала пульсацию аорты, разливающуюся по невинному телу горячую магму, которая заставляет промежность предательски гореть пламенем. Знаешь, я теряла здравый смысл, сознание, обладание и волю еще до того, как он ко мне прикасался. — очередная

сигарета. — а еще именно с ним я поняла, что ревность может возбуждать. Играет он только всегда не по правилам. Рука на горле, на бедре и ты перед ним беспомощная.

Редкие капли начинающегося дождя и Веста поднимает голову глядя на ночное небо. Стекланный город окутанный ночью пейзажей мегаполиса, где скрываются нити недосказанности, влекущий мерцанием неоновых вывесок своих пташек и помогающий спрятаться во тьме нуждающимся в защите сиротам без присмотров главных покровителей. Чувствуя нарастающий хлесткий ливень, я накинула капюшон кожанки. Дождь способен помочь спрятать предательские слезы, и этим так активно пользуется Веста. Она медленно встала, и молча направилась к дороге, но секунду спустя обернулась, не сдерживая накала нахлынувших эмоций.

— Да почему у всех вокруг такая интересная жизнь? — прошептала Веста смахивая обиженные капли слез с лица. — чем я заслужила все это? Быть в числе тех, кто просто рядом?

— Считай, что жизнь тебя просто бережет от опасности. — улыбнулась я.

— А я хочу опасностей, хочу, мать их, приключений на свою задницу. Да пусть мне отрубят голову, как той, как ты считаешь, глупой блондинке, но это будет яркая жизнь. — Веста топнула ногой и образовавшая дождем лужа обрызгала ее белые носки. — бл*ть, даже тут не везет.

— Иди домой, маменькина дочка, и не ввязывайся на проблемы.

Мы разошлись совершенно в разные стороны, и только шедшая в дождь я, думала, что сидя на водосточной трубе, словно гуляющая сама по себе кошка, можно спрятать от людской злости, что ломает тебе изнутри ребра своей несправедливостью и ложью. Глупый кролик, как ты этого не понимаешь...

Выступая на частной вечеринке криминала и жесткого правосудия, каждый отыгрывал свою роль удава и пушистого кролика, что ценит не только преданность своему делу, но и людям. Будь то вор-рецидивист с его страстным желающим следователем, до партнеров свингеров с самыми низменными желаниями почувствовать жесткий секс, снятый на скрытую камеру, и увидев позже запретное видео не покраснеть от воспоминания удовольствия, что смешиваются с яркими красками стыда. Следователь Добровольская давно играет на две стороны, что по ощущениям схоже с хобби. Конечно, когда впервые говоришь с новой женщиной, то последнее, о чем ты хочешь рассказывать, что ты следователь или, как это принято говорить в Америке — коп. Как правило, люди начинают относиться к тебе с настороженностью, подозрением и страхом о том, что ты сможешь узнать о них всю подноготную по щелчку пальца, но только они никогда не думали, не допускали мысли, что сами тают в руках закона раскрывая козырные карты в руках и подаются в партии карточной игры позабывав, что по жизни еще те шулеры.

Это ролевая встреча с самым непредсказуемым концов. Следователь Добровольская решила, что самое время самой появиться в стенах одного пикантного бара под названием «Белая лошадь». Кира так долго ждала, когда сможет прийти незаметно в это заведение в ночь «смены ролей», как это называлось в баре. Приготовленный заранее костюм черного кролика — визитная карточка истинной змеи, что способна скрыться в самые непредсказуемые ситуации, и вылезти вон из кожи, чтобы сохранить себе жизнь в мире, где стоит на вершине пищевой цепочки подвинув самого свирепого льва укусив в его Ахиллесову пяту оставив далеко позади, и самостоятельно провозгласив Гадюку — царицей всех зверей.

Обтягивающий на шнуровке черный, латексный корсет плотно облегал ее изящное тело. Колготки в крупную сетку впивались в ножные впадинки бедер очерчивая изгибы самых пикантных мест женского тела. Черные, лакированные туфли на каблуке придавали длинную ногам, и самое главное — черные, кроличьи ушки с маской, розовым носиком — мечта любого галантного извращенца, что провожал лохматый хвостик скользкими взглядами ниже поясицы, и стоило кролику обернуться, как волки превращались в робеющих овец от одного уверенного, женского взгляда. Ее ждала «интимная ласка». Завязывая глаза непроницаемой, атласной черной лентой она не теряла высокомерия, уверенности в шаге даже потеряв на несколько секунд зрение. Риск смерти так что дышит ей в затылок, что бояться сейчас бессмысленно. Как только лента медленно, касаясь своими нежными краями кожи пала на острые колени, Кира зажмурилась от резкости яркого света.

Ее поместили в темную комнату, где горела единственная лампочка подвешенная в центре узкой комнаты. «Тюремный стиль» — подумала Кира, как вдруг почувствовала железные браслеты, что так грубо защелкнулись на нежных запястьях. Она впервые почувствовала себя на месте жертвы, но чувство притягательности, чувство влечения заставляли ее подчиниться нахлынувшим чувствам, что заставляли женское нутро гореть синим пламенем желания, кое свойственно любой хорошей девочке. Глаза привыкали к темноте, и казалось, что сейчас не страшно оказаться в аду. Изящный женский силуэт повидался тенью на столе позади следователя и нервы защекотало приятное, разливающиеся по жилам чувство опасности той, кто играет всеми дамами из колоды.

— Знаешь, что различает гадюку от любой другой змеи? — произнес урчащий женский голосок. Девушка нежно убрала прядки серебристых волос с небольшого уха следователя. — за внешностью змеиною спокойствия скрывает свою истинную натуру убийца животного мира, что вонзает острые клыки в тело заполняя его ядом. Скрывает свою беззащитность за желание броситься первой, чтобы убить. Так и ты... — голос снизился до шепота. — скрываешься за маской кролика в надежде придушить меня при первой же возможности, но только я знаю все твои секреты.

— Знаешь все мои секреты. — голос следователя не дрогнул. — я сама их не знаю...

— Для меня не проблема их тебе поведать. — проурчал женский голосок доносящийся со стороны.

Опираясь локтями о крышку крепкого стола, она склонила голову под тусклый свет лампы, и Кира замерла от несвойственного удивления. Елагина...дочь проклятого рэкетира, что была настоящей одержимостью следователя сейчас маняще улыбалась ей, как самая озорная из всех ранее встречавшихся ей женщин скрывая бесстыжие, голубые глаза за козырьком полицейской фуражки. Протянув свою нежную кисть, спрятанную за тканью обрезанных на пальчиках кожаных, черных перчаток, Виктория провела по очертанию острого подбородка Киры, губам и замерла в ожидании дрожащего выдоха следователя. Нагло, откровенного раздеяв взглядом и без того еле одетую девушку Кира могла сломить одним взглядом волю надменной противницы закона.

— Я поклялась убить тебя, когда мне было тринадцать. — прошептала Виктория. — ох, дорогая, если бы ты знала, как ненавижу тебя за всю боль, что ты причинила моему отцу.

— В тринадцать? — ухмыльнулась Кира. — когда я на твоих глазах назвала папеньку «криминальной проституткой»?

— Тогда я была малолеткой, что могла только строить планы, но сейчас... — Виктория, словно игривая змея подползла к губам следователя. — но сейчас ты в моих криминальных руках.

— Разве что-то изменилось? — прошептала Кира ласкаясь о горячие губы Елагиной. — ты все такая же малолетка, милая.

— Я малолетка, а ты кролик. Кролик в руках хитрой змеи, дорогая. — Виктория облизнулась. — змеи обнимают жертву кольцами и вонзаются в шею. — прошептала девушка.

— Для гадюки ты слишком долго меня ублажаешь. — самодовольно проговорила Кира. Жар по коже от звонкой пощечины заставил покраснеть кожу, словно прикосновение дикой крапивы. — сильнее, девочка.

Казалось, что берущее верх либидо Елагиной просто не выдержит женской дерзости Киры. Ошарашенная, и в тоже время возбужденная до предела девушка опрокинула под собой стул, резко запустив раскрытую кисть в волосы строптивного кролика оттягивая их назад, склоняя голову над манящей тонкой шеей. Мокрые, горячие губы скользили по нежной коже вниз оставляя за собой влажную дорожку слюны, что заставляет дрожащие хрипы срывать с губ следователя. Приглушенный стон заполнял своим подлым эхо стены небольшой комнаты, стоило Елагиной прикоснуться к небольшой, аккуратной груди Киры. Резко опуская декольте корсета вниз оголяя упругую, стоячую грудь. Бежевые ореолы напоминали блюдца с горячим шоколадом обильно разбавленные горячим молоком, а окаменевшие от прикосновений соски — твёрдые ириски.

— Если... — простонала Кира. — если все так, то на кой черт ты церемонишься со

мной? У тебя были тысячи шансов отомстить мне за смерть отца.

— Не стану же я портить репутацию, — улыбнулась Виктория сев на колени следователя. Ее ладони обвили шею Киры, словно медленно подкрадывающиеся змея. — твоим убийством, моя дорогая.

— Репутацию? — ухмыльнулась следователь-у таких, как ты, ее просто нет.

— Какая же ты дрянь. — Виктория облизнулась и ее мягкие губы впились мертвой хваткой в губы Киры.

От мокрых поцелуев до гладкого скольжения по бедрам оставались секунды, которые Киры так несчастно считала в голове не подавая вида. Елагина чувствовала, как закипает кровь пульсациями в висках, и ее нутро требует выхода назревшего женского либидо. Покрывая бархатную кожу следователя своими сладкими поцелуями от шеи до груди, Виктория теряла голову в чувстве одержимости, в чувстве желания, в чувстве истязующей ненависти. И зная о следователе все, что только можно знать, она упивалась собственной ничтожностью с которой сталкивалась в отражении бесподобно серых глаз.

— Что же ты... — простонала Кира. — криминальная дива, такая робкая мышка перед лицом закона? Освободи мне руки, и я заставлю тебя заскулить от собственной жалости.

Елагина остановилась. На секунду уверенность покинула ее душу заставив аппетитное тело содрогаться от той возбуждающей правды, что, не стесняясь рубила, рассекала своими языком-мечом следователь. Играющая хищная улыбка походила на оскал, и Кира млела в руках этой женщины. Сжимая со всей своей силой хрупких ладоней небольшую грудь, она сдавила холодными пальцами сладкие вишенки на верхушках пирожных, игриво царапаясь острыми коготками. Несколько резких шлепков по набухшей груди заставили следователя издать утробное рычание.

— Я так ждала этого момента. — Виктория схватила пальцами женские скулы. — мечтала, как буду смотреть в это жалкое личико и млеть.

— Да только жалости ты добиться не можешь. — Кира облизнулась. Острый язычок нежно коснулся верхней губы.

Что-то оборвалось в душе Елагиной, и она вздохнула. Потух огонь в небесно-голубых глазах, словно она снова сыграла в любовь и проиграла. Встав с колен следователя, она освободила девушку, подняла упавший стул, чтобы сесть на него крепко обняв единственную крепкую спинку в ее жизни. Она поникла в свойственной меланхоличной натуре апатии. Исчезла с лица хищность, а оскал возбуждения сменился на улыбку возникшей хандры. Виктория достала из кармана шорт сигареты и закурила, хотя курить она старалась бросить. Добровольская вздохнула, но понимающе улыбнулась. Она медленно подошла к Виктории снимая с головы кроличьи ушки. Крепко обняв Елагину за плечи, Кира надела ушки ей на медово-молочные волосы, и они грустно покосились.

— Котенок ты еще, — следователь поцеловала девушку в щеку нежно вынимая сигаретку из ее длинных пальцев, и затянувшись, убрала спадающую прядку волос с ее лица. — у тебя все получится. Я тебе обещаю.

— Надеюсь, твои заплаченные деньги за услугу «Интимная ласка» я отработала.

— Вик, прости за отца. — Кира облокотилась ягодицами о стол и снова затянулась. — я признаю, но действительно мне стоило в свое время заняться другими преступниками, а я, как шавка вцепилась в твоего отца и всячески пыталась засадить его за решетку.

— Что не так? — Елагина вздохнула. — тебе ли с твоим безупречным нюхом полицейской ищейки извиняться передо мной? Ты была права с точки зрения следователя и

закона, а я могу выгораживать его, как дочь, но по факту-то да, он был преступником и промышлял грязными делами только бы я ни в чем не чувствовала себя обделенной. — Виктория выгнулась разминая спину. — знаешь, что я поняла после его смерти? Ты сможешь выбраться из любого дерьма, а если меня пристрелят, то все.

— Можно подумать, что если меня застигнет шальная пуля, то я буду не все. — Кира засмеялась.

— Мой отец подстреливал тебя пять раз, и каждый раз ты оказывалась живее всех живых. — Елагина улыбнулась. — забавно, хотела доказать себе, что не неженка, а ты оказалась тем еще орешком.

— Ваша семейная черта — сомневаться во мне. — Кира улыбнулась. — давай на чистоту, никто еще не смог меня расколоть. Всю свою сознательную жизнь я подчиняла себе мужчин, и чем все это кончилось? Я имею в арсенале кучу любовников, но они все слюнтяи. Если честно, то я хочу, чтобы меня сломали, но только более властная женщина, а не какой-то хер с самомнением до горы.

— Не волнуйся, конфетка, мы с тобой об этом еще поговорим. — Елагина ухмыльнулась.

— Не сомневаюсь, но только не здесь... — Кира выдохнула колечко дыма.

— И не сейчас...

*Веста

Как часто в жизни все меняется, и мы не замечаем череду иной раз несвязных событий, но если вглядываться в бездну, то и бездна начнет вглядываться в тебя своими черными, влекущими глазами. Мама всегда говорит, что резкие повороты, спонтанные решения никогда не приведут к счастью, и что к нему следует ступать последовательно, осознанно, а не запланированное счастье недолговременное. Она любит рассказывать, что любовь моего отца всегда была яркой, была опорой, прощала все, признавало все нестыковки в жизни, но только все это целое чувство было только красивым, но не вечным. Всему виной мама говорит его ветреная натура, которую он и показал спустя пятнадцать лет брака. Впрочем, мама всегда говорила, что, как мужчина он не компетентный, как и сотрудник фирмы на которую работал. На работе не славился ни своей внешностью (хотя тут я с мамой не согласна, ибо я копия отца, а внешность моя безупречна и красива), ни своими поступка, и даже статус среднего рабочего никогда не был ему на руку, но только вот другая женщина, что решилась родить ему ребенка была уверена в обратном, а детей от непонятого кого рожать не станешь. Свою тягу к ярким приключениям сейчас я приравниваю к желанию отца быть счастливым.

В целом, мама и папа нашли общий язык сразу, но только сейчас мама ненавидит его всей своей душой, и брезгливо называет «бывший». Возможно, именно сейчас я рассматриваю всю ситуацию с высоты своего кратковременного полета, и могу сказать, что чувство родства между душами, которое сейчас практически не встретишь, и это так отвратительно печально. Взять хотя бы меня... Макс с которым у нас был только отличный секс, и Дима с которым нам, как оказалось никогда не быть вместе. Разве хоть кто-то из них был мне близок душой? Нет. И вот сейчас я вернулась домой, бросив рюкзак на пол, и скатившись спиной по входной двери вниз, я достала из джинсовой куртки вибрирующий телефон. Мама... она звонила раз двенадцать до этого, но только я была не в состоянии ответить. Труба зовет. Я должна. Наушники в ухо и принять вызов.

— Привет, мам. — вздохнув ответила я слыша ее недовольное сопение. — я знаю, что оборзела, но у меня не было возможности ответить раньше. Прости, пожалуйста, я была не права. Как твои дела?

— Веста, что происходит? Ты мне не звонишь, даже паршивую смс не можешь отправить? Что происходит? Куда ты вляпалась? — встревоженно начала лепетать мама срываясь то на визг, то на крик. — Веста, почему ты молчишь?

— Знаешь, никуда я не вляпалась. — вздох. — знаешь, что я поняла за последние пару дней? Моя жизнь фуфло. Мне двадцать три года, а за это время единственное, что я добилась в жизни — разочарование. Звездой так и не стала, из бара уволили, задание для следователя провалила, и самое обидно, что ничего в жизни не поменяется. Понимаешь, я какое-то ничтожество. Вокруг мир приключений, где у простой обывательницы какого-нибудь бара есть возможность познакомиться с воротилой криминала, а я... а я буду плясать голой на столе и единственные кто клюнут на меня — старые деды, которые еще помнят, как нужно... впрочем, неважно. — я достала мятную жвачку из кармана куртки и закинула две подушечки в рот. Холодок заставил рот жечься мятой.

— Девочка моя, что с тобой творится? — разочарованно вздохнула мама. — ты должна

благодарить Бога за жизнь, за то что живешь, и что не инвалид, а ты расстраиваешься из-за такой ерунды. Вест, может быть вернёшься домой? Мы что-нибудь с тобой придумаем, устроим тебя ко мне на работу, и глядишь ты познакомишься с хорошеньким парнем, выйдешь замуж, родишь ребеночка и станешь приятной, примерной женой и матерью. Быть может, твоя семейная жизнь сложится гораздо лучше, чем моя. Вест, слышишь?

— Бл*ть, какая семейная жизнь, мам? — не сдерживая слез прошептала я. — не хочу замуж, тем более, не хочу дурацких детей. Мама, я жизни такой, как у тебя не хочу. — шмыгая носом отвечала я. — я другой жизни хочу, может быть, у моря будучи подружкой бандита, что будет использовать меня в своих корыстных целях, а я буду купаться в роскоши, в заляпанных кровью деньгах и его любви. Ты хочешь, чтобы я была как ты? Никому не нужной? Одинокой в сорок лет из-за собственных капризов? Нет. Такой жизни я не хочу.

— Это все твой дурацкий Максим со своей тупой натурой, да? Он вбил тебе глупость в голову, а ты, девочка моя, восприимчивая же. Наивна, глупенькая, ну зачем тебе все это? Ты понимаешь, что жить в постоянной опасности нельзя, и в конце концов, в тебе проснется женщина и...

— Мам, закончим разговор на этом. Ты меня не слышишь, а я не хочу слушать поток твоего бреда. — я завершила вызов выключив телефон.

Я никогда не стремилась стать властной, и довольствоваться ролью той же рабыни было бы для меня наивысшим удовольствием. Многие хотят быть госпожой, но только шептать благодарность своему хозяину намного слаще, чем отдавать ничтожные приказы. Воображая себя стоящей на коленях с завязанными руками, я представляла, как от непреодолимо влекущего, властного взгляда может стечь кровь в юных жилах. Сексуальный марафон жесткого секса заставит хрупкое тело дрожать в приятной неге, и твоя...твоя благодарность, как наивысшая цена всего земного согрешения станет стимулом быть грубее, жестче, безжалостнее заставляя хрипеть в приступе очередного удушья, бессознательности. Мне казалось, что быть живой, хрупкой фарфоровой куклой в руках достойного партнера, которую всячески роняют о твердый пол, но вместо осколков получают целостное нутро живой игрушки — стремление, которое достойно только избравшим терновую дорогу женщинам, что не бояться ступить на него босиком. Я настроена решительно...я найду свою судьбу...я заставлю сердце молиться Богу...я пожертвую свободой, но ради чего...

Меня встретили в «Ма Бэккер» презрительно, надменно и те, кого я считала своими напарницами не стеснялись бросать колкие взгляды мне в спину, но только они не учли, что кошка на шавок первая не бросается. Ступая за Гелей такт в такт, я думала только о том, что должна заполучить эту работу любой ценой. Стать прислугой — задача нетрудная, и я думаю, что для этого большого ума не нужно. В мыслях всплывало одно золотое правило следящего детектива, увы, не помню из какого фильма, но гласило оно следующее: соглашайся с подозреваемым в случае с близкой слежкой. По правде говоря, я не собиралась помогать Кире, Виктории...я хотела просто окунуться с головой в этот омут, чтобы потерять все контакты и стать одним целым с новым миром под названием «Криминал». Ангелина попросила подождать.

Я бросила все: семью, новых друзей и старые привычки. Собрала в небольшой чемоданчик все свои вещи, документы, и решила просто начать новую жизнь, но не меняя имени. Оно, как мне кажется, счастливое. Нервно выводя округлости дверной ручки, представляла, что ожидает меня за дверью, и как воспримет мое появление Лина. Захочет ли

она видеть вновь ту, кто принесла столько шуму ее бару. Вдруг дверь резко открылась, и прямо на пороге меня встретила Лина. Хорошо сложена, и безупречно воспитана. Сдержанность ее конек. Я вспомнила, что ей двадцать восемь лет, и только сейчас поняла, как она холодно-сексуальна. Тот самый тип женщин, которых раздевать не нужно, чтобы почувствовать вкус сладкого удовольствия. Ее небольшие бедра спрятаны за облегающей по фигуре черной, строгой юбкой длиной чуть выше колена с пикантным разрезом по правое бедро, а полупрозрачная рубашка из самых мягких тканей свободно облегает тело. Тонкий ремешок свободно болтается на талии, и я запомнила ее щелкающие пальца с длинными, изумрудными ноготками, что выводят меня из глубокого транса. Почему-то, я прекрасно представляла ее в образе той самой блондинки, что насвистывает всем знакомые мотивы в фильме «Убить Билла». И хотя к блондинкам она не имела никакого отношения, ибо носила каштановое каре, но холодная красота завораживала своей умиротворенностью.

Ангелина выходить не собиралась. Расположившись на голубом диване, она заполняла бумаги, и блеснув мне своими строгими очками, она многозначительно ухмыльнулась. О Геле я знала немного. Секретарша и правая рука Лины, возможно еще и любовница, близкая подруга или сестра по матери. Я находила ее в социальной сети, и запомнила, что ей всего двадцать один год. Впалые скулы, острый подбородок и нос схожий с птичьим клювиком выдает в ней восточную национальность. Ее темно-карие глаза скрыты под оправой строгих очков, а правая чуть изогнутая по форме бровь, прибавляет личику надменности, из-за которой возникает желание сломать ей клюв. Обладательница спортивной фигуры, которой завидую даже я. Накаченные бедра, упругие ягодицы безумно вульгарно выделяются на фоне ее подтянутого, плоского верха. Белая рубашка, застегнутая на все пуговицы, плотно облегает ее торс, и выделяет накаченный пресс. Строгие брюки капри свободно спадают на бедра, но только ягодицы, как новенький футбольный мячик привлекает внимание в ее фигурке. Ее черные волосы, собранные в высокий хвост явно, перетягивают лицевые нервы, но это уже совершенно другая проблема. Геля перекинула ногу на ногу, и чуть приспустила тонкую оправу с носика.

— Обычно, люди посланные мною не возвращаются сюда снова. — Лина ухмыльнулась.

— Я услышала о том, что Вам требуется гувернантка. — пролепетала с нескрываемым волнением я. — или я уже опоздала и должность занята? — мой взгляд нервно бегал по женским ногам, и спустя секунду руку стали влажными.

— Лина, Вы помните, что Вас ждут в «Олимпе» через час? — спросила Геля с нескрываемой улыбкой.

— Совсем забыла. Так, Геля, девочка моя, заключи с Вестой договор, а я побежала. Надеюсь, птичка, — она склонилась над моим ухом убирая прядку волос. — мы с тобой работаемся.

Ангелина внушала мне дикий страх одним своим присутствием, но при взгляде глаза в глаза, я и вовсе вздрагивала. Не скрывая чувств, и распирающей ее душу надменности, она не стесняясь цокала языком и ухмылялась. Тонкие губы искажала кривая улыбка, и в какой-то момент она оставила возню с бумагами, и выпрямившись, скрестила руки на уровне груди продолжая сверлить меня своим укоризненным взглядом. Я аккуратно села на мягкий стул, и обняв локоть правой рукой старалась скрывать испуганного взгляда. Ангелин прикусила губу, и устало вздохнула, рассматривая меня снизу-вверх.

— Значит, — начала говорить Геля взяв в руки папку с бумагами. — ты уверена, что работа у Лины тебе по зубам?

— А в чем собственно проблема? — удивилась я.

— Само слово «гувернантка» тебя не смутило? Ты видишь у нее наличие детей? Или что?

— Я не понимаю тебя. — растерявшись я вздохнула.

— Гувернантку нанимают в случае, если у родителей нет времени на воспитание своих подрастающих детей, но в доме Лины детей не бывает, и зная сейчас такие нюансы, ты все еще сидишь здесь и не уходишь. Почему? Почему бы тебе не забрать свои шмотки и убраться? — Ангелина перекинула ногу на ногу и улыбнулась продолжая впиваться своим язвительным взглядом в мои глаза.

Морально я была готова ко всему: к драке с Гелей в пухни и грязи, получить по лицу, выстрелу в грудь и даже надругательству, но только не отступить. Я видела в этих глазах настоящую ревность на какую способны только кошки, что будут стараться, чтобы, приблизившись выцарапать тебе глаза упиваясь кровью. Дай ей еще секунду, и она кинется разгрызть мне глотку, но вдруг она спокойно выдохнула.

— Если Лина ищет гувернантку, то видимо, на то есть свои причины. Я готова помогать в любой ситуации. — я встретилась с ней взглядом и Геля иронично повела бровью.

— Возомнила себя матерью Терезой? — Ангелина хищно окрысилась. — разве не ясно, что здесь тебе не рады? Сколько еще мне нужно втоптать тебя лицом в грязь? — протягивая свою тонкую кисть к моему лицу, она убрала спадающую на щеку белокурую прядку. — или быть бесхребетной дурочкой твое амплуа?

— Как и твое показывать самодурство. — прошептала с хитрой улыбкой я.

— Что же, скажу Лине, что ты отказалась от работы и...

— Отказалась? Веста, что случилось? Мои условия не подходят тебе? — вдруг послышался голос Лины.

— Ли-лина? А как же встреча? — удивилась Геля.

— А.-Лина махнула рукой опустошив высокий стакан с чистой водой. — смешно выходит, но мои коллеги сказали, что передал тебе, Гель, что встреча перенесена.

Я расслабленно выдохнула. В присутствии Лины ее секретарша становилась спокойной, послушной даже робкой. Не говорит лишнего, и собственно, спустя несколько секунд договор оказался в моих руках на подпись. Я внимательно пробежалась глазами по незначительным пунктам, которые обычно прописываю в любых трудовых договорах, но вот последний пункт, который выделен красным цветом почему-то насторожил. Мне нужно обсудить все с Линой тет-а-тет.

— Ну что там, Веста? — улыбнулась Лина. — все хорошо?

— Ну-у-у, — я откровенно замялась. — есть один пункт, который я хотела бы...

— Геля, на сегодня ты свободна. — вдруг прервала меня Лина.

— Свободна? — опешила Ангелина. — но я думала, что мы...

— Иди домой, встретимся завтра полдень. — проговорила сквозь зубы женщина.

Ангелина не могла послушаться свою начальницу, и удалилась в течении десяти минут. Такая жалкая, как брошенный в дождь щенок. Обладая бешеной силой, она предпочла подчинение власти. Как только двери за ней захлопнулись, Лина сняла свои высокие, классические туфли, и ее небольшие ступни мягко легли на сидущку дивана. Женщина протянула довольный, утробный стон.

— Это маленькие слабости, Веста. Я безумно люблю ходить босиком, но возможность схожа с роскошью. Ее либо нет, либо катастрофически мало. Так что за пункт? —

улыбнулась Лина.

— Пункт «покорность, безмолвного исполнения любого желания хозяйки».-спокойно прочла я, и подняв взгляд на Лину вздрогнула.

— Разве Геля не объяснила суть твоей работы? — иронично скривила бровь женщина.

— Нет. Все что она делала — смешивала меня с грязью.

— Это естественно. Если честно, то меньше обращая на нее внимание. Может быть она мне и дорога, как хороший сотрудник, как исполнительная секретарша, но как женщина она лютаая гиена. — Лина провела кистью по своей шее. — меньше слушай эту завистливую девку. Мерзавка никак не может смириться с тем, что лакомые куски никогда ей не достанутся. Так вот, на счет пункта и твоей работы. «Гувернантка» — мой особый вид добровольного признания себя рабой. По сути, я предлагаю тебе практически половые отношения со мной, выход в свет со мной, и еще я страдаю лунатизмом, но это не суть важна. К слову, ты не имеешь никаких прав на свободу до истечения срока нашего с тобой договора. Я запрещаю тебе контактировать с людьми, которых посчитаю недостойными, ты не имеешь никакого права покидать мой дом пока я нахожусь в «Ма Бэккер», а впрочем, ты будешь здесь со мной. В твои обязанности входит: первое — обслуживание моих интимных прихотей в любое время суток. Я желаю получать доступ к твоему телу двадцать четыре часа в сутки, если, конечно же, сама этого захочу. Второе — одно из самых важных правил — это твой стиль, твой запах и макияж. Забудь о брюках, забудь о футболках и рубашках. Впредь, ты должна будешь надевать платья, которые я куплю тебе, обувать туфли без каблука и краситься, как захочу. В плане макияжа, я не прихотлива. Твое нежное личико должно быть чистым, брови ухоженными, а губы иметь ядовито-красный цвет. На счет запаха... — Лина подошла ко мне ближе и склонилась над шеей. — желаю, чтобы твоя нежная шейка источала запах малины. Я с ума схожу, когда женщина пахнет ягодами. Третье правило, кстати, мое любимое. Во время моих важных встреч, если, конечно же, это имеется в виду деловых и проходящих в доме, ты должна сидеть у меня в ногах в красивом нижнем белье, и держать в руках стакан с моим напитком. Я понятно объяснила? Проще говоря, ты соглашаешься стать женщиной разделяющей со мной ложе, милашка. — улыбнулась Лина.

— Я даже не знаю. — замялась я. — это как-то...

— Кто тебе сказал о месте гувернантки? — спросила Лина облокотившись о гредушку кресла.

— Про место? А, Вика Елагина. — вздохнула я, но только поздно вспомнила, что это нельзя было говорить.

— Ах, вот как. — Лина хитро улыбнулась. — значит, ты с ней знакома?

— Не стану скрывать, но да. Она приходила в бар, где я танцевала, и сказала, что ты ищешь гувернантку, что я подхожу.

— Больше она ничего не сказала?

— Нет. — неуверенно пожала плечами я.

Извилистая дорога череды и событий всегда полна разными людьми, но жаль только того, что слезы не способны отмыть грехи. Лина ухмыльнулась. Медленно подойдя ко мне, она резко схватила мои скулы, вырвала договор из рук и облизнулась. В хищных глазах горел огонь азарта, а на губах исказилась сладкая, но такая устрашающая улыбка. Резкое замахивание и такой мягкий шлепок по моей щеке.

— Кролик, жаль тебя расстраивать, но тебе не удастся вернуться домой, поплакаться мамочке, что злая тетя Лина обижает тебя. Теперь ты моя ведь, и я буду делать, что хочу, а

Елагиной мы завтра передадим привет. Если попытаешься послушаться, сбежать, то я... — ее тонкие пальцы резко проникли в мой приоткрытый рот, и надавив двумя пальцами на мягкий язычок, она большим пальцем обвила мой подбородок. — сумею подставить тебя, а может и убить, но ты ведь будешь послушной девочкой?

Я нервно закивала головой. Тонкие струйки слез потекли предательски по щекам. Лина резко вынула свои пальца, и поцеловала мои губы с такой грубостью, что от боли свело скулы.

— Вытри свои влажные слезы...я не переношу женских страданий... — прошептала Лина.

Больше книг на сайте - Knigoed.net